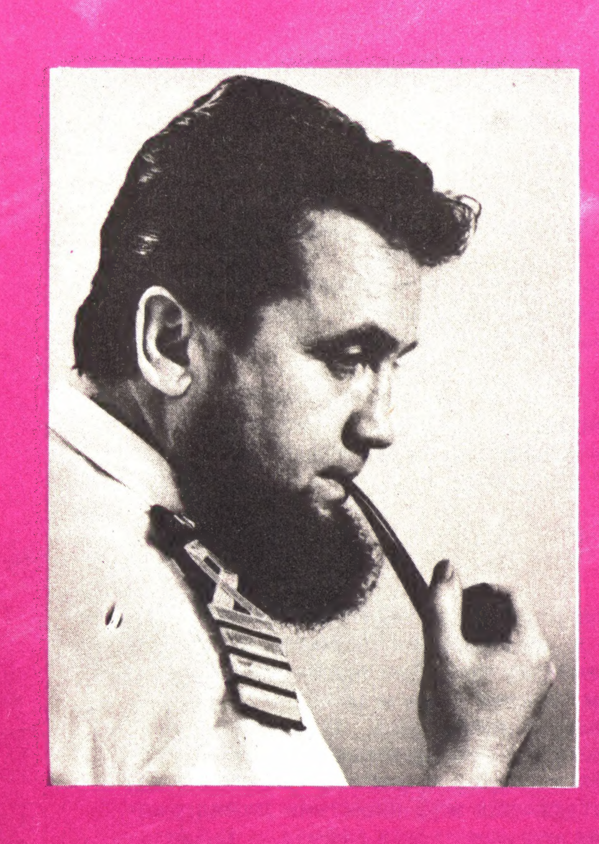
№ 4 (986) · 1984

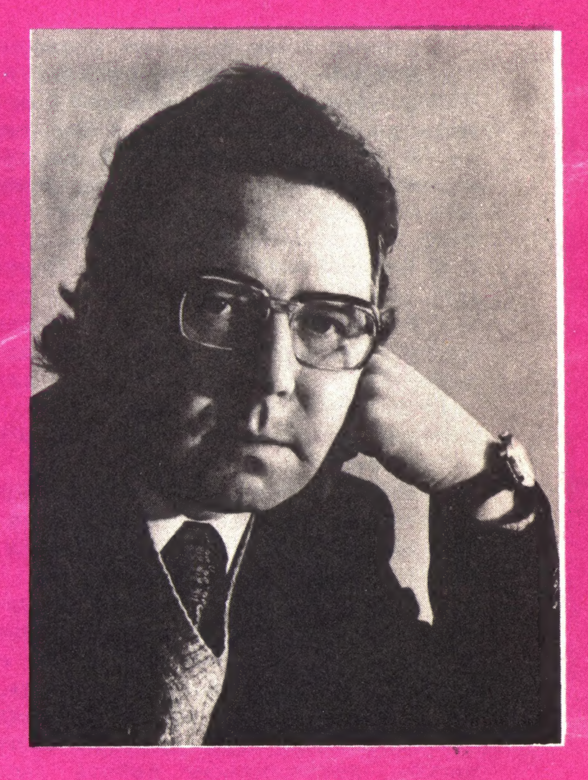
РОМАН-ГАЗЕТА

ISSN 0131-6044

СТАНИСЛАВ ГАГАРИН

ТРИ ЛИЦА ЯНУСА

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

СРЕДА ОБИТАНИЯ

СТАНИСЛАВ ГАГАРИН

Станислав Семенович Гагарин родился в 1935 г. в Подмосковье.

В 1956 г. он закончил судоводительский факультет Ленинградского мореходного училища, стал штурманом дальнего плавания, плавал на торговых, экспедиционных, аварийно-спасательных и промысловых судах в Арктике, Атлантике и на Дальнем Востоке.

Одновременно учился во Всесоюзном юридическом заочном институте, потом в аспирантуре, по окончании которой работал в институте старшим преподавателем теории государства и права.

Первая книга С. Гагарина — повесть «Возвращение в Итаку» — вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1972 г. В ней рассказывается о необычной судьбе-одиссее капитана траулера Олега Волкова.

В 1974 г. выходит сборник его детективных повестей «Бремя обвинения», в 1977 г.— фантастическая книга о дельфинах «Разум океана», спустя два года — историческая повесть «Память крови» — о Евпатии Коловрате, о мужестве и героизме рязанцев, встретивших батыевы полчища. Перу С. Гагарина принадлежит также сборник рассказов о наших современниках — «Маленький краб в стакане» (1980).

В серии «Военные приключения» Воениздатом выпущен в 1981 г. сборник повестей писателя, посвященных деятельности советских разведчиков. Заглавная повесть «Три лица Януса» предлагается вниманию читателей.

За это произведение писатель удостоен Почетного диплома Союза писателей СССР, Союза кинематографистов СССР, а также награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР.

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

Сергей Александрович Высоцкий родился в 1931 г. в Ленинграде.

В 1941—1942 годах находился в осажденном городе, а осенью 1942 г. через Ладожское озеро был эвакуирован. Три года провел в детском доме, так как к этому времени умерли отец и мать.

В 1945 г. С. Высоцкий вернулся в Ленинград. Окончил гидрометеорологическое отделение Ленинградского арктического училища, был комсоргом политуправления Главсевморпути, работал в Ленинградском обкоме комсомола. Закончил отделение журналистики Ленинградской Высшей партийной школы. Первая журналистская работа — заместитель редактора, потом редактор ленинградской газеты «Смена».

В 1964 г. С. Высоцкий переезжает в Москву. Работает ответственным секретарем журнала «Молодая гвардия», заместителем главного редактора «Комсомольской правды», редактором отдела литературы и искусства в газете «Социалистическая индустрия», в 1969—1975 годах — главным редактором журнала «Человек и закон», с 1975 г.— в «Огоньке».

Первая книга С. Высоцкого «Спроси зарю» вышла в 1969 г. В 1970 г. издается вторая книга — «В стране непокоренных» — итог длительной поездки С. Высоцкого и художника И. Глазунова в Северный Вьетнам, когда там шла война.

С тех пор опубликовано четырнадцать книг писателя. Многие его произведения навеяны воспоминаниями о трудных годах Ленинградской блокады: «Увольнение на сутки», «Неизвестный голландский мастер», «Недоразумение», «Реки Вавилона».

В 1983 г. вышел роман «Анонимный заказчик».

За повести «Наводнение», «Крутой поворот», роман «Среда обитания», посвященные работе Ленинградского уголовного розыска, автор удостоен в 1977 и 1980 гг. премий Союза писателей СССР и МВД СССР, а в 1982 г. за документальную повесть «На Ладоге свежий ветер» — премии Союза журналистов СССР и МВД СССР.

По сценариям С. Высоцкого сняты фильмы «Пропавшие среди живых», «Три ненастных дня», «Крутой поворот».

РОМАН-ГАЗЕТА

ОСНОВАНА В 1927 г.

№ 4 (986) 1984

ИЗДАНИЕ ГОСКОМИЗДАТА СССР
МОСКВА

СТАНИСЛАВ ГАГАРИН

ТРИ ЛИЦА ЯНУСА

ПОВЕСТЬ О РАЗВЕДЧИКАХ

РЫЦАРИ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Приключенческую литературу любят все. Написанные на жизненно правдивом материале и добротные в литературном отношении произведения этого нестареющего жанра пользуются вниманием ветерана войны и юного пионера, прославленного академика и инженера, совхозного комбайнера и космонавта. И поскольку спрос рождает предложение, ответственность писателя, берущегося за остросюжетное произведение, рассчитанное на огромную аудиторию, особенно велика.

Повесть Станислава Гагарина «Три лица Януса» являет собой серьезное, психологически убедительное исследование многих сторон деятельности советского разведчика, который работал в Кенигсберге в 1944—1945 годах.

С. Гагарин, известный читателю морскими повестями («Возвращение в Итаку», «Разум океана»), психологическими рассказами о современниках, исторической повестью о Евпатии Коловрате («Память крови») — не новичок и в приключенческой, детективной литературе. Известны его повести о деятельности советских разведчиков и контрразведчиков «Последний шанс фрегатен-капитана», «Бремя обвинения», «Десант в прошлое», «Третий апостол». Эти книги отличает хорошее знание материала, умение автора воссоздать многогранный человеческий характер. Таков Сиражутдин Ахмедов-Вилкс, таинственный Янус, блестяще справляющийся с ролью офицера вермахта. Это волевой, всегда уравновешенный и мужественный человек, сумевший перевоплотиться из дагестанского горца в уроженца Баварии. И С. Гагарин не рисует его как раз и навсегда сложившийся характер. Он раскрывает перед нами процесс становления разведчика, особенно тщательно показывая момент внедрения, натурализации Ахмедова-Вилкса. Известно, что этот момент является очень трудным и во многом определяющим дальнейшую судьбу солдат невидимого фронта.

Впрочем, Сиражутдину в финале повести придется стрелять в самом буквальном смысле... Но пусть подробности о его деяниях в Восточной Пруссии читатель узнает, раскрыв эту увлекательную повесть. При относительно небольшом объеме она охватывает большой жизненный материал. Начинается повествование скупым документальным сообщением о загадочном исчезновении субмарины германского флота «Валькирии», не вернувшейся из рейса. И вслед за тем автор переносит нас на пляж Копакабана, что в Рио-де-Жанейро, потом на борт бразильской шхуны, а затем в Берлин, Цюрих, Вашингтон, Москву... Собы-

тия развиваются по законам детективного жанра. С. Гагарин показывает нам и представителей Управления стратегических служб, предшественника ЦРУ, и агентов английской Интеллидженс сервис, и сотрудников тайной государственной полиции третьего рейха. Перед нами проходит и плеяда советских разведчиков: генерал Арвид Вилкс, Климов, Петражицкий, Август Гайлитис и, конечно, Сиражутдин Ахмедов-Вилкс.

Писатель поднимает завесу над планами гиммлеровского ведомства, которое уже во второй половине сорок четвертого года принялось создавать на территории Германии особые подпольные отряды «вервольф», банды оборотней, которые должны были стрелять в спины русских солдат, когда те пересекут границы нацистского рейха.

Опасность эта была вполне реальной. Как заранее выявить будущих диверсантов, как обезвредить зловещие замыслы гитлеровцев, собирающихся смертельно жалить и после своей позорной погибели? Эта задача и возлагается на Ахмедова-Вилкса, занимающего относительно скромный пост в штабе Восточно-Прусского военного округа... Кстати, молодому читателю нелишне будет узнать, что ядовитая поросль Гиммлера еще на корню была выдернута советской военной контрразведкой. И это в первую очередь благодаря таким героям, как славный Янус и его товарищи, советские разведчики и контрразведчики, выполнившие в сложнейших условиях такую важную для нашей Победы работу.

Автор так пишет о разведчиках военного времени: они не воюют, а именно работают. В повести «Три лица Януса» от главы к главе раскрывается характер и объем «работы» главного героя. Его образ, особенно ярко выписанный автором, на мой взгляд, получился весьма удачным и убедительным. Эта убедительность — в гармоничном сочетании волевых, профессиональных черт человека редкой профессии с его богатым внутренним миром и душевных качеств обыкновенного, подчеркиваю, обыкновенного советского человека. И вместе с тем он истинный рыцарь без страха и упрека.

Писатель показывает, что наши разведчики и контрразведчики — это идейные, высоконравственные, воспитанные на коммунистических идеалах бойцы, отважные, умелые, решительные. Отсюда и светлые мотивы поступков советских разведчиков в противовес бесчеловечным акциям фашистской военщины и западных разведок.

Именно в этом первое лицо Януса, советского разведчика, — в верности коммунистическим идеалам, в беззаветной любви к Советской Отчизне, в святой ненависти к фашизму, в гуманной основе его сложной и опасной работы.

Несомненно, повесть С. Гагарина «Три лица Януса» сыграет свою роль в патриотическом воспитании советских людей.

В. Ф. ТОЛУБКО,
Главный маршал артиллерии,
Герой Социалистического Труда

«ВАЛЬКИРИЯ» НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

● В июне 1944 года подводная лодка германского флота «Валькирия» не вернулась из рейса.

Когда истекли контрольные сроки, корабли военно-морской базы, к которой была приписана «Валькирия», приспустили флаги, офицеры надели траурные повязки, в штабе внесли подводную лодку в реестр пропавших без вести, и родные невернувшихся моряков узнали о их славной гибели в бою с врагами великого рейха.

Об истинном предназначении подводной лодки знали немногие. Еще в меньшей степени были известны маршруты ее длительных рейсов.

● Загорелый мускулистый человек ступил из океана на золотистый песок пляжа, стряхнул капли и не торопясь двинулся вдоль кромки воды.

Стоял тот час, когда на пляже Копакабана в Рио-де-Жанейро людей было немного. С Атлантического океана тянул освежающий ветер, отодвигая в глубь континента плотное покрывало горячего воздуха, поднимающегося от асфальтовых улиц города.

Человек остановился и ногой шевельнул полузасыпанную раковину.

— Здравствуйте, Герман,— обратился к нему пожилой мужчина с рыжеватой шкиперской бородкой и крепко сбитым, не по возрасту, телом. Он лежал на спине шагах в пяти и сейчас приподнялся на локте, рукою прикрывая от солнца глаза.

— Здравствуйте, доктор Зельхов,— ответил Герман и опустился рядом на песок.

— Вы опоздали на пятнадцать минут.

— Чистейшая случайность, доктор...— сказал Герман.

— Не надо подробностей. Давайте о деле, и да пусть обходят вас случайности стороной, мой мальчик.

— Шхуна пришла ночью. Команда рассчитана сразу и теперь, верно, уже пропивает полученные деньги. На судне остались капитан и этот мексиканец Перес...

— Как он работает, Перес?

— Надежный парень, на него можно положиться.

— Но вдвоем они не выведут шхуну из порта!

— Да, конечно,— ответил Герман. — Но я подготовил еще двоих.

— Будьте осторожны. Не забывайте, что правительство этой страны формально соблюдает нейтралитет.

— Понимаю вас, доктор. Где произойдет встреча?

— Квадрат 27-15. Вы должны находиться в нем с двадцати трех часов до полуночи. Сигнал — красный огонь, видимый по всему горизонту, и ниже его зеленые вспышки. Сигнал подаете вы. Они подойдут к вам сами. Их пароль: «Доброе утро!» Вы ответите: «Неисправен компас, ночи сейчас холодные».

— Все понятно,— сказал Герман. — Сегодня в ночь?

— Именно. Сколько груза на борту?

— Сто шестьдесят тонн,— сказал Герман. — Сто пятьдесят в слитках, остальное в монетах.

Доктор Зельхов поморщился:

— Надо переплавлять все. С монетами опаснее.

Герман пожал плечами.

— Это уже не наша забота, доктор,— сказал он.

— Да,— подтвердил Зельхов. — Идите, Герман. Сначала в воду. Потом выйдете где-нибудь. Отдохните днем. Сегодня ночью вам предстоит тяжелая работа. И помните: в квадрате 27-15.

● Крупный марлин стремительно пошел в атаку. Стайка летучих рыб вырвалась на поверхность, поднялась над водой и на длинных плавниках заскользила в сгустившейся темноте, спасая жизнь... Вскоре рыбы опустились в воду, и только одна из стаи, летевшая выше остальных, не вернулась обратно. Зацепив перископ, она упала под ноги стоящих на мостике субмарины людей, едва не сбив фуражку с командира лодки.

— Пакость! — выругался командир и пинком отшвырнул летучую рыбу в угол.

— Срок через полчаса,— отозвался Теодор фон Бетман.

— Вы уверены в нашем месте? — спросил командир.

— Вполне.

— Хорошо, подождем.

«Валькирия» с погашенными огнями стояла в квадрате 27-15. Она находилась в позиционном положении: длинный узкий корпус ее прятался под водой, и лишь рубка, словно рифовый утес, едва угадывалась в ночи.

— Наше место как раз на тропике Козерога,— после минутной паузы нарушил молчание старший помощник.

Тем временем шхуна «Ориноко» приближалась к месту встречи. Несколько часов назад под командованием Ганса Древица, немца, родившегося в Аргентине, она вышла из порта Рио-де-Жанейро в открытое море. Портовые власти по заявлению капитана отметили в документах: порт назначения — Санто-Каравелос, груз — швейные машины, команда — пять человек.

На борту помимо капитана находился его помощник, мрачного вида мексиканец Перес, по слухам, отъявленный в прошлом бандит. Был здесь и Герман, а также два матроса с аргентинского парохода, отставшие от судна и соблазненные перспективой подработать немного в этом рейсе. Звали их Джо и Луис. На шхуне был установлен сильный двигатель с дистанционным управлением из рубки. Он гнал сейчас «Ориноко» в указанный квадрат. Капитан и Герман смотрели вперед. Перес стоял на руле, матросы играли в кубрике в кости.

— Кажется, на месте,— сказал капитан и сбросил ход до малого.

— Стопорите машину и приготовьте огни. Через пятнадцать минут начнем.

Над морем загорелась красная звездочка, а ниже ее мигнул зеленый огонек.

● — Уже пора бы им появиться,— проворчал командир «Валькирии», поднося к глазам светящийся циферблат часов.

— Прошло только десять минут,— ответил фон Бетман,— они могли и опоздать.

— А вы уверены, что мы находимся там, где следует нам быть? — снова спросил командир.

Теодор фон Бетман обиженно засопел:

— Я лично проверил расчеты штурмана. Можете посмотреть сами.

— Вижу огни! — крикнул сигнальщик.

— Нельзя ли потише! — буркнул командир. — Вы не на загородной прогулке. Становитесь к штурвалу.

...Перегрузка тяжелых ящиков со шхуны на субмарину продолжалась до рассвета. В ней участвовали экипажи обоих судов.

Дважды ходил на подводную лодку Перес и возвращался с бутылкой настоящего шнапса в руках. В один из таких походов, улучив момент, когда в отсеке никого не было, Перес быстро вынул из внутреннего кармана куртки металлическую плоскую коробку размером с портсигар, нагнулся и засунул ее под одну из многочисленных труб, идущих вдоль внутренней палубы «Валькирии».

К утру все «швейные машины» лежали в стальной утробе «Валькирии». Герман поднялся на мостик лодки, минут пять поговорил с командиром, склонившись к его уху, затем вернулся на «Ориноко». Матросы с «Валькирии» отдали концы, и корабли разошлись в разные стороны.

— Пойдем на север, капитан,— сказал Герман,— в Ресифи. Перес, станьте к штурвалу. Хочу выдать аванс этим ребятам. Эй, Джо, Луис!

Матросы, сидевшие на трюме, опустив уставшие от ночной работы руки, тяжело поднялись и направились к стоявшему у дверей рубки Герману.

— Вы молодцы, парни,— сказал Герман. — Что скажете в отношении доброго глотка и пары монет авансом?

Джо, здоровенный мулат, радостно засмеялся и подпрыгнул на палубе.

— Хорошо, хозяин, это хорошо,— сказал он.

Луис, длинный худой индеец-полукровка, застенчиво улыбнулся.

— Держите бутылку и деньги,— сказал Герман. — И можете отдохнуть.

Матросы повернулись и плечом к плечу пошли в свой кубрик на баке. Герман посмотрел на капитана, стоявшего у открытого окна рубки, показал глазами на длинную спину Луиса и левой рукой достал из шкафчика короткий автомат.

Выстрелы грянули одновременно. Луис споткнулся, ничком упал на палубу, дернулся, затих, и бутылка из его рук медленно покатилась к фальшборту. Пуля остановила Джо, словно стена возникла перед ним. Мгновение он стоял, не двигаясь с места, и Герман стал вновь поднимать короткий автомат. Только он не успел выстрелить еще раз в спину мулата. Джо резко повернулся. Побелевшими глазами мулат смотрел перед собой и надвигался на Германа, поднимавшего автомат. Джо приближался, а Герман пятился к рубке. Наконец над притихшим утренним океаном разнесся треск очереди, и пули из автоматной обоймы разодрали в клочья здоровенную грудь мулата.

Он сделал последний шаг.

— Хозяин,— прохрипел Джо,— зачем...

● ...Субмарина германского флота «Валькирия» некоторое время шла в надводном положении, затем командир приказал начать погружение. Лодка пересекала район интенсивного судоходства, и немецким подводникам не хотелось быть обнаруженными кем-либо.

— Послушайте, Теодор, я посплю часа два,— обратился командир к фон Бетману. — Идите к острову Мартин-Вас. Оттуда повернем к экватору. Я сменю вас через два часа.

Теодор фон Бетман думал о превратностях судьбы, забросившей его, блестящего офицера-подводника, в эту жестяную банку, начиненную «швейными машинами» вместо грозных торпед. Он, Теодор фон Бетман, понимает, конечно, как важен этот груз для рейха, но его дело топить корабли врага, а не мотаться через океан на субмарине без торпедных аппаратов. Он взглянул на часы, выругал рулевого, отклонившего лодку на три градуса от курса, и, сгибаясь в овальных дверях отсеков, пошел в свою каюту. Дойти Теодору фон Бетману не удалось. Плотный воздух толкнул его в спину. Фон Бетман упал, ударившись подбородком о комингс двери. Боль в подбородке — последнее, что ощутил старший помощник командира.

Рулевой в центральном посту увидел, как развернулась вовнутрь обшивка и черная вода ринулась к нему, чтобы схватить, смять его и уничтожить. Командир лодки умер, не просыпаясь. Матросы в носовом отсеке, оторванном взрывом, но сохранившем герметичность, прожили еще немного. Железная урна, кувыркаясь, падала на дно океана, и где-то на третьей сотне метров ее раздавила толща воды.

● ...В полумиле по правому борту грузового парохода, идущего из Рио-Гранди в Монровию, поднялся и заискрился на солнце водяной купол. Он помедлил мгновение, а затем лопнул, вызвав переполох среди экипажа бразильского парохода «Сао Пауло».

Радужное пятно ширилось на месте исчезнувшего купола. Пароход подвернул к нему, спустил шлюпку, стал подбирать обломки и трупы, выброшенные вместе с воздушным пузырем.

Время было военное, и капитан «Сао Пауло» запретил сообщать о случившемся в эфир. Он попытался определить национальность тех, кого выловили его матросы, но это не представлялось возможным. Ни документов, ни каких-либо примет, кроме признаков расы, капитан не обнаружил.

● На подводной лодке «Валькирия», исчезнувшей при загадочных для германского командования обстоятельствах, находилось сто шестьдесят тонн никеля в слитках и монетах Соединенных Штатов Америки и Канады.

Никель — серебристо-белый металл, значащийся в периодической системе Менделеева под номером 28, тугоплавкий, твердый и не изменяющийся на воздухе,— был такой же сложной проблемой для Германии, как и горючее, а может быть, и более сложной. Ведь горючее из нефти можно хоть чем-то заменить. Никель же незаменим. Без никеля нет брони. Без брони нет танков. Без танков нет победы на огромных военных театрах второй мировой войны. Природа обделила Германию никелем. Незначительные запасы его есть в Рейнской долине. Основную часть никеля Германия получала из Канады.

Началась война, и канадский никель был потерян для рейха. Гитлер захватил Грецию, а вместе с нею и никелевые рудники. Вассальная Финляндия открыла для немцев рудники на Севере, в районе Петсамо. Там работали заключенные и военнопленные. Целый эсэсовский корпус обеспечивал охрану рудников и гарантировал бесперебойную добычу красного никелевого колчедана и отправку его в Германию на металлургические заводы.

Когда советские танки Т-34 появились на полях сражений, немецкие специалисты были поражены неуязвимостью их брони.

По приказу из Берлина первый же захваченный Т-34 был доставлен в Германию. Здесь за него взялись химики. Они установили: русская броня содержит большой процент никеля, что и делает ее сверхпрочной.

Недостаток никеля в стали привел к тому, что к 1944 году имперские военные заводы вынуждены были изготовлять танковую броню повышенной толщины. Но и такая броня была хрупкой, и «тигры», «пантеры», «фердинанды», одетые в нее, оказывались тяжелее и слабее советских танков и самоходок.

Никель и никель! Больше никеля!

Ведомство Гиммлера получило указание фюрера взять никелевую проблему под особый контроль.

Помимо европейских источников никель решено было добывать через немецкую агентуру на Северо-Американском континенте. «Пятая колонна» Герма-

нии в Штатах и Канаде не гнушалась даже сбором никелевых монет, часть которых переплавлялась в слитки, а часть прямо монетами, вместе с серебристыми брусками, отправлялась в рейх.

Тщательно продуман был маршрут таких транспортов. Никель отправляли в нейтральные латиноамериканские государства на обычных судах. Там в условленном месте их ждали подводные лодки — «Валькирии». С лодок снимали торпедные аппараты, чтобы взять побольше никелевых брусков.

К 1943 году Германия потеряла преимущество в танковых силах. Советский Союз, создав новую танковую промышленность на Урале, выставлял против немецких танковых армий все новые и новые машины с непроницаемой броней. Чтобы успешно соперничать с русскими, необходимы были новые танки, нужна была отличная броня. Нужен был никель. Никель — любой ценой!..

● Карлхорст, загородный район Берлина, раскинул свои улицы, составленные из уютных особняков, на берегу озера Руммельсбург. Предместье надвое разрезает железная дорога, идущая из Франкфурта в столицу.

В тот день, один из последних дней июля 1944 года, погода с утра была солнечной. Но ближе к полудню, когда человек среднего роста в новеньком мундире гауптмана германской армии вышел из вагона метро на последней станции в северной части Карлхорста, небо было затянуто тучами. Вскоре стал накрапывать дождь. Переходя мост через железнодорожную линию, гауптман развернул черный клеенчатый плащ и набросил его на плечи.

Вдоль озера он прошел километра полтора и свернул наконец в тенистую улицу.

На калитке третьего от поворота дома висела бронзовая табличка с готической надписью: «Д-р Иоганн фон Шванебек. Профессор медицины. Урология и венерические болезни. Прием с 9 до 12 часов».

Гауптман помедлил, оглядел пустынную улицу — очевидно, так поступали все клиенты профессора,— нажал кнопку звонка. Над головой его что-то щелкнуло, и один из двух массивных столбов из песчаника — между ними находилась калитка — откашлялся и пророкотал:

— Входите, не заперто.

Гауптман толкнул калитку, быстро прошел к входной двери особняка, взбежал по ступенькам и открыл тяжелую дверь.

После небольшой прихожей гауптман попал в просторный высокий холл с мягкими креслами вдоль стен и лестницей, спиралью поднимающейся наверх, где опоясывал помещение круглый балкон. Вдоль балкона, за резной балюстрадой, поблескивали книжные шкафы библиотеки.

Офицер сделал шаг и остановился, осматриваясь.

— Молодой человек — жертва любви?

Гауптман обернулся. За спиной его стоял плотный седой старик с короткой клочковатой бородой, обрамлявшей румяные щеки. Старик улыбался.

— Здравствуй, Янус,— тихо сказал он. — Наконец-то...

Гауптман бросился к старику и обнял его.

— Полегче, эй, полегче! — смеялся старик.

Он вдруг напрягся, легко оторвал того, кого назвал Янусом, от пола и закружил по комнате.

Наконец они оба угомонились и принялись хлопать друг друга по плечам.

Янус вспомнил свою первую встречу с профессором, когда он, недавний курсант разведшколы, впервые приехал в Германию и два месяца жил в доме Иоганна Шванебека в качестве «родного племянника», гостившего у столичного дядюшки.

Согласно разработанной для Януса легенде, он вырос в Азии, потом жил в Южной Америке, в семье германского дипломата, и почти не бывал в фатерланде.

Профессор Иоганн Шванебек был первым человеком, с которым встретился Янус на чужой земле, его наставником, по-настоящему добрым другом, оберегавшим молодого разведчика от неосторожных поступков, за любой из которых пришлось бы заплатить жизнью.

— В чем дело? — сказал Янус. — Почему на меня надели этот мундир? Ведь я был прочно гарантирован от возможности служить в вермахте.

— Указание Центра, мой дорогой. Приказ... Завтра ты явишься в свое ведомство и получишь назначение в Кенигсберг. Будешь работать в штабе, у генерала Отто фон Ляша.

— А мое задание у Круппа?

— Ты его выполнил, Янус. Теперь мы имеем надежные связи в Швеции. И все это благодаря тому, что именно ты руководил поставками оттуда редких металлов для Круппа. Очень полезными оказались сведения о некоторых американских монополиях, которые сотрудничают с немцами через нейтральные государства. Эта информация передана правительству, и оно использует ее по назначению. Я уполномочен передать тебе благодарность командования. И большой привет от твоего отца...

— Спасибо, дядя Иоганн,— сказал гауптман.

— Сейчас твой старик — наш непосредственный и главный шеф.

— Какой он сейчас? — задумчиво произнес Янус. — Столько лет не виделись!..

— Ну, судя по его указаниям да разносам, Арвид Янович еще хоть куда! Я ведь его больше, нежели ты, не видал. А когда-то вместе с ним воевали в дагестанских горах.

Гауптман грустно улыбнулся.

— Горы... Увижу ли я их когда-нибудь?

— Э, брось, дружок! Ты что-то хандришь! Ведь недавно побывал в горах...

— Это Альпы, дядя Иоганн. А мои горы далеко отсюда.

— Ладно, перестань! Еще вместе с тобой туда уедем, шашлыки будем жарить! И обязательно поедем в то ущелье — поклониться могилам Ахмеда и Муслимат. Да! Есть приятная новость. В Латвии нашли Велту...

— Мама Велта! — воскликнул гауптман. — Говорите же, что с ней?

— Все в порядке. Она была в партизанском отряде под другой фамилией. Сейчас ее вывезли в Москву самолетом. Индра была ранена, ее демобилизовали. Анита тоже хотела удрать на фронт — не пустили, мала еще. Так что все Вилксы в сборе, один ты еще здесь.

— Не пришло время, дядя Иоганн,— сказал Янус.

— Кстати, пользуюсь случаем сообщить тебе о новой акции, проведенной твоими воспитанниками в Бразилии.

Гауптман улыбнулся:

— Перес — молодец. Отличный он человек, этот мексиканский патриот. Внешность — ну только детей пугать, а большой души человечище... В Испании воевал.

— Слушай. Сейчас немцы хотят отказаться от доставки никеля через океан: они наладили активную разработку никелевых рудников на севере Финляндии, в Петсамо. Оттуда они доставляют руду в порт Турку. А от Турку рукой подать до Кенигсберга. Это ближайший германский порт, к тому же с отлично оборудованным грузовым хозяйством. Транспорты с никелем идут в Кенигсберг, а затем по сухопутью никель поступает в центральные районы. Надо закрыть и этот источник. Командованию нужен график движения транспортов.

— Понятно, дядя Иоганн.

— У нас в Кенигсберге есть старый работник — Слесарь. Я тебе дам к нему открытое рекомендательное письмо. Будешь держать через него связь. Он в курсе всех дел.

— У меня будет прямой выход в Центр? — спросил Янус.

— Да. Через Слесаря. Твоя миссия в Кенигсберге основная.

— Подробную ориентировку я получу от вас?

— И только от меня. Здесь тебя никто больше не должен знать. Но это не все. Нам известно, что в Управлении имперской безопасности подготовлен проект приказа о создании на германских территориях, занимаемых Красной Армией, диверсионных подразделений. Заниматься этим будут гестапо и СД. Возможно, к организации таких групп привлекут армию.

— Когда вступит в действие приказ?

— Его прочитал Гиммлер и сделал ряд замечаний. Они учитываются сейчас. Я думаю, что, когда приказ вступит в силу, ты будешь уже в Восточной Пруссии. Это твое второе задание. И я не знаю, какое из них важнее.

ОРАНЖЕВАЯ ОСЕНЬ 1944 ГОДА

● — Кофе, месье? Боюсь, что огорчу вас сегодня. Вы же знаете, как трудно достать натуральный. В Европе война, месье. Там убивают, а в Швейцарии тихо. Только нет натурального кофе... Конечно, конечно, вы старый клиент, аккуратно платите по счетам. Я понимаю вас, месье, только я согласен совсем отказаться от кофе, только бы они... Знаете, я никогда не любил бошей. Их и сейчас слишком много в Швейцарии. Нужна валюта, месье, кофе можно найти на черном рынке. Возьмите этот пакетик. Только для вас, месье, вы старый клиент...

Выходя на улицу, покупатель кофе осторожно придержал дверь, услыхал, как нежно звякнул колокольчик, и улыбнулся.

Через пятнадцать минут человек подошел к небольшой площади в старом районе Женевы. Он купил в киоске газету, развернул ее и пробежал глазами заголовки.

Часы на башне пробили четыре раза. Человек в светлом плаще свернул газету, сунул ее в карман и быстро пошел по тенистой аллее, ведущей к городскому кладбищу.

Метров за триста до главного входа он замедлил шаги. Выражение скорби появилось на его лице.

На кладбище было пустынно. Две старушки в черных одеждах встретились ему по дороге.

Листья еще не начали опадать, но осень уже тронула их своим дыханием. Они потеряли часть изумрудных красок, зарделись горячим румянцем, а солнце, все еще горячее солнце наполняло их радостным светом, и деревья словно смеялись, забыв о неизбежном завтра; деревья смеялись, они не знали, что это неуместно здесь, на кладбище, куда попали они волею человека, чтобы создавать ему иллюзию умиротворенности и покоя, помогать предаваться размышлениям о бренности мира и тщете суеты.

Человек свернул на боковую дорожку. Он медленно шел мимо мраморных надгробий и, когда увидел хорошо одетого мужчину в шляпе, сидевшего на скамейке со склоненной на грудь головой, не изменяя ритма движения, прошел мимо.

Шагов через пятьдесят он остановился, повернулся, внимательно посмотрел по сторонам и пошел обратно. Когда садился на скамейку, мужчина в шляпе не шевельнулся.

— Красивая осень в этом году! — громко сказал человек в плаще, глядя в сторону.

Мужчина в шляпе не ответил.

— Оранжевая осень, правда? — продолжил человек в плаще и повернулся к соседу.

Тот не ответил.

— Оранжевая осень, правда? — повторил человек в плаще и тронул соседа за рукав.

Мужчина в шляпе склонился в сторону. Человек в плаще вскочил на ноги. Его сосед медленно, неестественно медленно упал рядом со скамейкой, раскинув в стороны руки. Шляпа покатилась по дорожке и застыла на обочине полями кверху.

Широко раскрытые глаза трупа удивленно смотрели в синее небо Швейцарии.

С дерева оторвался первый лист и, вспыхнув янтарным светом на солнце, кружась, опустился на черный мрамор.

● Начальник третьего отдела абвера не любил солнца. Окна его кабинета выходили во внутренний двор здания и большую часть суток были закрыты шторами.

И сейчас в комнате царил полумрак. Свет небольшой лампы с зеленым абажуром освещал блестящую поверхность дубового стола и, отражаясь, падал на лицо шефа, делая его неестественно бледным.

На столе ничего не было, кроме нескольких листков с отпечатанным на машинке текстом и скромного чернильного прибора.

Шеф собрал листки, поднес к глазам и близоруко сощурился.

На панели вспыхнула синяя лампа. Шеф бросил листки и протянул руку к кнопке. Почти одновременно отворилась дверь. Вошел человек в таком же темном костюме, какой был на сидящем за столом.

— Есть новости, Шмидт?

— Да, экселенс. Комба подтвердил сообщение о ликвидации Зероу.

— Давайте сюда. Дело принесли?

Шмидт подошел к столу, подал листок бумаги, потом развязал тесемки объемистой папки в черном переплете.

Внутри лежала другая папка, несколько иной формы. На переплете было написано: «Агент № Е-117 — Зероу». Он раскрыл ее и подал шефу.

Тот перевернул страницу.

— «Иоахим-Мария-Генрих фон Штакельберг»,— прочитал вслух шеф. — Вы знали его лично, Шмидт?

— Так точно, экселенс. Он работает, простите, работал с 1915 года. Находка полковника Николаи. Помните, знаменитое дело на русском фронте в 1916 году?

Шеф перелистывал страницы:

— Россия, Бразилия, Штаты, Испания, Франция, Швейцария... И везде был натурализован?

— Он знал пять языков, как свой родной. Это был разведчик высшего класса, экселенс.

— И все же... — Шеф выпрямился в кресле.

— Пути господни неисповедимы, экселенс.

— Не сваливайте на бога, Шмидт. Нам оторвут головы, если мы не раскопаем этого дела. Вернее, оторвут мне, а уж о вашей голове позабочусь я сам. Гораздо раньше, гораздо раньше, Шмидт! Ваши соображения?

— Русские или англичане.

— «Или» в устах разведчика? Стареете, Шмидт... А почему не янки?

— Очень уж аккуратно сделано. Я бы сказал, элегантно. Американцы работают грубее.

— Недооцениваете противника, оберст.

— Я десять лет работал с ними, экселенс,— обиженно произнес Шмидт.

— Ладно, ладно. Поручите расследование Комбе.

— Уже сделано, экселенс.

— Важно знать, почему произошел провал. Вы помните, к чему готовили Зероу?

— Разумеется.

— Значит, вам понятно, почему мы должны знать причины его провала. Кто-то докопался до этой идеи. И наверное, знал, что Зероу мы перебрасываем в Кенигсберг.

Он снова раскрыл папку, с минуту смотрел на большую фотографию, наклеенную на первой странице, потом написал несколько слов на листе бумаги, положил сверху на фотографию, захлопнул папку и протянул ее Шмидту. Встал из-за стола, мягко потянулся, медленно подошел к окну и поднял штору.

За окном умирал день. Последние лучи опустившегося солнца проникли во двор и зажгли пожелтевшую листву каштанов.

Сощурившись от непривычного света, шеф посмотрел на верхушки деревьев, сказал, не поворачиваясь:

— Кажется, уже осень?

— Так точно, осень, экселенс,— ответил Шмидт.

● Второй день над городом висели низкие тучи, и самолет долго скользил вниз, выходя на посадку, пока вдруг не показалась в чахлых перелесках земля. Последние обрывки облаков рванулись вверх, исчезли, и майор Климов облегченно вздохнул.

Климов думал, что его встретят, но машины не было. Подошла «санитарка», забрала восьмерых раненых. Четверо летчиков, прибывших пассажирами, подхватили свои вещички и, весело переговариваясь, направились к низкому строению аэродромного штаба. Майор достал было папироску, потом вспомнил, что курить здесь нельзя, и положил ее обратно в портсигар. Забросил на плечи рюкзак и хотел идти вслед за парнями, чтобы позвонить в управление, и тут он услышал шум мотора, обернулся.

Черная «эмка» затормозила рядом с ним. Открылась передняя дверца, и сидящий рядом с солдатом-шофером человек в кожаной, военного образца, фуражке, черной, без погон, куртке быстро спросил:

— Майор Климов?

...Худощавый, среднего роста человек, с редкими блестками седины в темно-русых волосах, вышел из-за большого стола и шагнул навстречу Климову:

— Здравствуйте, подполковник! Удивлены? Приказ о присвоении вам нового звания подписан только сегодня. Поздравляю. И благодарю за отличное выполнение задания. Садитесь.

Климов ответил на приветствие и продолжал стоять, растерянно глядя на хозяина кабинета.

— Простите... — запинаясь начал он,— только я вас видел уже... Не может быть... Нет, я не ошибаюсь. Вы ведь товарищ Ян? Ян Милич?

Климов теперь окончательно узнал в этом человеке тяжело раненного советника испанской республиканской армии. Его привезли на рыбацкой шхуне к борту парохода, где находился Климов, уже получивший радиограмму с приказом забрать человека по имени Ян Милич и доставить его в Советский Союз. Только перед Одессой Ян Милич пришел в себя.

В порту Яна Милича встретили местные чекисты и бережно перенесли в санитарную машину. Климов получил благодарность командования и больше с тем человеком не встречался. Это было в тридцать девятом году...

— Откуда вы знаете Милича? — спросил генерал.

— Помните пароход «Красный Крым»? Я принимал вас на борт у т е х берегов...

— Так это был ты? — Голос генерала дрогнул. Генерал подошел к Климову и крепко обнял его.

— Теперь я должник твой, Климов,— сказал он, затем усадил Климова в кресло и, взяв стул, сел напротив. — Житейскими делами займешься позднее. Подробный отчет напишешь завтра. Жилье приготовлено. Обедом покормили?

— Так точно, товарищ генерал.

— Меня зовут Арвид Янович. Кури. — Он протянул Климову пачку папирос. — Надо бы тебе отдохнуть с дороги, да уж никак нельзя. Собственно, дело не в тебе, а в том товарище, который завтра рано утром должен уехать. Примешь у него дела. Для этого мы и вызвали тебя так срочно.

Арвид Янович отложил в сторону коробок со спичками, встал и подошел к карте.

— Так вот, Алексей Николаевич, решено оставить вас в Центре,— сказал, снова переходя на «вы», Арвид Янович. — Возглавите отделение по Восточной Пруссии и сопредельным районам. Участок трудный, предупреждаю, но интересный... Подойдите сюда. Вот Кенигсберг. Оплот и твердыня пруссачества. Плацдарм для нападения на славянские земли, железная перчатка к горлу России.

— И пистолет, приставленный к виску России,— подхватил Климов.

— Да-да! Ведь вы историк, Алексей Николаевич. Я читал ваш реферат об исторических предпосылках двойственной природы философии Канта. Знаете, мне понравилась смелость ваших суждений... Весьма.

— Читали мой реферат? Господи, да я и думать о нем забыл!

— О Канте в следующий раз,— мягко остановил его Арвид Янович. — Перейдем к делу. — Он посмотрел на часы: — Сейчас придет ваш предшественник, а я еще должен ввести вас в курс дела в самых общих чертах. Район у вас будет трудный. На местное население рассчитывать нельзя. Правда, в сопредельных польских, литовских и белорусских землях это не исключено. Впрочем, и в самой Польше обстановка довольно сложная. Я имею в виду деятельность Армии Крайовой и те надежды, которые возлагают на нее эмигрантское правительство в Лондоне и стоящие за ним англичане. Этим занимаются другие товарищи, вам придется работать с ними в контакте. Вопрос с Польшей деликатный.

— Понимаю вас, Арвид Янович.

— Ну и отлично. Главная ваша задача — Кенигсберг, промышленные районы Пруссии, порты, секретные военные заводы, оборонительные объекты. Ваши сотрудники там — это, с одной стороны, кадровые, натурализовавшиеся работники Центра. Сюда я включаю и настоящих немцев, завербованных в последнее время. С другой стороны, наши люди среди военнопленных и угнанных из России в Германию на работу. Между теми и другими поддерживается сложная многоступенчатая связь. Связь надежная, но процесс прохождения сведений следовало бы ускорить. Общая задача: сбор военной и экономической информации, нейтрализация немецкой агентуры, расширение наших разведывательных связей, организация диверсионной работы в Восточной Пруссии и постоянные контакты с работниками Штаба партизанского движения через отряды, действующие в районах Польши, Литвы и Белоруссии.

Когда наши войска пойдут по территории Восточной Пруссии, их встретит ощетинившаяся оружием и укреплениями земля. Ваше отделение и вы сами, конечно, должны сделать все, чтобы облегчить русским солдатам этот путь. Понимаете?

— Так точно! — сказал Климов. — Понимаю...

— И вот еще что. Хочу довести до вашего сведения предложения Верховного Главнокомандующего на Тегеранской конференции глав великих держав в отношении Восточной Пруссии. Решено навсегда уничтожить это гнездо германского милитаризма. Поэтому Кенигсберг и Мемель[1], с прилегающими промышленными районами — Тильзит, Инстербург, Гумбиннен и так далее,— отходят к нам. Об этом, естественно, знает союзное командование. К сожалению, информация уже попала в руки немцев.

Открылась дверь. Вошел высокий широкоплечий мужчина лет сорока. Светлые волосы, крупный, с горбинкой, нос и серые выразительные глаза. Отлично сшитый костюм, белая сорочка с тщательно завязанным галстуком придавали ему чуждый военной Москве вид.

— А, полковник! — весело сказал Арвид Янович. — А вот и твоя замена. Знакомьтесь, товарищи,— продолжал он,— и за работу! К утру все надо закончить.

— Пойдемте, коллега.

Высокий полковник обнял Климова за плечи и легонько повернул к двери.

— Устраивайтесь поудобнее, Алексей Николаевич,— сказал он, когда они вошли в кабинет,— теперь это ваша епархия.

Он жестом показал на письменный стол и удобное кресло за ним. Потом подошел к большому сейфу и, трижды меняя ключи, открыл тяжелую дверцу. На стол легла стопка папок.

— Начнем? — сказал полковник.

Климов согласно кивнул.

— В настоящее время,— проговорил, развязывая тесемки одной из папок, его предшественник,— главной нашей опорой в Восточной Пруссии является Янус...

● Голубовато-серый «линкольн» миновал предместье американской столицы, развил скорость до семидесяти миль в час, пересек окружную дорогу, свернул на узкий асфальтированный проселок и вскоре остановился. С двух сторон автомобиль теснили красные, в осенней листве, деревья. Двое мужчин средних лет, в твидовых костюмах, с непокрытыми голо-

---

[1] Бывшее немецкое название литовского города Клайпеды, оккупированного Пруссией.

вами, стояли у замершего «линкольна». Они молчали, завороженные яркими красками готовящегося к зимнему сну леса.

— Я люблю это время года, Джим,— сказал наконец один из них. — Искренне рад тому, что вижу все это снова...

— Я знал, тебе будет приятно, Эл. Вот и привез сюда для разговора. Надоело просиживать стул в кабинете. Итак?

— Сработано чисто. Сам разрабатывал операцию. Нашему человеку в Кенигсберге Зероу больше не страшен. Зероу был единственным, кто знал о вербовке Ирокеза. Теперь Ирокез может спокойно работать в Кенигсберге. Что ж, мы вовремя исправили допущенный просчет. Ты бы посмотрел, какая физиономия была у того типа, который пришел на явку к Зероу! Я наблюдал эту комедию из фамильного склепа какого-то часовщика. Негативы проявлены. Сдать в отдел?

— Давай сюда. Что еще?

— В Швейцарии немцы упорно подсылают своих людей к нашим парням. На всякий случай я разрешил завязать ни к чему не обязывающие контакты.

— Молодец, Элвис! Именно то, что сейчас нужно. Можешь рассчитывать на благодарность Дяди Билла[1].

— А на премию?

— Разумеется. Ну, остальное в письменном докладе. И готовься к отъезду.

— Слушай, Джимми, я буду жаловаться в профсоюз! Гм, его у вас нет, а надо бы... Надежнее станет фирма. Послушай, Джимми, я хочу подышать американским воздухом! Слышишь, Джимми, американским воздухом!..

— Однако ты становишься сентиментальным, Элвис. Что ж, хороший патриотизм и доллары — отличное сочетание. Ты будешь дышать в старой доброй Америке ровно сорок восемь часов после сдачи доклада и всех материалов. И потом... Мы снимаем тебя со Швейцарии, Эл. Дела передашь... Впрочем, об этом дома. Ты полетишь в Москву, Элвис Холидей.

ОБОРОТНИ РОЖДАЮТСЯ НОЧЬЮ

● — Вы у нас недавно, гауптман?

— Так точно, экселенс, с начала августа. Прибыл из Рейнской области. Инженер по вооружению одного из заводов Круппа. Подготовку проходил в...

— Достаточно, фон Шлиден. Ваши документы я смотрел. Подойдите поближе.

Генерал от инфантерии Отто фон Ляш, командующий Первым военным округом Восточной Пруссии, подтянутый, выше среднего роста, начинающий полнеть, но умело скрывающий это мужчина, мягко ступая по ковру, вернулся к столу и взял в руки пакет, заклеенный сургучом.

— Гауптман фон Шлиден! Я поручаю вам сугубо секретное задание. Вы, конечно, знаете, что русские стоят на границе. Пройдет месяц-другой, и они, возможно, будут на нашей территории. По приказу рейхсфюрера Гиммлера в оставляемых нами районах должны быть созданы группы «вервольф» — наши немецкие партизаны. Этим сейчас занимаются господа из СД, гестапо, партии и «Гитлерюгенда». Армии приказано оказать им содействие, в частности, выделить необходимое оружие и боеприпасы. Вы, гауптман, старший офицер отдела вооружения и сделаете это лучше других. — Ляш протянул фон Шлидену пакет: — Здесь ваши полномочия, инструкции, списки частей, у которых возьмете оружие. Вы поступаете в распоряжение оберштурмбанфюрера Хорста. Отправляйтесь немедленно в гестапо. Вас ждут. У вас есть машина?

— В ремонте, экселенс.

— Возьмите одну из моих.

● Машина тронулась с места, выбралась за ворота штаба и, набирая скорость, понеслась через Альтштадт.

Центральная часть Кенигсберга, превращенная в развалины летними бомбардировками англо-американской авиации, подавляла обезображенными стенами домов, слепыми окнами и красной кирпичной пылью, словно кровавыми пятнами, покрывавшей землю. Вернер фон Шлиден, прибывший в самый разгар бомбардировочного сезона, на себе испытал, что это такое, когда сотни самолетов по нескольку раз подряд заходят на смертоносный курс.

Улицы уже расчистили, и черный «мерседес» быстро добрался до площади. Обогнув Нордбаннхоф[1], он повернул в проулок между канареечного цвета зданием криминальной полиции и угрюмой громадой судебных учреждений Восточной Пруссии. Через сотню метров Ганс — здоровенный детина, шофер, ефрейтор из личной охраны командующего — резко затормозил у здания Управления имперской безопасности.

— Поедем во двор, господин гауптман?

— Не стоит. Ждите здесь.

Фон Шлиден открыл дверцу, подхватил с сиденья сумку с пакетом и шагнул к подъезду. Навстречу ему шел штурмфюрер в фуражке с высоченной тульей.

— Гауптман фон Шлиден?—отрывисто спросил он.

Они прошли подъезд с автоматчиком у входа, миновали тесный вестибюль, поднялись на второй этаж и долго шли длинными коридорами, заполненными эсэсовскими офицерами в черных мундирах и сотрудниками гестапо в штатских костюмах.

У одной из дверей, обитой черной клеенкой, офицер, сопровождающий гауптмана, знаком предложил последнему остановиться. За дверью была маленькая приемная с двумя узкими диванчиками и небольшой конторкой, за которой у пишущей машинки сидела молодая женщина в эсэсовской форме.

Штурмфюрер приоткрыл дверь, потом распахнул ее шире и пригласил фон Шлидена войти.

---

[1] Условное имя Уильяма Донована, руководителя Управления стратегических служб, переименованного затем в Центральное разведывательное управление (ЦРУ).

[1] Северный вокзал в Кенигсберге.

Тот прошел вперед, остановился, щелкнув каблуками, и выбросил в приветственном жесте руку.

— Входите, входите, гауптман... — Оберштурмбанфюрер Хорст поднялся из-за стола и направился к Вернеру: — Вы привезли пакет?

— Так точно, оберштурмбанфюрер!

— Давайте сюда. Можете сесть.

Он показал ему на кресло, потом вернулся к столу, сломал сургучные печати, вытащил несколько напечатанных на машинке листков бумаги, быстро пробежал глазами первый из них, заглянул в последний, отложил их на край стола и повернулся к сидящему в кресле гауптману.

— Сидите,— сказал Хорст, увидев, что Вернер попытался вскочить. — Генерал инструктировал вас, фон Шлиден?

— В самых общих чертах, оберштурмбанфюрер.

— В общих чертах! — Хорст усмехнулся. — Что ж, частности я возьму на себя.

Он уселся за стол, пододвинул листки из пакета, привезенного Вернером, стал внимательно рассматривать каждый. Потом отобрал некоторые из них и звонком вызвал молодую женщину из приемной.

— Зарегистрируйте, Элен, и под расписку передайте этому офицеру. Это экземпляр для вас, гауптман,— продолжал он. — После операции сдайте в канцелярию нашего отдела. А теперь слушайте внимательно,— сказал он, когда Элен вышла из кабинета. — Вы поступаете в мое распоряжение на четыре-пять дней, может быть, на неделю. С собой ничего не брать. Все приготовлено. Выезжаем немедленно. Вы с машиной?

— Так точно, машина генерала Ляша.

— Поедем вместе. Подождите в приемной.

— Слушаюсь, оберштурмбанфюрер. — Вернер поднялся: — Разрешите идти?

Хорст вместе с ним подошел к двери.

— Гельмут,— сказал он вскочившему с диванчика в приемной штурмфюреру,— отпустите машину гауптмана. Он едет с нами. И сразу зайдите ко мне.

Вернер сидел в приемной, изредка поглядывая на стучавшую на машинке женщину за конторкой. Она работала очень быстро, не обращая никакого внимания на постороннего офицера. Появился штурмфюрер и молча прошел в кабинет Хорста.

Разглядывая женщину в эсэсовской форме, Вернер старался угадать, что она за человек, какой ключ подойдет к ее сердцу и надо ли вообще подбирать ключи к женскому сердцу, чтобы использовать его хозяйку в своей работе. Гауптман считал, что женщин опасно вовлекать в такие дела, какими занимается он сам. Вернер отнюдь не умалял женских достоинств, но не доверял преданности, основанной только на чувстве. Это всегда осложняло работу и требовало излишних затрат духовной энергии. А на такую роскошь гауптман не имел права.

«И все же надо выяснить, кто эта мадам,— подумал он. — И вообще, поручение генерала подоспело вовремя...»

Из кабинета показался оберштурмбанфюрер в длинном блестящем плаще. Вернер фон Шлиден встал.

— Едемте, гауптман.

Длинными коридорами они проходили быстро. В здании стало безлюдно, словно и не было час назад тех эсэсовцев в черных мундирах и сотрудников в штатском, которых видел фон Шлиден. Во дворе стоял «мерседес», похожий на тот, что привез гауптмана, но за рулем сидел рыжий солдат в черной форме. Рядом был уже знакомый Вернеру офицер-эсэсовец.

— Гельмут фон Дитрих,— сказал он, протягивая руку Вернеру.

Шлиден назвал себя, и штурмфюрер сел с шофером.

— Садитесь, гауптман,— жестом показал рядом с собой на сиденье Хорст.

«Мерседес» выехал на Гендельштрассе, повернул налево, и Вернер на повороте увидел, что за ними следом идет крытый грузовик.

● Старый Кранц давно собирался сходить в Ландсберг — достать табаку у двоюродного брата, держащего небольшую лавку на самом перекрестке дорог, идущих через городок. Днем его совсем одолели хозяйственные заботы. Один мужчина на весь дом, от невесток проку мало, старуха почти не встает, а купить на бирже Арбайтсамт в Кенигсберге русского или польского батрака и потом содержать его — старику Кранцу не по карману. Да и не по душе ему такие работники. Мать у Кранца происходила из мазурских славян. Нет-нет да и вспоминал Кранц, что немец он только наполовину. Особенно в последнее время.

Осеннее солнце низко висело над горизонтом, когда он собрался наконец в дорогу. От хутора до Ландсберга добрых восемь километров по шоссе, но, если идти баронским лесом, просекой, останется не больше шести.

— Пойду к Вальтеру. Если задержусь, останусь ночевать. Не забудь ночью встать к стельной корове, Луиза,— сказал он старшей невестке, высокой худой женщине с сумрачным лицом и безразличными глазами. Такими стали они после того, как ее Курт, сын Кранца, пропал без вести под Сталинградом.

Кранц прошел те триста метров, что отделяли его дом от шоссе, пересек его и сразу свернул по боковой дороге к лесу, синевшему вдали. Когда он подходил к первым деревьям, словно выбежавшим навстречу, стал накрапывать дождь. Солнце село, лиловые тучи затягивали небо, и старик подумал, что не самый удачный вечер выбрал он для визита к брату. Потом вспомнил, как мучился весь день без табака, и прибавил шагу.

Быстро темнело. Дождь лил не переставая.

Уже на тропе Кранц услышал шум моторов. Сначала он удивился — давно никто не пользовался просекой.

Беда пришла неожиданно. Разбухшая от дождя тропа резко свернула вправо и круто пошла вниз. В этом месте и подвернулась нога у Кранца. Старик сполз с тропы на увядшую траву, подобрался к высоченному вязу, сел под ним, протянул онемевшую

ногу и принялся растирать ее. Совсем стемнело, дождь продолжался. Вдруг Кранц услышал человеческие голоса.

Раздался треск сломанных веток, раздраженное чертыханье — и на тропе показались черные фигуры.

Кранц хотел позвать на помощь, но внутренний голос подсказал ему, что благоразумнее не обнаруживать своего присутствия...

Люди приближались, и Кранц различил их, согнувшихся под тяжестью ящиков и мешков. Впереди шли три человека без ноши. Последний из троих, поравнявшись с Кранцем, оглянулся, догнал впереди идущего человека, тронув его за рукав, что-то сказал ему, протягивая руку вперед. Старику показалось, будто он знает, чей это голос. «Это ведь наш целенлейтер»,— подумал он.

● Размякший ком земли оторвался от стенки бункера и скатился вниз, рассыпавшись по ящикам.

— Все это надо накрыть,— сказал Вернер фон Шлиден Дитриху.

— Здесь не успели сделать накат, как обычно,— ответил штурмфюрер. — Закроем просто брезентом. Упаковка ящиков надежная, не подведет. Послушайте, целенлейтер[1], как вас там? — обратился он к местному партийному вождю.

— Ганс Хютте, штурмфюрер.

— Почему не подготовили настоящий бункер?

— Поздно получили приказ, штурмфюрер...

— Черт побери, это не оправдание!

— Перестань, Гельмут,— сказал фон Шлиден. — Он действительно не виноват. И потом, ведь у нас есть еще военнопленные, они все сделают.

За эти дни они сблизились, и однажды во время одной из попоек, устроенной Хорстом в лесной резиденции Домбойса, перешли на «ты».

— Я промок, как... — Фон Дитрих не договорил: тяжелый брезент — его тащили двое пленных — ударил Гельмута по ногам, едва не свалил в яму.

Вернер схватил приятеля за полу плаща, и тот, с трудом выпрямившись, выхватил парабеллум.

— Идиоты!

— Не надо... Остановись, Гельмут! — Шлиден перехватил руку штурмфюрера. — Не поднимай шума в лесу. Зачем привлекать внимание? — спокойно сказал он.

Пленные выпустили из рук брезент и стояли у края ямы, исподлобья посматривая на офицеров.

Дитрих махнул шарфюреру рукой.

— Работать, работать! — заорал шарфюрер, замахиваясь на пленных автоматом.

Один из пленных спрыгнул в бункер. Шарфюрер загнал туда еще двоих, и втроем они принялись закрывать уложенные внизу ящики.

— Ну и жизнь! — проворчал Гельмут. — На своей родине я должен бояться пристрелить паршивого русского, чтобы, видите ли, не привлечь внимания выстрелом...

— Что делать, дорогой Гельмут! — сказал Вернер. — В таких делах, как наше, лучше соблюсти осторожность. Не мне тебя учить этому.

— Ты прав, гауптман. Не хочешь ли глоточек?

● — Вас вызывает Берлин, обергруппенфюрер.

Ганс-Иоганн Бёме, начальник службы безопасности Восточной Пруссии, вздрогнул от неожиданности и недовольно посмотрел на стоящего напротив адъютанта. Бёме тряхнул головой, прогоняя мрачные мысли, которыми был занят перед появлением этого вылизанного хлюста. Недавно обергруппенфюрер был вынужден ликвидировать своего прежнего адъютанта по делу о покушении на фюрера 20 июля и к новому еще не привык.

Еще до неудачного покушения на Гитлера, совершенного одноруким полковником Штауффенбергом, хитроумный адмирал Канарис был освобожден от должности начальника военной разведки, и рейхсфюрер Гиммлер окончательно подмял под себя осиротевший абвер. Он сумел убедить Гитлера в необходимости объединения гестапо, СД, абвера и криминальной полиции в одно целое. Рейхсфюрер, таким образом, сосредоточил в одних руках все тайные силы рейха, а его, Бёме, назначил главой такого объединения по Восточной Пруссии, подкинув ему и местный абвер, который больше уже не назывался абвером: рейхсфюрер позаботился и об искоренении самого названия ведомства побежденного им адмирала. Но теперь военной контрразведкой в Кенигсберге руководит чудом уцелевший любимчик «черного адмирала» оберст фон Динклер. Он в фаворе и у Гиммлера, а к нему, Бёме, этот Динклер относится прямо-таки по-свински.

— Будете говорить с рейхсфюрером,— послышался в трубке далекий голос, и у Бёме засосало под ложечкой: Гиммлер не раздавал наград по телефону.

— Это вы, Бёме? — услышал он голос Гиммлера. — Меня интересует, как выполняется распоряжение от 6 августа?

— Все сделано, рейхсфюрер,— ответил Бёме. — Сегодня старший офицер по особым поручениям оберштурмбанфюрер Хорст заканчивает основную работу. Завтра со специальным курьером отправим полный отчет.

— Могли бы и сегодня, Бёме. Вам там лучше знать, что время не ждет. Что у вас с новым имуществом?

«Спрашивает о военной контрразведке,— мелькнула мысль. — Нажаловаться на Динклера? А если мои догадки верны?» Бёме вспомнил о своих подозрениях и произнес:

— Все в порядке, рейхсфюрер, с новой мебелью все в порядке.

— Это хорошо. Последнее: спецкурьера не нужно. С отчетом в Берлин приедете сами. Наш фюрер хочет лично убедиться в качестве проделанной работы,

[1] Партийный руководитель небольшого городка, местечка.

Трубка щелкнула, послышался короткий гудок, и наступила тишина. Обергруппенфюрер СС Ганс-Иоганн Бёме стер рукавом мундира холодный пот со лба.

Работали они вторую неделю, вторую неделю не спали по ночам. Хорст со своим помощником Гельмутом, гауптман фон Шлиден как представитель вермахта и команда эсэсовцев, охранявшая рабочую силу — русских военнопленных. На местах Хорст устанавливал контакты с лесничими. Для связи с ними Рейнгольд Домбойс, главный лесничий Восточной Пруссии, дал своего человека, а иногда и сам выезжал с офицерами в лес.

Хорст не давал им и часа отдыха. Сам оберштурмбанфюрер иногда оставался в местечке, а в лес отправлял Гельмута. Дважды за это время Хорст уезжал в Кенигсберг. Маршрут был довольно сложным. Сразу из Кенигсберга отряд направился в Виттенберг. Затем они посетили Тарау, Кройцбург и Ландсберг. В своем имении близ Ландсберга главный лесничий устроил отличный банкет для офицеров. Присутствовали и дамы. В тот вечер Гельмут и Вернер выпили на брудершафт и несколько дней вспоминали пикантные подробности. Когда они возвратились в Ландсберг, Вильгельм Хорст вновь отправил в лес Дитриха, а сам собрался в Кенигсберг.

— Сегодня последняя ночь, друзья,— сказал он. — Утром возвращайтесь домой.

...Работы по устройству бункера были закончены. Дитрих подозвал шарфюрера, начальника эсэсовской команды.

— Что будете делать с пленными? — спросил он.

— Определенных указаний не получал, штурмфюрер,— ответил шарфюрер. — Мне приказано выполнять все ваши распоряжения.

— Пленных ликвидировать, следы уничтожить. Используйте яму, что не подошла для бункера. Ясно?

— Так точно, штурмфюрер.

— Послушай, Гельмут, но я слышал, как Хорст говорил, что пленных отправят в западные земли,— сказал фон Шлиден.

— По-моему, их лучше отправить на небо,— сказал Гельмут и махнул шарфюреру рукой: — Идите!

— Мне думается, что Германия, как никогда, нуждается сейчас в десятке-другом лишних рабочих рук, Гельмут. Впрочем, тебе лучше знать,— сказал Вернер, повернулся и пошел по тропинке.

Через сотню шагов он вздрогнул, услышав, как справа полоснули тишину сухие автоматные очереди. Раздался заглушенный лесом человеческий крик. Его перебили новые выстрелы... Вернер фон Шлиден с силой прижался лбом к морщинистой коре старой сосны.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД

— Ну, братцы,— сказал Арвид Вилкс,— начнем, пожалуй... — Он привстал в седле и выхватил шашку из ножен: — Во имя революции! Вперед!

Десять конников вырвались из-за скалы на дорогу перед ущельем и, сверкая клинками, понеслись к провалу между утесами. Дорога была узкой, и конники растянулись по двое — в три корпуса скакать невозможно.

Пулемет молчал. Наверно, ошеломил белогвардейцев мужественный бросок красной десятки. Но это было лишь в первые мгновения. И вдруг пулемет заговорил: «ду-ду-ду-ду-ду-ду!»

Первая очередь прошла высоко, и всадники продолжали рваться в ущелье. Но вот срезало пулями задних бойцов. Один завалился в седле, а лошадь продолжала нести вперед его тело. Конь второго взвился свечкой и с маху, вместе с седоком, ринулся в пропасть. Еще очередь — и новые жертвы. Не доскакал отряд Арвида Вилкса до мертвого пространства, не успел доскакать. Ударила пуля в начальника разведки. Согнулся он, припав лицом к гриве коня, а рядом кунак его скачет, Ахмед.

— Арвид! — крикнул он, а Вилкс молчит, и только ниже и ниже клонится его голова.

Ахмед оглянулся и увидел, что лишь двое они верхом. Порезал пулемет ребят, вот только его никак не берет... Тогда Ахмед выхватил Вилкса из седла, бросил к себе на коня, поперек, развернулся и, бросая лошадь из стороны в сторону, поскакал к спасительной скале. И не хватило ему десятка шагов. Пуля догнала коня, споткнулся тот — и Ахмед вместе с другом покатились по серой от пыли дороге. Но тут же выскочили бойцы и втащили их за скалу. Арвида Вилкса отнесли к лекарю на перевязку, а Ахмед, весь в пыли, стоял перед командиром полка латышских стрелков Лапиньшем, скрипел зубами и требовал коня, чтоб одному пойти под пули и разделаться с этой сволочью.

— Успокойся, джигит! — сказал Лапиньш. — Я знаю, что ты пойдешь на смерть, не дрогнув. Только нам, товарищ, нужна твоя жизнь.

И тут к командиру полка подошел адъютант и тронул его за рукав.

Суровая страна — Дагестан...

А люди, что живут здесь, искренние, добрые к тем, кто пришел к ним с открытым сердцем, и беспощадные к врагу. Горы научили их верить человеку на слово и свято относиться к законам гостеприимства. Свободные в своих горах, словно соседи их — орлы, дагестанцы мужественно защищали свои сакли от многочисленных врагов и не опускали оружия даже тогда, когда их враг был во много раз сильнее.

...Словно снежная лавина, неслась по Кавказу гражданская война. А когда достигла она дагестанских гор, пришла в кумыкские, лакские, даргинские, лезгинские и аварские аулы, горские джигиты встали под знамена Советской власти. Не было человека на земле, которого бы горцы любили так, как любили Ленина. Сложной была обстановка в горах в те грозные годы, когда отец шел на сына, а брат на брата, но и в общей неразберихе горцы чуткими сердцами своими улавливали голос вождя, всегда

ясный и добрый, и они шли на голос Ленина, следовали его призывам. И когда горцы Дагестана узнали, что по приказу Владимира Ильича в горы идет полк латышских стрелков под командованием коммуниста-ленинца Лапиньша, идет, чтоб добить белогвардейскую нечисть и сбросить ее в Каспий, дагестанские аулы направили своих сыновей на помощь посланцам вождя.

Латышские стрелки вместе с красными партизанами Дагестана по пятам преследовали беляков, стремясь обойти их, перекрыть горные перевалы и не дать уйти на ту сторону Главного Кавказского хребта. Наконец полку Лапиньша удалось вырваться к перевалам. Ему оставалось пройти горное ущелье и выйти в тыл белым частям. Тогда врагов уже ничто не могло бы спасти.

Но... Едва первые разъезды втянулись в ущелье, сверху полоснула кинжальная очередь пулемета. Дорога через ущелье была закрыта напрочь: белые опередили Лапиньша.

— Что будем делать, товарищи? — обратился к своим командирам Лапиньш.

— Может, в обход?

Начальник штаба прикинул по карте.

— Переход займет не меньше двух суток,— сказал он.

— Не годится,— произнес комполка. — Белые уйдут...

— Есть предложение... — Вперед выступил начальник разведки Арвид Вилкс. — Беру с собой десяток ребят, из-за прикрытия разгоняем коней, проскакиваем галопом пристрелянную зону, пока сообразят, влетаем в мертвое пространство, под скалу, а там... — Арвид поднял руку и с силой рубанул воздух.

Лапиньш с сомнением покачал головой.

— Не успеешь, Арвид,— сказал он.

— Успею, товарищ Лапиньш, разреши! — с жаром заговорил начальник разведки, прижимая руку к груди.

— Можно успеть, командир... — Ахмед подошел к Арвиду и встал рядом: — Если разрешишь, буду с ним вместе.

— Спасибо, друг! — Вилкс пожал Ахмеду руку.

— Ну хорошо, пробуйте,— сказал Лапиньш.

Они попробовали... Отчаянная вылазка не удалась.

● Лапиньша тронул за рукав адъютант и, склонившись, шепнул что-то на ухо.

Перед Лапиньшем стояла худенькая молодая женщина-горянка, голова закутана в большой белый платок, черные блестящие глаза спокойно смотрят на Лапиньша.

— Я пойду, командир,— сказала она. — Женщину они не тронут.

— Куда пойдешь? — не понял Лапиньш.

— К пулемету! — Она развернула складки платка, сунула руку за пазуху и вытащила длинный кинжал.

— Еще не хватало, чтобы вместе с нами гибли женщины! — сердито сказал Лапиньш.

— Разреши мне пойти,— повторила она. — Женщину они не тронут.

— Верно она говорит, товарищ Лапиньш,— сказал один из горцев. — Помочь нам может только женщина... Она зайдет к пулеметчикам с тыла.

В это время показался в толпе бойцов Ахмед, он уходил к фельдшеру, чтобы перевязать голову, ушибленную при падении с коня. Ахмед увидел женщину, стоявшую перед командиром с кинжалом в руке, и крикнул:

— Муслимат!

Она обернулась и спрятала оружие на груди.

— Ты знаешь ее, Ахмед? — спросил Лапиньш.

— Это жена моя, командир!

— Жена? А ты знаешь, что она предлагает одна снять пулеметчиков в ущелье?

— Раз она так говорит, значит, сможет,— сказал Ахмед. Он повернулся к Муслимат. — Я знаю, что ты сумеешь подойти к ним близко,— заговорил он с ней на родном языке. — Но скажи, не дрогнет у тебя рука, когда ты станешь убивать их? Это не женское дело...

— Не дрогнет, Ахмед.

— Тогда иди. Наш сын Сиражутдин в надежном месте?

— Да, он у твоей матери, Ахмед.

— Иди, Муслимат. И да поможет тебе аллах! — Он повернулся к Лапиньшу: — Эта женщина пройдет, командир. Разреши ей...

— Хорошо,— поморщившись, сказал командир. — Только не по дороге же тебе идти...

— Да, я пойду с другой стороны,— ответила Муслимат. — Когда все будет готово, я махну платком.

Весь отряд, сидя в седлах и изготовившись к решительной атаке, нетерпеливо ждал сигнала. Лапиньш смотрел на часы и тихонько ругал себя по-латышски за то, что согласился отпустить Муслимат.

— Надо найти другой вариант,— сказал он, поворачиваясь к начальнику штаба.

И вдруг один из наблюдателей крикнул:

— Платок! Платок вижу! Белый!

Из ущелья донесся женский крик.

— Вперед! — скомандовал Лапиньш.

Лавою вырвались конники из-за скалы и понеслись к ущелью. Пулемет молчал...

Оглушительное «ура!» разорвало горный воздух и многократным эхом прокатилось по горам.

...Когда окончился бой, Лапиньш попросил привести к нему Муслимат.

Он вышел с нею и перед строем бойцов крепко, по-мужски, пожал ей руку.

— От имени революции объявляю благодарность...

В это время из стоявшей поодаль толпы пленных белогвардейцев вырвался офицер, обросший рыжей щетиной, без фуражки, с оборванным погоном на левом плече. Он выхватил из-за пазухи пистолет. Все замерли от неожиданности, и только Лапиньш, стоявший к офицеру боком, ничего не видел и приветливо улыбался Муслимат. Она вдруг бросилась командиру на шею, и тут грянули выстрелы.

Белогвардеец заваливался на бок, рука его с пи-

столетом вздернулась, и палец на спусковом крючке, конвульсивно двигаясь, посылал пули в небо. Военный фельдшер Иоганн фон Шванебек, из пленных немцев, примкнувший к революции и сражавшийся за нее в рядах латышских стрелков, на ходу засовывая в деревянную кобуру дымящийся маузер, бежал к Лапиньшу, державшему в руках неподвижное тело Муслимат. С другой стороны, вытянув руки, спотыкаясь, неровной походкой, будто слепой, двигался Ахмед...

● Арвид Вилкс поправился быстро. Вскоре он уже мог принимать участие в боевых операциях отряда.

Потерявший жену Ахмед не отходил от своего друга. Он перестал разговаривать, весь высох, почернел и преображался только в бою. Тогда вселялась в него неведомая сила, молнией метался он среди врагов, сокрушал их не знающим пощады клинком. А после боя напряжение спадало, Ахмед сникал, замыкался, и только Арвид Вилкс мог добиться от него слова.

— Он ищет смерти,— говорил Вилкс Лапиньшу о своем друге,— нарочно бросается под пули...

Но однажды, в одной из последних операций, косая не сумела увернуться, и пришлось ей столкнуться с Ахмедом.

Когда начальника разведки позвали к другу-побратиму, тот умирал. Он увидел Арвида и знаком попросил наклониться.

— Ухожу, брат,— прошептал Ахмед.— Аллах позволил мне снова встретиться с Муслимат... Прошу тебя...— Ахмед попытался приподнять голову.

— Не надо, лежи спокойно,— сказал Вилкс.

— Прошу... Сын мой... Сиражутдин... Брат, пусть он будет твой сын...

Он задвигал рукой, нащупал ладонь Арвида, с силой сжал ее, и это было его последним движением.

Когда полк латышских стрелков выполнил свою задачу в Дагестане, вместе с приемным отцом уехал в Россию и Сиражутдин.

Арвида ждала в Москве Велта, его невеста. Они вскоре поженились, и Орел Аравии, так переводится с арабского языка имя Сиражутдин, стал их сыном. Звали его и дома, и в школе попросту Сережей, а фамилию он носил двойную: Ахмедов-Вилкс.

Позднее появились у него две сестренки: Индра и Анита. Семья была дружной. Сережа знал все о своих настоящих родителях — приемный отец часто рассказывал ему о Муслимат и Ахмеде,— но никогда не чувствовал себя чужим в этой латышской семье.

...Шли годы. Арвид Вилкс работал в Управлении военной разведки, часто неожиданно исчезал из дому. А дети его учились, Велта хлопотала по хозяйству и в библиотеке, которой она заведовала.

У мальчика рано проявились способности к технике, и после окончания школы он поступил в Высшее техническое училище имени Баумана. Когда Сиражутдин заканчивал училище, в Германии победил фашизм. Более осведомленный, нежели его приятели, в том, что делается в мире, Сиражутдин дождался возвращения отца из очередной командировки и решительно заявил ему:

— Я должен быть там, где дерутся с фашизмом, отец! Хочу стать разведчиком, пойти по твоим стопам.

После некоторых колебаний Вилкс-старший согласился с доводами приемного сына.

Учась в спецшколе, он параллельно закончил и Бауманское училище. На этом настаивал его приемный отец, имея в виду предстоящую работу Сиражутдина.

Немецким языком он владел в совершенстве еще с детства, потому что приемные родители хорошо знали этот язык. Неплохих успехов добился Сиражутдин и в английском.

Учеба в спецшколе была сложной, но интересной. Каждый день был расписан по минутам. Свободного времени не было — Сиражутдин проходил ускоренную подготовку.

Время шло быстро, чему способствовало разнообразие изучаемых предметов. Преподаватели — знатоки своего дела — обладали большим опытом оперативной работы.

Подготовка Сиражутдина уже была закончена, а случая забросить его за кордон пока не представлялось. Одна за другой разрабатывались операции по внедрению, но все они отвергались, как таящие в себе ту или иную опасность будущего провала.

Наконец узнали, что германский дипломат в одной из ближневосточных стран, известный своими антифашистскими взглядами, которые он теперь, в сложившейся политической обстановке, старался не афишировать, переводится в Южную Америку. У дипломата был сын от жены итальянки, ровесник Сиражутдина. Когда получили его фотографии, люди, готовившие Ахмедова-Вилкса, обнаружили внешнее сходство их подопечного и сына дипломата. С фон Шлиденом доверительно встретился наш человек и предложил принять участие в подготавливаемой операции. Дипломат не возражал. Он не хотел, чтобы его сын служил Гитлеру. Согласился с позицией отца и Вернер фон Шлиден.

Берлинский экспресс уходил из Стамбула точно по расписанию. Фон Шлиден и его сын Вернер прибыли сюда на пароходе, чтобы по железной дороге следовать на родину. Днем они обедали в ресторане. После второго блюда сын дипломата поднялся из-за стола и прошел в туалет. Оттуда он черным ходом отправился на соседнюю улицу, где стоял большой автомобиль со шторками на окнах. Вернер сел в него и недолго побыл в нем. Вскоре дверца распахнулась, и молодой человек неторопливо покинул лимузин, вернулся в ресторан, уселся за стол и принялся за десерт.

Никто не заметил подмены. Сиражутдин спокойно завершил обед в обществе своего «отца», а подлинный Вернер фон Шлиден отправился на автомобиле в порт. Из Стамбула сын дипломата ушел на советском пароходе в Одессу.

...Так перестал существовать Сиражутдин Ахмедов-Вилкс.

Вернер фон Шлиден благополучно прибыл с «от-

цом» в Рио-де-Жанейро. Но вскоре Вернер вернулся в Германию и два месяца гостил у своего «дядюшки» Иоганна фон Шванебека, профессора медицины и давнишнего резидента советской разведки в Берлине. Затем отправился в Соединенные Штаты Америки учиться в техническом колледже. Война застала его в Рио-де-Жанейро, где «сын» дипломата работал уже инженером в южноамериканском филиале одной из германских технических фирм.

Бразилия оставалась нейтральной, но она кишела германскими агентами. Вернер фон Шлиден, известный в Центре как Янус, занялся организацией разведывательной сети, которую можно было бы использовать против интересов рейха в Бразилии.

Когда эта работа была выполнена, умер «отец»-дипломат. Оставаться в Бразилии не имело смысла, и по указанию Центра Янус перебрался в Германию. Солидные рекомендательные письма открыли ему дорогу к Круппу, где он выполнял обязанности инженера для особых поручений и был освобожден от службы в армии.

И вот в 1944 году он надел мундир офицера вермахта и получил назначение в штаб Первого военного округа, в Кенигсберг.

РАЗГОВОР ЗА ЧАШКОЙ ЧАЮ

● Сильные взрывы потрясли столицу Британской империи.

Третий рейх, разваливающийся под ударами Красной Армии, пытался спасти свою шкуру, надеясь за спиной Советского Союза договориться с другими членами антигитлеровской коалиции. И чтобы англичане стали сговорчивее, фашистская Германия решила «вдохновить» их дождем из ракет «Фау».

Где-то в желтых дюнах Голландии и в мрачных фиордах Норвегии ударяло в многострадальную землю оплавляющее ее пламя, и в небо уходила ракета, несущая лондонцам разрушения и смерть.

Зловещие «Фау» направляли свой курс через стратосферу не только к английской столице. Они падали на Ковентри, Манчестер, Ливерпуль и в первое время сумели вызвать панику среди населения, падение акций на лондонской бирже, хотя военное значение этих «фергельтунгсмиттель» — средств возмездия — ведомством Геббельса было чересчур преувеличено. Довольно скоро английские летчики научились сбивать «Фау» на подступах к намеченным гитлеровцами объектам.

Но разведкам стран, воюющих с третьим рейхом, было известно, что самолеты-снаряды и ракеты не последнее средство из того арсенала, с помощью которого Гитлер надеялся выиграть войну. Истеричные выкрики нацистских пропагандистов о новом оружии «дьявольской силы», которое спасет тысячелетнюю империю и уничтожит всех ее врагов так, что «содрогнется мир», имели под собой вполне реальную почву. Уже после захвата Чехословакии, когда нацисты получили доступ к урану, ученым, работающим в области теории атомного ядра, стало ясно, какая угроза нависла над человечеством.

И Франклин Делано Рузвельт незадолго до войны получил письмо от Альберта Эйнштейна. Великий физик предупреждал президента Соединенных Штатов Америки о том, что в гитлеровской Германии может быть создана невиданной силы бомба...

И она действительно создавалась. Английские диверсанты — коммандосы — взорвали в Норвегии завод по производству тяжелой воды. Немцы построили новые заводы, они перенесли работы на свою территорию. Помимо Чехословакии нацисты получали сырье для работ над созданием чудовищного оружия через третьи и четвертые руки, из других мест, широко используя для этого свою агентуру в нейтральных странах.

И когда первые ракеты пронизали стратосферу, и в Москве, и в Лондоне, и в Вашингтоне стали понимать, что может произойти, если наполнить их взрывчатым веществом особой силы, хотя о действии его люди могли пока судить только по теоретическим расчетам физиков.

● Черный лимузин с задернутыми шторками на боковых и заднем окнах пересек центр Лондона, свернул в одну из улиц и остановился перед воротами построенного в викторианском стиле четырехэтажного особняка. Ворота отворились, и машина въехала во двор. Шофер предупредительно открыл заднюю дверцу и поддержал за локоть выходящего из машины пожилого джентльмена в элегантном темном костюме и старомодной шляпе.

У широких дверей дома показались двое молодых людей. Они склонили головы и, своим видом выражая глубочайшее почтение к пожилому джентльмену, направились к машине.

— Рады вас видеть, сэр,— сказал один из молодых джентльменов. — Нам поручено проводить вас, сэр.

Пожилой джентльмен, сопровождаемый молодыми людьми, вошел в дом, который был не чем иным, как резиденцией главного шефа Сикрет интеллидженс сервис — знаменитой английской разведывательной службы.

Собственно, слова «Интеллидженс сервис» служили и служат по сей день в качестве собирательного наименования широкой сети самых различных имперских и ведомственных разведок и контрразведок Великобритании. Центральные разведывательные и контрразведывательные органы находятся в непосредственном ведении кабинета министров, например Сикрет сервис — секретная служба — центральный орган разведки, к шефу которой шел сейчас пожилой джентльмен.

У Форин-Офис — английского министерства иностранных дел — есть Политикел интеллидженс дипатмент — орган политической разведки.

Особенно сложной является система военной разведки и контрразведки. Здесь и объединенный разведывательный комитет при комитете начальников штабов, и объединенное разведывательное бюро, и департамент разведки при министерстве обороны, разведывательные департаменты военного министер-

ства, министерства авиации и адмиралтейства. Для борьбы с вражеской агентурой существует центральный орган контрразведки, специальный отдел контрразведки при Скотланд-Ярде и служба безопасности министерства снабжения.

Деятельность Сикрет сервис особенно тщательно конспирируется. Опасное и коварное оружие британского империализма, секретная служба окружила себя покрывалом зловещей таинственности. По традиции имя шефа Сикрет сервис известно лишь королю и премьер-министру. Этакая полумистическая фигура таинственного главного рыцаря плаща и кинжала...

— Как здоровье внучки, Генри? Сейчас подадут чай,— сказал шеф.

— Благодарю вас, сэр. Все в порядке, сэр,— ответил пожилой джентльмен. Он сидел в жестком кожаном кресле, неестественно выпрямившись.

Пожилой джентльмен заведовал разведывательным департаментом министерства авиации, знал шефа по Оксфорду, где шел курсом старше, и считал его выскочкой, не любил его манеру разговаривать с ним как со старым приятелем и сейчас всем своим видом подчеркивал, что не намерен говорить о чем-либо не относящемся к службе.

Шеф отлично понимал это, но ему нравилось поддразнивать старого Генри, так кичащегося своим происхождением. Он сидел в тени, отбрасываемой непрозрачным абажуром настольной лампы, и думал, что его старый университетский товарищ в общем-то неплохой разведчик, но не успевает за временем, а сейчас времена полковника Лоуренса прошли, и старые методы далеко не эффективны.

Принесли чай.

— Передайте работникам вашего департамента благодарность премьер-министра. — Шеф перешел на официальный тон: — Материалы аэрофотосъемки территории Игрек весьма удачны. Они подтверждены агентурными сообщениями. Дабл-Ю[1] рекомендует шире использовать для этой цели челночные полеты наших бомбардировщиков.

— Нами уже предприняты шаги в этом направлении, сэр.

— Хорошо. Теперь о главном. Вам известны материалы Тегеранской конференции Большой тройки? Нелишне будет взглянуть на них еще раз.

Шеф протянул директору разведывательного департамента министерства авиации синюю брошюру. Тот развернул заложенное место и прочитал:

— «Четвертое заседание конференции глав правительств СССР, США и Великобритании. Тегеран, 1 декабря 1943 года...

Сталин. Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что исторически — это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем.

Черчилль. Это очень интересное предложение, которое я обязательно изучу».

— Ну как, Генри? — спросил шеф. — Вы улавливаете теперь мою мысль? Я должен вам сообщить, что предложение Сталина принято всеми окончательно и бесповоротно. Русские получают лакомый кусочек. Наша задача — как можно больше снизить его ценность. Сейчас они застряли в Прибалтике... Получена официальная просьба русских помочь им бомбардировочной авиацией. Наш Дабл-Ю уже сообщил о своем согласии в Москву. Но надо сделать так, чтоб летчики королевских ВВС сбросили свой груз на Кенигсберг. И сбросили аккуратно. Вы понимаете, Генри?

— Конечно, сэр. Мы имеем схемы оборонительных укреплений города. Они не пострадают...

— Отлично, дружище. Это именно то, что нужно. И помощь русским окажем, и...

— Простите, сэр, но мне кажется, что янки с удовольствием ухватятся за эту мысль. Ведь насколько мне известно, они тоже примут участие в оказании «помощи» русским...

— Именно об этом я хотел вас просить. Наши люди из Восточной Пруссии сообщают, что немцы укрепили ее на славу. Русским придется поломать об нее зубы. А когда они придут туда, от Кенигсберга останется одно воспоминание.

В РЕСТОРАНЕ «КРОВАВЫЙ СУД»

Майор Баденхуб, командир танкового батальона, стал набираться еще с обеда и сейчас находился в той стадии опьянения, после которой либо буйствуют, либо заваливаются спать.

Надо отдать ему справедливость: пить майор Баденхуб умел. Внешне он почти ничем не отличался от офицеров, сидевших в малом зале знаменитого кенигсбергского ресторана «Блютгерихт» — «Кровавый суд», расположенного в замке Альтштадт.

В зале было пустынно, и майор сидел один за столиком в углу. Перед ним стояла наполовину опорожненная бутылка и лежала погасшая трубка. Время от времени майор выливал содержимое бутылки в высокую рюмку, залпом выпивал и принимался сосать трубку, тупо уставившись в пространство перед собой.

Постепенно зал наполнялся офицерами в зеленых мундирах вермахта и в черных войск СС. Свободных мест становилось все меньше и меньше. Дошла очередь и до столика Баденхуба. К нему подошли двое — низенький майор с большой плешью, рыжими усами и наметившимся брюшком и высокий подтянутый обер-лейтенант.

— Здравствуй, Отто,— приветствовал майор Баденхуба. — Не возражаешь, если мы нарушим твое одиночество?

Тот мотнул головой и молча протянул руку.

— Знакомьтесь, друзья, майор Баденхуб... Позволь, Отто, представить тебе моего молодого друга обер-лейтенанта фон Герлаха.

Фон Герлах щелкнул каблуками, майор медленно

[1] Первая буква имени Уинстон. Условное обозначение премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля.

оторвал зад от стула и снова тяжело плюхнулся обратно.

К столику спешил обер-кельнер.

— Подождите,— сказал низенький майор,— заказывать будет наш приятель, который подойдет через десять минут. Впрочем, принесите пока по рюмочке кюммеля.

Из большого зала послышались звуки оркестра: началась вечерняя программа. В дверях появилась большая группа эсэсовцев и принялась рассаживаться за банкетный стол, очевидно, заказанный для них заранее.

— А вот и фон Шлиден,— сказал низенький майор Генрих Махт, комендант одного из кенигсбергских фортов.

Обер-лейтенант тоже увидел Вернера, который медленно пробирался между столиками, высматривая приятелей. Он увидел их и махнул рукой.

— Надеюсь, не заставил вас долго ждать, господа? — спросил Вернер, подходя к столику и улыбаясь.

— Ну что вы, гауптман,— запротестовал Махт,— мы не успели и рюмки выпить!

Он хотел познакомить Баденхуба с фон Шлиденом, но Вернер сказал, что с майором они знакомы, и командир батальона утвердительно кивнул головой.

Майор Махт рассказывал:

— ...Конечно, сначала она возмущалась: «Как вы можете так?! Да у меня муж на фронте! Я честная женщина!» Ну, думаю про себя, все вы честные... Моя тоже так говорила до тех пор, пока я не поймал ее с тыловой крысой. Да... Скрутил ей руку, ну и... Прав был Ницше, когда говорил: «Идешь к женщине, не забудь с собой плеть...»

— Да, Ницше был великим человеком,— сменил тему разговора Генрих Махт. — Он первым заложил основы новой религии, религии настоящих людей, которые поставят мир на колени! За здоровье фюрера!

Обер-лейтенант поставил рюмку на стол и тихо сказал:

— А русские у границ Восточной Пруссии...

— Временные трудности, дорогой Фридрих. Новое оружие изменит положение. И потом, мне не нравится твой пессимизм,— заметил Махт.

— Давайте выпьем за победу,— предложил Вернер.

Он всегда старался показать, что тяготится умными разговорами, и сам таковых никогда не затевал. Гауптман уже прослыл в гарнизоне хорошим парнем, у него всегда водились деньги для угощения приятелей, все считали Вернера добрым немцем, умеющим крепко выпить с друзьями и быть на своем месте в любой компании... С обер-лейтенантом Фридрихом фон Герлахом гауптман познакомился еще в Берлине на одной из вечеринок. Вернер оказался с Фридрихом рядом за столом, потом они вместе курили, выйдя в прихожую, угощали друг друга сигаретами, договорились встретиться еще раз. Но следующая встреча произошла уже в Кенигсберге.

Вернера заинтересовал этот человек. Обер-лейтенант, не стесняясь присутствующих, ронял такие замечания, что Вернеру часто становилось не по себе. В данном случае он мог не опасаться провокации, эту возможность гауптман уже проверил, но его кредо— держаться подальше от политики — исключало всякую ответную реакцию, и фон Шлиден попросту отмалчивался или переводил разговор на другое.

И тем не менее Герлах тянулся к Вернеру, старался бывать с ним вместе, и Вернер стал всерьез присматриваться к своему новому приятелю. По крайней мере, он представлял для гауптмана фон Шлидена интерес уже возможностью психологического анализа настроений среди критически мыслящей верхушки германской элиты.

— Великий Ницше говорил, что нет более ядовитой отравы, чем учение о равенстве,— продолжал философствовать комендант форта. — Проповедуя справедливость и учение о равенстве, человечество на самом деле стремится к гибели справедливости. Равное равным, неравное неравным — вот что говорит истинная справедливость, а отсюда следует, что низкое нельзя сравнивать с высоким. И действительно... Что может быть общего между мной и каким-то поляком или русским? Я не говорю уж о паршивых евреях. Белокурая бестия — и только он должен владычествовать над миром.

— А ты рыжий, Генрих, и плешивый,— сказал майор Баденхуб.

Это были его первые слова за весь вечер.

Махт хотел было обидеться, но потом счел за лучшее обратить все в шутку:

— Возраст, милый Отто, возраст. Двадцать лет назад я был совсем не такой.

— А я не знал, Генрих, что вы специалист в области философии,— сказал фон Шлиден. «Рыжая свинья»,— подумал он о Махте.

— Меня выгнали с третьего курса философского факультета. Я учился в Гейдельберге и проломил голову пивной кружкой одному чересчур умному еврейчику. Тогда это считалось преступлением.

— Вас, гауптман! — буркнул майор Баденхуб и глазами показал Вернеру на банкетный стол, за которым сидели эсэсовцы.

Фон Шлиден повернулся и увидел пристально смотревшего на него оберштурмбанфюрера Вильгельма Хорста. Хорст заметил, что Вернер увидел его, и сделал знак рукой, приглашая к столу.

— Извините, друзья,— сказал Вернер,— я покину вас на минутку.

Когда он подошел к Вильгельму Хорсту, все сидевшие за столом офицеры замолчали и выжидающе посмотрели на оберштурмбанфюрера, возглавлявшего, судя по всему, эту компанию.

— Представляю вам гауптмана Вернера фон Шлидена, господа,— сказал Вильгельм Хорст. — Мой хороший знакомый и отличный офицер, хотя и не служит в СС.

Один из эсэсовцев громко заржал:

— Выпейте с нами, гауптман, за то, чтоб и вы когда-нибудь вступили в наше братство.

— Долг каждого из нас — выполнять волю фюрера.

— ...Неплохой парень этот Шлиден,— сказал майор Махт, когда Вернер отошел от стола. — Ты давно его знаешь, Фридрих?

— Я познакомился с ним в Берлине,— ответил фон Герлах. — До этого Вернер долгое время жил в Бразилии. Его отец был советником нашего посольства. Вернер окончил технический колледж в Штатах, потом отец умер на чужбине, и Шлиден вернулся домой.

— Он, по-видимому, с юга, твой щедрый приятель,— сказал Махт. — Такие темноволосые немцы водятся на границе с Италией. Откуда у него деньги? Получил большое наследство?

— Ты угадал наполовину, Генрих. Вернер происходит из старинного, но давно растерявшего свои поместья дворянского рода в Баварии. Словом, его предки бродили по ту и по эту сторону Альп... А мать его, кажется, и вовсе итальянка. А что касается денег... Я не из тех, Отто, кто считает деньги в чужом кармане. Вернер — способный инженер. До того как прийти в вермахт, он работал у Круппа. Помоему, на ответственной работе, связанной с поставками из Швеции.

— Тогда понятно,— сказал Махт. — На такой работе надо быть полным кретином, чтобы не набить себе как следует карман.

Когда Вернер вернулся к столу, Генрих Махт продолжал разглагольствовать.

— Что является основным стремлением жизни? — говорил он. — Воля к власти. Сильная или слабая воля — это прежде всего характеризует человека. Вся история человечества представляет собой отношение сильных к слабым и наоборот. И именно мы, представители арийской расы, люди сильные и властные, способны руководить другими. Только в нас воплощается разум и искусство господствующих рас. Помните у Ницше: «Орда белокурых, хищных животных, раса завоевателей и господ...» или «Цель истории — в существовании избранных», «Рабство составляет одно из существенно необходимых условий культуры, и эта истина, конечно, не оставляет места для каких-нибудь сомнений».

— Недурно для недоучившегося философа,— иронически заметил обер-лейтенант фон Герлах.

— Наш фюрер и есть тот сверхчеловек, о которых всегда тоскует человечество,— не обратив внимания на замечание Фридриха, продолжал майор-ницшеанец. — Наша нация велика уже потому, что она дала миру этого человека. Фюрер оставит след своей руки на тысячелетиях, как на мягком воске, повелитель и властелин мира из плеяды тех немногих, «при виде которых,— по словам Ницше,— побледнеют и исчезнут все бывшие на земле страшные и добрые духи».

— Вот тут ты безусловно прав, Генрих,— сказал обер-лейтенант,— духи давно уже побледнели...

«Очень мне нужны разговоры на скользкие темы!» — подумал гауптман.

В последнее время Вернер стал уставать от общества этих людей. Он прекрасно играл свою роль, даже не играл — разведчик научился думать так, как должен был думать Вернер фон Шлиден, сын германского дворянина и дипломата, верный слуга фюрера и рейха. Он ни на йоту никогда не отступал от созданного в свое время образа, гауптман привык к своему искусно сформированному психологическому двойнику и чувствовал себя в этом обличье свободно и легко. Но теперь временами Вернера охватывало чувство тяжести, будто нес он большую и неловко уложенную на спине ношу. Свое, настоящее настойчиво рвалось наружу, с этим было все труднее справляться. Конечно, он был далек от того, чтобы сорваться, выдать себя.

И еще он устал от одиночества... Это тяжелое бремя. Одинок ли разведчик, находящийся во вражеском стане при исполнении служебных обязанностей? И да, и нет. В силу особенности профессии разведчик не имеет права на откровенность с кем бы то ни было, не имеет права на искренность, а следовательно, у него нет настоящего друга, который был бы посвящен во все замыслы, во внутреннюю жизнь разведчика. Но один человек не в состоянии ничего сделать. И разведчик находит людей, которые помогают ему. Разными мотивами руководствуются эти люди, но их помощь разведчику необходима. И еще необходимы товарищи по невидимому фронту, которые идут от Центра для связи с ним, находящимся в тылу врага. И необходимы те, кто остался по другую сторону баррикад, его близкие и родные, которым он не имеет права послать и самой малой весточки о себе. Да, разведчик одинок для себя, и он не одинок для всех... Постоянное перенапряжение может вызвать опасность психологического срыва. В тех случаях разведчику необходима разрядка, отдых, смена обстановки. И, зная об этом, руководство разведки время от времени устраивает своему работнику вызов в Центр, переброску в другую страну. Но когда идет война, это исключается. Теперь она близилась к концу, и у Ахмедова-Вилкса тем более не было права на передышку.

● Ночью советская авиация бомбила Кенигсберг. Когда первые звенья тяжелых машин появились над городом, четверка немецких офицеров давно уже покинула «Кровавый суд» и весело опорожняла бутылки, захваченные предусмотрительным Вернером из ресторана. Им с успехом, свидетельствующим о немалом опыте, помогали в этом занятии три девицы из варьете, которых удалось подхватить в конце вечера.

Расположились они в двухэтажном просторном особняке, принадлежавшем отцу фон Герлаха. Родители Фридриха уехали в поместье, подальше от бомбежек, и дом в Амалиенау служил отличным местом для кутежей приятелей обер-лейтенанта.

Когда послышался гул моторов, девицы подняли было панику и пытались бежать в убежище. Но добрый коньяк — его разлил всем в бокалы Вернер — привел девиц в чувство, а хозяин сказал:

— Русские не бросают здесь бомбы, щадят мирное население.

Горькая усмешка тронула его губы.

Вскоре майор Баденхуб храпел на диване в го-

стиной, и это было кстати, так как девиц на всех не хватало. Офицеры вышли в соседнюю комнату и разыграли их между собой. Вернеру выпало ухаживать за миловидной шатенкой с длинными ресницами, грустными глазами и стройной фигурой. Звали девушку Ирмой.

Генрих Махт вскоре совсем захмелел и лез целоваться к фон Шлидену, повторяя, что Вернер великолепный парень. Обер-лейтенант уже исчез со своей подругой, а белокурая толстушка, доставшаяся Махту, дергала его за рукав и тянула к лестнице, ведущей в верхние комнаты.

Наконец Вернер остался один с Ирмой. Они прошли небольшой коридор и очутились в комнате с широкой кроватью. Гауптман снял мундир, повесил его на спинку стула и сел спиной к Ирме, стоящей у кровати.

В доме затихло. Вернер достал из кармана сигареты и сидел не поворачиваясь.

Докурив сигарету, он смял ее, поднялся, развел в стороны руки, потягиваясь, и обернулся.

Ирма, одетая, сидела на краешке кровати и в упор смотрела на гауптмана.

— Я думал, ты уже спишь,— сказал Вернер.

Она сощурилась:

— Купил бутылку — и сразу в постель?

— Ну зачем ты так? — сказал Вернер и шагнул к женщине.

— Не подходи! — зло выкрикнула Ирма.

— Глупая! — сказал Вернер фон Шлиден. — Плохо знаешь людей, дорогая фрейлейн. Я отношусь к тем мужчинам, которые только тогда могут быть с женщиной, когда она хочет этого. — Он отвернулся и снял со спинки стула мундир: — Спи, маленькая, спи спокойно. Пойду поищу другое пристанище.

Гауптман открыл дверь и шагнул в коридор.

— Подожди! — громким шепотом остановила его Ирма.

Вернер вернулся, прикрыв дверь, и остановился перед Ирмой, продолжавшей сидеть на кровати.

— Оставь мне сигареты,— сказала она.

Гауптман протянул ей пачку, потом нашарил в кармане зажигалку и отдал ее тоже.

— Не уходи,— сказала вдруг Ирма. Она привстала, схватила Вернера за рукав мундира и потянула к себе. Судорожно всхлипнув, вздохнула. — Посиди со мной...

Владелец бакалейного магазина на Оттокарр-штрассе Вольфганг Фишер обосновался в Кенигсберге около двадцати лет назад. Приехал он откуда-то из Силезии, имея небольшой капиталец, и сразу приобрел лавку разорившегося торговца в Понарте. Дела у Фишера шли хорошо. Он обладал особым чутьем на конъюнктуру. Клиенты Фишера оставались довольны умеренными ценами и высоким качеством его товаров.

Через два года Вольфганг Фишер женился на Шарлотте Венк, единственной дочери Иоганна Венка, члена городского магистрата. Женился Фишер удачно. Шарлотта была хорошей женой, и не менее хорошее он взял за ней приданое. Первое обстоятельство принесло Фишеру постоянное, никогда не оставляющее его чувство душевного равновесия, а второе — возможность прикрыть торговлю в Понарте и обосноваться на Оттокарр-штрассе, в Амалиенау, аристократическом районе Кенигсберга.

У Вольфганга Фишера связи были в самых различных кругах. Ведь независимо от социального положения подавляющее число людей любит хорошо поесть и вкусно выпить, а Фишер обеспечивал эту возможность для сильных мира сего и тогда, когда замахнувшемуся на всю планету третьему рейху пришлось-таки основательно затянуть пояс.

Даже в конце сорок четвертого года бакалейщик сохранил приличные запасы продуктов и редких вин. Он поставлял их важным чинам из различных военных и гражданских ведомств.

Фишер доставал кое-что и для простых офицеров, если у них были хорошие деньги и солидные рекомендации.

У гауптмана фон Шлидена было и то и другое.

...В особняке на Хертеаллее проснулись поздно. Майор Баденхуб сразу уехал в свой танковый батальон, у остальных день оказался свободным, и Генрих Махт предложил освежиться. У всех болели головы, а у девиц был и вовсе помятый вид.

Мужчины с надеждой посмотрели на Вернера. Он выглядел более свежим и подтянутым, нежели другие.

— Трудновато, но попробую что-нибудь сделать,— сказал Вернер сразу повеселевшим приятелям.

ЧЕРНЫЕ ЦИФРЫ ФИШЕРА

— Пока я буду принимать ванну, Джим, закажи, пожалуйста, кофе,— сказал Эл Холидей, выходя из спальни первоклассного номера нью-йоркского отеля «Уолдорф».

— Может быть, лучше виски? — спросил Джим.

— Виски мы выпьем позже, когда спустимся вниз. А сейчас кофе, по которому я соскучился. Ты ведь даже представить себе не можешь, какую гадость я пил в последние недели.

Эти слова Эл произнес, скрываясь в дверях ванной комнаты. Джим позвонил, заказал кофе, выложил на маленький столик сигареты и зажигалку, опустился в кресло и приготовился ждать. Закурив, он протянул руку к столу, взял журнал «Холостяк», с длинноногой красоткой на обложке, и увидел под журналом небольшой красный томик. Это была традиционная библия в издании Гендерсона, которой снабжают своих постояльцев хозяева всех отелей Соединенных Штатов. Джим отложил утеху холостяков в сторону, усмехнулся по поводу экстравагантного соседства и развернул библию.

Эл плескался за дверью, напевая и покрякивая от удовольствия. Мылся он не менее получаса, и, когда появился, запахнув мохнатый халат, Джим не преминул съязвить по поводу времени, прошедшего после последней ванны Эла.

— Ты зря смеешься, старина,— сказал Эл. — Европа сорок четвертого года — это серьезная штука, и совсем не комфортом определяется то, что там сейчас происходит.

Он хотел произнести еще какие-то слова, но в дверь постучали — принесли заказанный кофе. Эл нетерпеливо схватил чашечку с подноса и, сощурившись от удовольствия, выпил кофе маленькими глотками.

Когда Эл был готов, они вышли из номера.

Лифтер, сопровождавший обоих джентльменов пятнадцать этажей вниз, равнодушно принял чаевые, скользнул безразличным взглядом по спинам выходящих из кабины лифта мужчин и вернулся к своим обязанностям. Обычные жильцы, да и только. Не миллионеры, не боксеры и даже не обитатели Голливуда. Так, биржевые маклеры или мелкие бизнесмены с Запада. И если бы лифтер знал хотя бы о малой доле деятельности этих джентльменов, его интерес к ним, несомненно, возрос бы.

А джентльмены прошли сквозь вертящиеся двери ресторана и, сопровождаемые услужливым метрдотелем, через огромный зал направились к указанному им столику у стены.

Деловой разговор начался сразу, и они умело меняли тему, когда к их столу, стоявшему несколько обособленно, подходил прислуживающий им официант.

— Наиболее впечатляющим для меня в России был тот неоспоримый факт, что коммунисты сумели мобилизовать все материальные и духовные ресурсы страны,— сказал Эл. Он добавил содовой в стакан с виски. — И сделали они это на самом высоком уровне. Я был у них в июле сорок второго. Та армия, которую я видел тогда, сейчас не может быть сравниваема с прежней ни в коей мере. Отличная техника, и в больших количествах. Уральские и сибирские заводы работают круглые сутки, выбрасывая все новые и новые танки и самолеты.

— Не сгущаешь ли ты краски, Эл? Пойми, это может не понравиться кое-кому...

— Россию надо видеть своими глазами, Джим. Я видел русских. И тех, кто собирается идти в атаку, и тех, кто стоит у станков, и тех, кто направляет умы первых и вторых. Более десяти миллионов поставлено под ружье. Эта гигантская масса неудержимо рвется на Запад. Временные затруднения в Прибалтике русские ликвидировали, прижав немецкие дивизии к морю и отрезав их от Восточной Пруссии. Они уже освободили свою территорию и перенесли войну на чужие земли. И все это за короткое время, пока наши Айк и Монти[1] топчутся на месте.

— Это я знаю из сводок, Эл,— мягко остановил его Джим.

— Прости. Мне легче рассказывать, начиная с прописных истин. Для нас важно то, что в самых разных слоях русского населения можно услышать разговоры о необходимости покончить не только с немецким, но и со всяким нацизмом вообще. И это не просто лозунги, а трезвая убежденность в необходимости распространить освободительную миссию Красной Армии до берегов Атлантического океана. И у меня есть данные, правда не абсолютно точные, что таково и убеждение Сталина...

— Это следует особо выделить,— сказал Джим.

— Разумеется. Я беседовал с Авереллом[1]. Он не хочет этому верить и отказывается официально сообщать в государственный департамент, пока мы не представим ему надежную информацию.

— Как тебя принимали русские, Эл?

— Хорошо. Ты знаешь ведь, что ехал я с прикрытием, но чекисты отлично помнят меня. Впрочем, я играл с ними в открытую. Ведь мы союзники! — усмехнулся Холидей. — Правда, «опекали» меня крепко,— продолжал он,— вежливо, предупредительно, но надежно. Сам я почти ничего не смог сделать. Лишь через третьи руки собрал информацию у прежних агентов, введенных сейчас в работу.

— Как вербовка среди русских?

— Почти никаких результатов. Возросший во сто крат патриотизм и наши союзнические отношения — основные причины. На нашу долю остаются явные подонки.

— Ладно. Хватит пока о России,— сказал Джим. — Переезжай в Восточную Пруссию. Вернее, перелетай. Ты ведь по воздуху попал туда?

— С помощью русских,— сказал Холидей.

● — Наши войска, как вам известно, товарищи, готовятся перейти границу Восточной Пруссии. — Подполковник Климов подошел к карте и отдернул штору. — Настало время серьезно заняться «вервольфом» и восточно-прусской агентурой, которую гестапо и СД оставляют в будущем тылу нашей армии. Впрочем, наш отдел и существует для этого... Начнем с «вервольфа».

Что они знали о «вервольфе»? «Волк-оборотень» — так переводится это слово. Сказалась в названии немецкая приверженность к напыщенному слогу, символике и мистике. Ведомство доктора Геббельса настойчиво проводило параллель между будущими оборотнями и русскими партизанами. Цель преследовалась двоякая: с одной стороны, объявить отряды головорезов, формировавшиеся исключительно из членов национал-социалистской партии и «Гитлерюгенда», народными мстителями, а с другой — заранее распространить миф о их будущей неуязвимости, по аналогии с партизанами.

Организация отрядов оборотней началась после минского котла, показавшего, что война вот-вот перебросится на территорию третьего рейха. Шестого августа 1944 года создание «вервольфа» было оформлено особым актом. Основное руководство по организации отрядов возлагалось на рейхсфюрера Гиммлера, который развернул бурную деятельность, постоянно докладывая главе тысячелетней империи о новых и новых когортах «сильных и смелых», призванных задержать Красную Армию. Наиболее ши-

---

[1] Эйзенхауэр и Монтгомери.

[1] А в е р е л л Г а р р и м а н — посол США в Советском Союзе во время второй мировой войны.

рокой и хорошо оснащенной предполагалось сделать сеть восточнопрусских оборотней.

— По имеющимся у нас данным, стало известно, что формирование «вервольфа» в Восточной Пруссии закончено,— сказал подполковник Климов.— Возглавлял его майор Шмитцель, недавно он заменен оберштурмбанфюрером Гетцелем. Штаб «вервольфа» находится в Кенигсберге, на Ленсштрассе, 3/5. Нам также известна часть, примерно одна треть, потайных складов оборотней, фамилии некоторых командиров отрядов. Это, разумеется, очень и очень мало.

— Русские помогли мне выброситься в Восточной Пруссии после тщательных попыток прощупать цель моего визита туда,— сказал Эл.

— Мы сделали все, чтобы такое разрешение тебе дали.

— Спасибо, Джим. Конечно, никаких явок, никакой связи с их агентурой. «У вас там должны быть свои люди, мистер Холидей»,— сказал мне по-английски с техасским выговором один русский чекист. Не удивлюсь, встретившись с ним в Сан-Антонио. Конечно, они правы, эта их всепоглощающая конспирация, сплошная засекреченность приносит плоды. И потом, у русских отлично налаженная разведка в Европе, да и не только там. Просто удивительно, как много они достигли за столь короткое время... Вспомни хотя бы деятельность «Красной капеллы» в Западной Европе, доктора Зорге, столько лет водившего за нос знаменитую контрразведку джапов, или совершенно точную информацию, полученную советской разведкой от ответственных работников министерства экономики и министерства информации с помощью латиноамериканского негоцианта, оказавшегося офицером советской разведки, о том, что после взятия Ростова Гитлер обязательно пойдет на Сталинград...

— Тебя прельщает место преподавателя истории разведки в одной из наших школ, Эл? Стареешь, парень...

— Извини, давно не говорил по-английски. Терпеть не могу этот фельдфебельский язык джерри, на котором болтал и даже думал целый месяц.

— Но говоришь ты на нем как бог... Немецкий бог!

— Итак, высадка прошла удачно,— пожав плечами, продолжал Холидей.— Нашего Ирокеза я разыскал, чувствует он себя хорошо. Пользуется серьезным влиянием в СД. Местечко — просто клад для такого человека. Когда я сидел с ним за бутылкой в Кенигсберге, то еще и еще раз мысленно благодарил всевышнего за удачу в Женеве. Ведь если б я не убрал Зероу тогда, на кладбище, он спокойно бы прибыл в Кенигсберг и Ирокезу пришла бы крышка.

— Операция «Кактус»? — перебил его Джим.

— Начинает развиваться. Ирокез готовит к этому своих немецких хозяев. Англичане продали нам идею, а сами, как обычно, хотят остаться в стороне. Я их немного щелкнул по носу, перевербовав в Польше нескольких второстепенных деятелей из Армии Крайовой. Будут работать для нас.

— Послушай, Эл, есть что-нибудь по «Проекту Мэн»? — спросил Джим.— Ты ведь знаешь, что наши «большие мозги» из кожи вон лезут, чтобы обогнать немцев. И успехи у них огромные. Но беда в том, что русские тоже интенсивно работают в этом направлении. Мы получили значительную информацию от Интеллидженс сервис. В Норвегии остались интересные материалы по новому оружию. Немцы стараются любыми путями перебросить все это в Германию, и я боюсь, что тебе снова придется поехать в Европу.

У Холидея вытянулось лицо.

— Ладно-ладно! Может быть, поедет кто-нибудь другой, только ты сам никому этого не позволишь доверить. Расскажи мне лучше о твоей встрече в Женеве с доверенным Гиммлера...

Оставив собутыльников в особняке на Хертеаллее, гауптман Вернер фон Шлиден, размахивая саквояжем, спешил в магазин Фишера на Оттокарарштрассе.

Открывал Фишер всегда поздно, и гауптман, зная об этом, миновал витрины магазина, затянутые сейчас жалюзи, свернул в переулок и остановился у железной решетчатой калитки. От нее тянулась к небольшому, приятному на вид особняку красноватая дорожка.

Шлиден нажал кнопку звонка, и в глубине двора почти сразу показалась кряжистая фигура хозяина.

— Господин гауптман! — Фишер издали поднял вверх правую руку и заспешил к калитке.

— Меня ждут друзья, Фишер,— сказал Вернер.— Вы понимаете?

— Конечно, конечно! — Фишер с готовностью притронулся рукой к локтю офицера и повел его по дорожке.

Потом они свернули направо и вышли на задний двор магазина.

Фишер увлек офицера на крыльцо. В небольшой кладовой с полками, заставленными бутылками, Фишер принял у гауптмана саквояж и стал наполнять его. Потом он достал снизу еще одну бутылку и протянул Вернеру:

— А это только для вас, господин гауптман, коллекционное.

Шлиден поблагодарил хозяина и протянул пачку кредиток, вложенных в одну, покрупнее, согнутую пополам.

— Передайте сегодня, Фишер. Новые сведения по «вервольфу». Правда, это далеко не все. К сожалению, полностью отдаюсь операции с графиком движения транспортов с рудой. Сообщите: кое-что сдвинулось.

— Все сделаю,— сказал Фишер.— Деньги возьмите обратно.

Он взял сложенную пополам кредитку, спрятал ее в карман, а остальные ассигнации передал Вернеру фон Шлидену.

— Вам нужны еще деньги? — спросил бакалейщик гауптмана.

— Спасибо. Пока нет. Добудьте мне сведения о начальнике порта. Это необходимо сделать быстрее.

Боюсь, что график движения транспортов постоянно изменяют. Последние данные по «вервольфу» передали?

— Да.

— Это хорошо!

— Рюмочку настоящей водки, Вернер? А? — сказал Фишер. — За победу...

— Вы змей-искуситель, Фишер,— сказал, улыбаясь, гауптман. — Ну, разве что рюмку водки! У вас, поди, и огурчик соленый найдется!

— Огурчика нет, а вот капусты, маринованной по особому рецепту моей Шарлотты, я вам предложу. Деликатесная, скажу я вам, вещь...

Фишер вышел и через несколько минут вернулся с бутылкой, обернутой в папиросную бумагу. В другой руке он держал фаянсовую салатницу с капустой. Бакалейщик поставил капусту на стол и стал разворачивать бутылку.

— Ого! — сказал Вернер. — Настоящая водка!

— А вы думали, я угощу вас эрзацем? Я, лучший бакалейщик Кенигсберга?! Еще в сорок первом заказал с Восточного фронта три ящика. Сейчас осталось две бутылки. Эта и еще одна. Ту мы разопьем с вами в день, когда вы снимете свою форму, господин гауптман.

Вернер пододвинул рюмки:

— Для того дня одной бутылки нам будет мало, господин лавочник...

Они рассмеялись.

— Ну, поехали! — сказал Фишер. — Прозит!

— Как идет торговля? — спросил Вернер, заедая водку хрустящей капустой.

— Торговля моя идет плохо. Поставщики почти все исчезли, сижу на старых запасах...

— Не горюйте, Фишер, Будет и на нашей улице праздник.

— Спасибо, Вернер.

Вольфганг Фишер крепко пожал гауптману руку.

Фон Шлиден похлопал хозяина по плечу, поднял изрядно потяжелевший саквояж с бутылками и направился к выходу.

Фишер проводил его до калитки и вернулся в дом. По узкой лестнице он поднялся наверх, где был небольшой кабинетик, приспособленный для проведения коммерческих операций.

Давно осевший в Кенигсберге бакалейщик Вольфганг Фишер, антифашист и докер из Гамбурга, оказался оборотистым торговцем и талантливым разведчиком. Главную свою задачу — организацию разведывательной сети в Восточной Пруссии и руководство ею — он выполнял так же добротно, как и торговал бакалейными товарами, надежно ограждая от провала своих людей.

Сам Фишер не занимался непосредственно сбором разведывательных данных. С ним сотрудничали другие, доставлявшие бакалейщику иногда через третьи и четвертые руки необходимые сведения. Он принимал курьеров из Центра, руководил подпольной радиосвязью, был связан с деятельностью нелегальной антифашистской организации, наблюдал за работой групп Сопротивления в лагерях военнопленных.

Когда Янус прибыл в Кенигсберг, Вольфганг Фишер получил указание Центра обеспечить деятельность Ахмедова-Вилкса необходимой помощью: людьми, деньгами и связью.

Гауптмана Вернера фон Шлидена знал лишь Вольфганг Фишер. Частые визиты к бакалейщику любящего покутить с приятелями старшего офицера отдела вооружения штаба генерала Ляша не могли ни у кого вызвать подозрений.

И вот теперь, после встречи с Янусом, Вольфганг Фишер поднялся в свой кабинет, вошел в комнату, тщательно запер дверь, сел к столу и вытащил ассигнацию, переданную ему ранним покупателем. Затем он подошел к небольшому стеклянному шкафчику, служащему домашней аптечкой, и достал два небольших пузырька. На одном было написано «Желудочные капли», второй, без этикетки, содержал в себе бесцветную жидкость.

Вернувшись с пузырьками к столу, Фишер выдвинул один из ящиков и достал две кисточки. Осторожно разгладив кредитку на столе, он, обмакнув одну из кисточек в бесцветную жидкость, стал водить ею по поверхности ассигнации. Покрыв ее полностью, Фишер осторожно поднял за угол и несколько раз помахал ею в воздухе, чтобы скорее просохла.

В пузырек с желудочными каплями он окунул другую кисточку и осторожно провел по ассигнации. На ее поверхности неожиданно появились черные цифры.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ГРУЗ «ТЮРИНГИИ»

● Корабль резко положило на левый борт, командир с трудом удержался на ногах и судорожно вцепился в обмерзшие релинги.

«Уйти от английских и русских субмарин, чтобы утонуть в шторм у самых ворот Пиллау!» — горько усмехнулся про себя командир.

— Двадцать градусов право! — крикнул он в самое ухо помощнику, который склонился к нему, увидев, что командир хочет что-то сказать.

Услышав команду, помощник, перебирая руками поручни, двинулся к рулевой рубке.

Из рубки выглянул помощник. Ветер отнес его слова, но командир понял, о чем тот кричал, и, стараясь не держаться за релинги, пошел ему навстречу.

В рубке он увидел в руках матроса дымящийся кофейник, которым тот размахивал в такт качке, и улыбнулся. Кофе был совсем кстати, и командир подумал, что вскипятить его сейчас не менее трудно, чем вести по взбесившемуся морю, набитому субмаринами, вот эту посудину с дьявольским грузом.

Легкий крейсер германского флота «Тюрингия», изрядно потрепанный штормами и авиацией союзников, ускользнувший от подводных лодок англичан в Северном море и от русских субмарин в Балтийском, на форсированном режиме работы главных двигателей мчался в Пиллау. Этот порт был последним в перечне убежищ, рекомендованных командиру секретной инструкцией.

Десять дней назад Отто фон Шлезингер, коман-

дир крейсера «Тюрингия», был вызван из Киля, где стоял его корабль, в резиденцию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в Берлине. Рейхсфюрер принял его лично, но о цели вызова не сказал ни слова, кроме общих фраз о том, что он, Отто фон Шлезингер, должен быть счастлив выполнить задание, от которого зависит судьба великой Германии. Инструкции командир получил в одном из отделов Управления имперской безопасности. Там же представили ему штурмбанфюрера Германа Краузе. Эсэсовец должен был сопровождать его в походе. Он спит сейчас мертвецки пьяным сном в отведенной ему каюте.

Герман Краузе давно проклял свою судьбу и начальство, перебросивших его из теплой спокойной Бразилии, из яркого и бесшабашного Рио, в эти дьявольские края, где с неба пикируют самолеты, а под зеленой водой Балтики и Северного моря рыщут готовые влепить в борт торпеду подводные лодки.

После гибели субмарины «Валькирия» в Берлине приняли решение отказаться от доставки никеля столь сложным и, как оказалось, небезопасным путем. Германа Краузе и доктора Зельхова отозвали из Рио-де-Жанейро в столицу рейха. Здесь доктор Зельхов довольно быстро получил назначение в нейтральную Швейцарию. «Везет этому пижону. Опять попал подальше от войны!» — злился Герман, узнав об этом. Он-то ведь получил приказ остаться в Берлине в качестве офицера особой службы, занимающейся различными деликатными операциями в самых горячих местах военных действий.

Доктор Зельхов уехал в Швейцарию, и Краузе слышал, что ему предстоит сложная миссия по установлению контактов с секретными организациями противников Германии. А ведь это солидная гарантия уцелеть в случае катастрофы, которая уже чувствовалась, особенно теми, кто был связан с тайными службами рейха. Правда, Германа Краузе повысили в звании за командировку в Италию, где он едва не попал в лапы партизан, а теперь вот сопровождает этот чертов груз на «Тюрингии».

Пока крейсер находится в море, ему совершенно нечего делать, а чтоб оставили голову мрачные мысли, он пьет и пьет без просыпу...

Из Киля крейсер вышел, держа путь на Датские проливы. В Скагерраке фон Шлезингер вскрыл пакет и узнал дальнейшее направление пути своего корабля. Таких пакетов пришлось вскрыть еще два, чтобы войти наконец в один из небольших норвежских портов.

Погрузка окончилась довольно быстро, и «Тюрингия» взяла курс на Гамбург. Но уже в море штурмбанфюрер Краузе вручил командиру пакет, предписывающий идти в Киль Датскими проливами. Через час после изменения курса крейсер еле ушел от эскадрильи английских самолетов. «Тюрингию» спасла полоса тумана, куда она успела вовремя забраться. Герман Краузе в тот день напился — в первый раз за все время пребывания на корабле — и с тех пор пил не переставая. Вот тогда-то он и разболтал командиру, что хранится в стальном брюхе «Тюрингии».

— Впереди земля! — крикнул помощник.

— С нами бог! — сказал командир. — Это Пиллау... Запросите разрешение на проход через боны.

● Данные о начальнике Кенигсбергского порта, полученные от Фишера, заставили Вернера фон Шлидена принять решение. Транспорты с никелем беспрепятственно приходили в Кенигсбергский порт, драгоценная руда доставлялась из Пруссии в центральные и западные земли Германии, а он, надежный Янус, от которого ждали график движения пароходов, бездельничал и пил шнапс с подонками...

Но вскоре Вольфганг Фишер сообщил Янусу, что в молодости начальник Кенигсбергского порта баловался демократическими идеями и даже принимал участие в некоторых выступлениях против правительства. Было это в незапамятные времена, до прихода Гитлера к власти, но грехи начальника порта в гестапо известны. Тайная государственная полиция не трогает его. Начальник порта не однажды доказал свою лояльность и преданность делу фюрера, даже вступил в нацистскую партию, но до сих пор чувствует себя неуверенно.

...Начальник порта жил один, семью он отправил к родителям жены в Баварию, дома оставалась лишь старуха экономка.

Сегодня он поздно вернулся домой, поужинал, отослал спать старую Луизу и закурил сигарету, сидя у камина, где тлели угольные брикеты. День был ветреным и зябким. Начальник порта продрог и сейчас наслаждался теплом, исходящим от углей.

Внезапно он вздрогнул. В дверь забарабанила нетерпеливая рука. Хозяин дома выбежал в переднюю. На его вопрос из-за двери ответили:

— Гестапо!

Дрожащими руками начальник порта отодвинул щеколду. Дверь распахнулась, едва не ударив его, в комнату стремительно вошел офицер в шинели с меховым воротником, в фуражке с низким козырьком, закрывающим половину лица.

— Вы?.. — Он назвал фамилию начальника порта. — Собирайтесь немедленно!

Начальник порта заметался по комнате, хватаясь за вещи. На нем были надеты только халат и брюки, но поздний гость подал ему мундир, лежащий на одном из кресел, снял с вешалки и сунул в руки пальто, нахлобучил на голову фуражку с «крабом» и, подталкивая в спину пистолетом, повел к выходу.

На крыльце начальник порта споткнулся и едва не упал. Гестаповец поддержал его за плечо и негромко проговорил:

— Осторожнее! Не сломайте себе шею. Она вам еще пригодится.

Начальник порта уловил в этих словах зловещий смысл и окончательно пал духом. Перед калиткой его особняка стоял длинный легковой автомобиль. Они сели на заднее сиденье. Машина сорвалась с места и умчалась в слепую ночь затемненного Кенигсберга.

— ...Итак, вы отрицаете свою связь с английской разведкой? — спросил гестаповец.

— Да-да, конечно, это недоразумение, — бормотал начальник порта.

Они находились вдвоем в кабинете. После долгих блужданий по безымянным улицам вовсе павшего духом начальника порта привезли сюда, откуда он никогда бы не сумел выбраться самостоятельно. Он попросту не знал, где находится сейчас.

— Мы имеем сведения, что вы намерены передать англичанам график движения транспортов из Турку,— сказал гестаповец. — Транспортов с никелевой рудой.

— Какой абсурд! Кто-то оболгал меня, господин...

Начальник порта забыл дома очки и теперь близоруко сощурился, силясь рассмотреть знаки различия на мундире гестаповца.

— Оберштурмбанфюрер,— подсказал офицер.

— Это ложь, господин оберштурмбанфюрер, и это легко доказать.

— Попробуйте.

— Дело в том, что я не могу передать график, так как такого графика не существует...

— Поясните,— с трудом сдерживая волнение, равнодушным голосом произнес Вернер фон Шлиден, мнимый гестаповец.

— О выходе каждого транспорта сообщается заранее, а идут они к нам безо всякой системы. Иногда мы узнаем о выходе постфактум, когда корабль уже следует в Кенигсберг. Я полагал, что это вам известно, господин обер...

— Молчать! В последний раз я спрашиваю: когда вы были завербованы английской разведкой? С кем держите связь? Фамилии, пароли, явки! Если солжете, я передам вас в руки специалистов по развязыванию языка. Когда вас завербовали англичане? Отвечайте!

Начальник порта приподнялся в кресле и вдруг рухнул обратно. Он был без сознания. «Только этого мне не хватало!» — подумал Вернер, подходя к начальнику Кенигсбергского порта.

Он похлопал его по щекам, и тот открыл глаза, испуганно глядя на фон Шлидена.

— Встаньте,— сказал фон Шлиден и протянул руку.

Начальник порта поднялся и смотрел на Вернера, помаргивая глазами от яркого света лампы, направленного ему в лицо.

— От имени рейхсфюрера СС я благодарю вас за стойкость и верность идеалам фюрера,— сказал Вернер. — Приношу вам извинения за этот небольшой спектакль. Дело в том, что вами действительно заинтересовалась английская разведка. Мы имеем сведения: в вашем аппарате находится их человек. Они пытались скомпрометировать и вас, но мы разобрались во всем и пришли к выводу, что имеем в вашем лице верного слугу рейха.

— Благодарю вас,— прошептал ошеломленный начальник порта. — Это так неожиданно...

— Война есть война,— сказал Вернер. — Но это не все. Мы решили с каждым транспортом посылать своего человека, который бы обеспечивал интересы службы безопасности. Для этого нам необходимо знать сроки выхода транспортов из Турку.

— Я могу официально извещать ваше ведомство...

— Нет-нет! Это опасно. Мы до сих пор не знаем, кто из ваших сотрудников является английским шпионом. Давайте условимся. Вы никому, понимаете, никому не сообщаете сроков выхода. Нам же эту информацию будете передавать следующим образом. Я буду звонить вам по телефону. Пароль: «Говорит Вилли. Когда приедет Грета?» Ведь это ваша жена, не так ли? Если в кабинете будут посторонние, отвечайте: «Позвоните позже». Если вы одни, передавайте кодом, который я вам дам, срок выхода очередного судна. О том, чтобы ваш телефон не прослушивался посторонними, мы уже позаботились.

Вернер подошел к сейфу, открыл его и положил перед начальником порта листок бумаги с машинописным текстом и внушительным штампом Управления имперской безопасности наверху.

— Это обязательство не разглашать ничего из того, что произошло с вами сегодня. Помните: молчание — золото. А зачастую молчание — это жизнь. Еще раз прошу извинить нашу службу за причиненное вам беспокойство. Позвольте предложить рюмку коньяку...

● Старшая дочь генерала Вилкса, Индра, подошла к отцу и, заглянув в глаза, сказала:

— Я знаю, отец, что не имею права об этом спрашивать... Но ты мне скажи одно: как Сережа? Тебе известно о нем?

Арвид Янович взял ее за плечи.

— Допустим,— сказал он.

— И как он?

Вилкс вздохнул:

— Трудно ему, дочка, трудно... Сережа устал. Он ничего не сообщает об этом, но где-то между строк его сообщений я чувствую, как тяжело ему сейчас. Ты понимаешь, ему, словно Антею, надо бы прикоснуться к родной земле, набраться от нее сил... Но я не могу ему этого позволить, а впрочем, он и сам бы не смог себе разрешить такое... Ведь еще немного осталось.

— Я понимаю, отец. Жалко, что ты не можешь ему написать, как все мы любим его и ждем домой...

Генерал улыбнулся.

— Ну уж это мы как-нибудь ему сообщим. Придется мне использовать свое служебное положение.

На следующий день он срочно вызвал подполковника Климова.

— Важное сообщение от Януса, Климов,— сказал Арвид Янович. — Он передает, что интересующий нас груз прибыл в Пиллау. Крейсер «Тюрингия» сумел прорвать все заслоны и вывез материалы из Норвегии. Предполагается, что немцы попробуют доставить весь груз в глубь Германии через Польшу. Ознакомьтесь вот с этими документами, и давайте вместе подумаем, как помешать фрицам осуществить их планы. Располагайтесь поудобнее и думайте. Я вас оставлю минут на двадцать. — Арвид Янович протянул Климову папку, которую просматривал перед его приходом, и вышел из кабинета.

Когда он вернулся, Климов стоял посреди комна-

ты с блокнотом в руках и чертил в нем карандашом замысловатые фигурки. Папка с документами была закрыта и лежала на столе генерала.

— Надумали, Алексей Николаевич? — веселым голосом спросил Вилкс. — Вижу, вижу, какие-то идеи вас посетили.

Климов улыбнулся:

— Какие уж там идеи, Арвид Янович! Есть тут, правда, некоторые соображения, не знаю, как вы посмотрите...

— Ты давай выкладывай, выкладывай, скромник! — переходя на «ты», заговорил Арвид Янович.

— Мне думается, что груз немцы будут отправлять по сухопутью. Для авиации это сложно, да и ненадежен сейчас воздушный маршрут. В этом случае необходимо связаться с польскими товарищами, подкрепить их нашей группой, которую в нужный момент выбросим по воздуху. Кого-то из наших людей в Восточной Пруссии можно подключить для связи с польскими партизанами и выброшенной группой. В этом варианте уже не имеет смысла идти на уничтожение всего груза. Ведь за группой все равно будем посылать самолет. Значит...

— Понимаю вас, Климов. Давайте разрабатывать оба варианта. Не позднее чем завтра вы представите мне развернутый план обеих операций. Посоветуйтесь с коллегами из своего отделения, поломайте головы над вариантами, а завтра с утра жду вас здесь. Документы возьмите с собой. — Арвид Янович взял в руки папку со стола и протянул ее Климову: — Это еще не все. Как протекает операция по выяснению графика движения транспортов с никелем?

— Янус передает, что никакого графика нет. Выход каждого судна из Турку в Кенигсберг намечается в произвольное время, безо всякой системы.

— Совсем не в духе немцев.

— Научились. Раз нет графика, Янусу придется передавать информацию по каждому судну.

— Это сложно,— сказал генерал.

— Конечно,— согласился Климов. — Поэтому он предупредил, что возможны случаи, когда суда с никелем проскочат в Кенигсберг. А пока Янус сообщил выход из Турку очередного судна.

— Моряков информировали?

— Разумеется. Моряки ждут.

ОПАСНАЯ ИГРА ХОРСТА

Кенигсберг готовился к рождеству. Невеселым было оно в этом году. Сорок четвертый год развеял иллюзии большинства немцев. Немного осталось тех, кто верил в возможность иного поворота войны, в новое оружие, в раздоры между членами антигитлеровской коалиции, в непогрешимый гений своего фюрера. Все заманчивее становилась мысль о сепаратном мире с Англией и Соединенными Штатами Америки, и «верные слуги» Гитлера снова подумывали о бомбе для своего вождя.

На Западном фронте немецкие войска совершенно неожиданно, после того как целые гарнизоны гитлеровцев сдавались случайно завернувшему в город американскому мотоциклисту, перешли в наступление по всему фронту.

В то же время сорок четвертый год был годом целого ряда поражений вермахта на Восточном фронте. Несколько сильных ударов Красной Армии в различных направлениях обратили в беспорядочное бегство германские войска. Двести девятнадцать немецких дивизий и двадцать две бригады были разбиты и выведены из строя. Германская армия потеряла один миллион шестьсот тысяч человек, шесть тысяч семьсот танков, двадцать восемь тысяч орудий и минометов, двенадцать тысяч самолетов. Гитлеровский союз профашистских государств распался: Финляндия, Румыния и Болгария были выведены из войны, советские войска вступили на территорию третьего рейха.

Стремясь спасти положение на Востоке, Адольф Гитлер бросил против Красной Армии последние стратегические резервы. Он стал снимать отборные части с Западного фронта для переброски на советско-германский фронт.

Когда английские и американские войска вышли на линию Зигфрида и продолжали наступать с запада, они втрое превосходили западную группировку вермахта в живой силе и в оснащении боевыми и техническими средствами.

Казалось, ничто не может задержать наступления союзнических войск, вступивших на территорию Бельгии и приближающихся к границам Германии. Но напрасно ждал мир широких и решительных действий англо-американского командования. У Лондона и Вашингтона была своя стратегия. Реакционные силы Соединенных Штатов Америки и Великобритании из кожи вон лезли, чтобы затянуть мировую войну, максимально ослабить первое в мире социалистическое государство, обескровить ненавистную им Россию.

Но как часто бывает в истории, те, кто хотел поживиться за счет хитроумных закулисных расчетов, переиграли. Сориентировавшись в обстановке, сложившейся на Западном фронте, Адольф Гитлер принял решение перейти к активным действиям в районе Арденн. Гитлер намеревался задержать движение союзников к границам Германии, это позволило бы продвинуть вперед идею о сепаратном перемирии и высвободить определенные резервы для затыкания брешей, пробитых Красной Армией.

Несколько ранее войска Красной Армии, освободив Белоруссию, вышли к границам Польши и Восточной Пруссии. На севере над нашей армией нависала восточнопрусская группировка гитлеровских войск в составе сорока дивизий. По территории Восточной Пруссии проходили магистрали, которые связывали окруженные в Прибалтике тридцать немецких дивизий армейской группы «Курляндия» с центральными районами Германии. Здесь располагались наиболее важные военно-морские базы, крупнейшие промышленные предприятия оборонного значения. Наконец, Восточная Пруссия надежно прикрывала с северо-востока столицу третьей империи, с которой Кенигсберг связывало знаменитое Берлинское шоссе.

«Любой ценой удержать Восточную Пруссию!» — таков был категорический приказ Гитлера.

«Отрезать восточнопрусскую группировку немецких войск от основной территории Германии и ликвидировать ее!» — решила Ставка Верховного Главнокомандования.

Эта задача возлагалась на войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии И. Д. Черняховского и на 2-й Белорусский фронт, которым командовал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

Войскам обоих фронтов предстояло разгрызть крепкий орешек. От песчаных дюн косы Куриш-Нерунг, у самого Балтийского моря, до правого берега Вислы протянулась сплошная линия укреплений. Триста с лишним километров противотанковых рвов, надолб, танковых ловушек, тысячи километров колючей проволоки, ощетинившиеся стволы орудий и минометов, укрепленные и превращенные в настоящие крепости деревни, хутора и юнкерские имения, с их метровыми стенами, по пятьсот — шестьсот мин на каждом квадратном километре и выстрелы «волков-оборотней» в спину — вот что ожидало русского солдата в Восточной Пруссии.

Остановившись у ее границ, советские войска стали накапливать силы для решительного броска вперед. А Кенигсберг готовился к рождеству...

По приказу гаулейтера партии, обер-президента и имперского комиссара обороны Восточной Пруссии, имперского комиссара Украины и начальника гражданского управления Белостокской области, кавалера золотого знака национал-социалистской партии Эриха Коха, а попросту палача народов, городской магистрат Кенигсберга принял решение о широком праздновании рождества Христова. По мысли восточнопрусских наместников Гитлера, это должно было поднять боевой дух войск и населения, показать всем, что земля Восточной Пруссии — незыблемый бастион и Красной Армии, стоящей у ее границ, никогда не одолеть эту неприступную крепость... Вместе с тем нацистские руководители надеялись не только на бога. По всей Восточной Пруссии шла лихорадочная работа по подготовке новых укреплений и модернизации старых, передислоцировались войсковые подразделения с учетом возможных направлений русского удара, части пополнялись солдатами и офицерами — уроженцами Восточной Пруссии.

● Рождественский бал для офицеров Кенигсбергского гарнизона намечалось провести в ресторане «Блютгерихт» — «Кровавый суд». Всех желающих, а ими были все офицеры гарнизона, ресторан вместить не мог, поэтому билеты распределялись по списку, попасть в который было нелегко.

● Монотонный шум моторов убаюкивал, и кое-кто из пассажиров начал клевать носом. Командир группы разведчиков-десантников, направленных Центром для проведения операции «Лотос», капитан Петражицкий переменил позу. Он вытянул затекшую от неудобного положения правую ногу и стал потирать ее руками. Потом взглянул на часы. По его приблизительным расчетам, самолет миновал Прибалтийские республики и идет сейчас над Балтийским морем, между Ботническим заливом справа и побережьем Восточной Пруссии слева. Петражицкий посмотрел на противоположный борт самолета, за которым находилась Восточная Пруссия, и попытался представить ее аккуратно возделанные поля, с немецкой педантичностью проложенные дороги, остроконечные кирки местечек, желтые дюны и рукастые сосны на берегу. Все это он видел на многочисленных фотографиях, постоянное рассматривание которых входило в круг обязанностей сотрудников отделения, которое возглавлял подполковник Климов. Правда, до войны капитану пришлось проезжать по территории Восточной Пруссии, когда он возвращался из Берлина в Москву. Но из окна вагона многого не увидишь, особенно в том случае, если поезд идет по Пруссии ночью.

●...К столу Генриха фон Шлидена подошел оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст. Он поздоровался, поздравил Вернера с праздником и, подчеркнуто вежливо спросив разрешения, уселся рядом.

В это время на эстраде широкобедрая прима в который раз резко повернулась спиной к зрителям и потрясла обтянутым трико задом. Офицеры довольным ревом снова одобрили ее «искусство».

— Вам не нравится, гауптман? — спросил Вернера Хорст.

Вернер пожал плечами:

— Я не ханжа, оберштурмбанфюрер, но предпочитаю балет.

— Балет? — переспросил Хорст. — Мне казалось, что вам должно нравиться вот это... — И он кивнул головой в сторону эстрады.

— Почему, оберштурмбанфюрер? — спросил гауптман.

— Ведь вы воспитывались в Новом Свете, а, насколько мне известно, старое классическое искусство там не в чести.

— Я вырос в Азии, потом жил в Рио-де-Жанейро и несколько лет учился в Штатах. Но в Бразилии и в Соединенных Штатах достаточно поклонников классического балета. И потом в нашей семье поддерживались старые добрые традиции. Мой покойный отец считал, что немецкий дом должен быть немецким домом, даже если немец живет среди эскимосов.

Оберштурмбанфюрер усмехнулся:

— Скажите, а среди эскимосов вам не приходилось жить? Я понимаю, что германского представительства у них нет, но вы могли проводить свои каникулы, гауптман, на Аляске... В ту пору, когда учились в американском колледже.

«Что ему нужно? — подумал Вернер. — Не нравится мне этот разговор. Ведь это похоже на допрос...»

Вслух он сказал деланно равнодушно, будто пытаясь скрыть обиду, вызванную словами Хорста:

— Многие немцы учились в американских колледжах, оберштурмбанфюрер. Не думаю, чтоб это считалось отрицательным обстоятельством. Перенять техническую мысль потенциального противника, а потом использовать ее в борьбе с ним же!.. Именно

этому учит нас фюрер. А каникулы я проводил на родине, в нашем имении. Фон Шлидены — коренные баварцы, оберштурмбанфюрер.

— Простите, гауптман, я не хотел вас обидеть. В последнее время нервы на пределе, вот и сострил неудачно. А ваш отец был настоящим немцем,— сказал Хорст. — Предлагаю за него тост.

— С большим удовольствием, оберштурмбанфюрер. Благодарю вас, оберштурмбанфюрер,— дрогнувшим голосом сказал растроганный Вернер.

— Вы, верно, очень любили своего отца? — спросил Хорст. И, не дожидаясь ответа: — Кстати, можете не называть меня по званию. Мы с вами не на службе сейчас.

Он долил бокалы и снова поднял свой.

— Называйте меня просто Вилли,— вдруг сказал он по-английски. — Или Билл, если бы мы были с вами в другом месте. — Хорст усмехнулся: — Вы удивлены? А я ведь тоже бывал в Штатах. И вы правы: у янки есть чему поучиться. Итак, давайте выпьем,— продолжал он уже по-немецки. — Только не будем целоваться, мне не нравится этот наш немецкий обычай. Но после этого бокала вы можете говорить мне «ты».

«Что это? — подумал Вернер. — Игра в кошки-мышки? Или случайное совпадение? Вряд ли такой тип, как Хорст, стал бы вести эти разговоры попусту...»

По природе своей вспыльчивый и несколько неуравновешенный в детские и юношеские годы, Янус-Сиражутдин поставил себе целью изменить свой характер, стать сдержанным и невозмутимым при любых жизненных обстоятельствах. Он понимал, что кровь, текущая в его жилах, может подчас заставить забыть про инстинкт самосохранения, когда речь зайдет о необходимости ответить на действие, задевающее честь и достоинство сына Ахмеда. Об этом говорил Сиражутдину и Арвид Вилкс, когда согласился с намерением приемного сына стать разведчиком.

Разработанный им самим и настойчиво проводившийся комплекс мер по воспитанию новых психологических качеств в своем характере, система самовоспитания, от которой ни на йоту не отступал Сиражутдин, привели к тому, что он превратился как бы в другого человека.

Вернер фон Шлиден был спокойным, немногословным немцем, исполнительным и аккуратным. Он никогда не повышал тона при общении с подчиненными, был ровен с друзьями, всегда выступал в роли миротворца, когда обстановка в кругу друзей накалялась, а это происходило в последнее время все чаще: у офицеров германской армии были все основания нервничать и терять самообладание.

Когда они выпили на брудершафт, к столу, пошатываясь, подошел Гельмут. Увидев оберштурмбанфюрера, он вытянулся и попытался сохранить это состояние насколько было возможно.

— А, Гельмут! — сказал Вильгельм Хорст. — Как настроение, мой дорогой?

— Отличное, мой шеф,— несколько развязным тоном ответил Дитрих. — Я пришел сказать Вернеру, что мои друзья ждут его, но я не знал, что здесь и вы тоже.

— Хорошо, Гельмут, вы можете идти, а я пока посижу с гауптманом. Потом он придет к вам.

Штурмфюрер щелкнул каблуками, повернулся, качнувшись в сторону, и направился в другой зал, к своим друзьям.

Снова раздался гогот. Зал приветствовал появление героини сегодняшнего вечера, одетой в весьма вольный, если не сказать больше, костюм.

— Пир во время чумы,— сказал оберштурмбанфюрер.

Вернер фон Шлиден удивленно взглянул на него:

— Не понимаю, оберштурм... простите, Вилли...

— У русских есть национальный поэт — Пушкин. Он не особенно популярен на Западе, но русские его весьма почитают. Я читал его драму «Пир во время чумы». Почему-то она мне вспомнилась именно сейчас. — Вильгельм Хорст испытующе посмотрел на Шлидена. Тот, казалось, не слушал своего нового друга, сидел к нему вполоборота, равнодушно оглядывая зал. «Спокойно, Вернер, спокойно»,— твердил про себя в это время фон Шлиден.

— Ты любишь русскую литературу? — тихо спросил Хорст по-русски.

Вернер фон Шлиден не повернул головы.

— Тебе нравится русская литература? — громко спросил Хорст уже по-немецки.

Вильгельм Хорст безукоризненно говорил по-русски. В слове «литература» он нажал на «а», и это получилось у него как у завзятого москвича. Вернер почувствовал, будто сдавили сердце клещами, тысячи предположений, самых фантастических, пронеслись в голове. Может быть, Хорст наш человек, не знающий пароля для связи? Нет, такого не бывает... И все же... Ловушка?! Ведь Хорст гестаповец... А что он может знать о Шлидене? Провал в другом месте? А оттуда цепочка дотянулась до Вернера? Ну ладно, вопрос на английском — это понятно. Все знают, что Шлиден учился в Америке... А вот русская фраза...

Вильгельм Хорст не заметил замешательства гауптмана. Вернер ничем не выдал своего смятения. Разве что выглядел несколько удивленным, но это было вполне понятным. Обратитесь к любому человеку на незнакомом языке — и увидите тот же результат.

«Что это было? — подумал Янус. — Проверка? Может быть, где-нибудь я оставил след?! Или весь этот разговор в праздничную ночь можно целиком отнести за счет дьявольской интуиции Вильгельма Хорста, матерого волка из службы безопасности?! Мне ничего, увы, неизвестно... Но теперь нужно быть настороже. Что ж, вызов принимается, Вилли. Необходимо в свою очередь прощупать старшего офицера для особых поручений при обергруппенфюрере Бёме, том самом Бёме, который ведает всеми тайными службами Восточной Пруссии. Хорошо, хорошо...

А оберштурмбанфюрер неспроста затеял с гауптманом этот «милый» рождественский разговор. Он давно присматривался к этому человеку, который за короткий срок сумел расположить к себе многих

офицеров гарнизона. Да и его помощник, штурмфюрер Гельмут фон Дитрих, без ума от бывшего крупповского инженера. Разумеется, им стоило заняться. Люди, вызывающие сильную неприязнь или большую симпатию окружающих, всегда интересовали Хорста. Опытный работник секретной службы, он считал, что неяркие люди не проявляют в других людях повышенных эмоций, а Вернер фон Шлиден внешне выглядел заурядным, и тем не менее пользовался репутацией замечательного человека. Нет-нет, право же, стоило присмотреться к нему поближе! Да и прощупать в профилактических целях не грех... Вот он и закинул Вернеру крючок с русской литературой вместо наживки.

Гауптман повернулся к Хорсту, пожал плечами:

— Я с нею мало знаком. Читал кое-что Достоевского. «Преступление и наказание», например. Когда меня призвали в армию, я пытался понять, чего стоят все эти разговоры о загадочной русской душе. Чтобы успешно воевать, надо знать противника! Не правда ли, Вилли?

— Ты совершенно прав, Вернер. К сожалению, этот факт мы почти не учитывали, а теперь... — Он махнул рукой. — Выпьем еще, Вернер! — Он наполнил бокал. — Хорошо вам, обычным офицерам,— сказал Хорст. — Делаете свою работу, и все у вас ясно и понятно. А у нас очень трудная служба, Вернер. Мы живем двойной жизнью.

Вильгельм Хорст помолчал.

— Ты слышал легенду о Янусе? — вдруг спросил он.

Вернер внутренне вздрогнул:

— Это из древнеримской мифологии, кажется?

— Да, это бог времени у древних римлян. У него два лица. Одно обращено в прошлое — старое, другое смотрит в будущее — оно молодое. У разведчика тоже два лица, но, к сожалению, и ему не дано видеть свое будущее.

— Выше голову, Вилли! Я верю в гений фюрера и то сверхоружие, которое он обещает. Не надо так мрачно думать.

— Об этом оружии я знаю побольше, чем ты, Вернер. Весь вопрос в количестве времени, отпущенного нам судьбой...

— Будем надеяться. А что касается Януса, то, по-моему, его двуликости мало для разведчика. Разведчик должен иметь и третье лицо.

— Какое же, Вернер? — с улыбкой спросил Хорст.

— Настоящее,— сказал Вернер фон Шлиден.

«Третье лицо Януса,— подумал он. — Это неплохая идея... Посмотрим, как будут развиваться мои отношения с Хорстом дальше. Пока я для него Вернер фон Шлиден, баварский немец. Пока ли? Этот его рассказ о Янусе весьма подозрителен. А если... Да, тут есть нечто. Версия третьего лица нуждается в проработке, но именно здесь я вижу зацепку, на которой надо строить игру с Вильгельмом Хорстом».

Хорст тем временем внимательно смотрел на гауптмана.

— Неплохо сказано,— произнес он, помедлив. — Расскажите мне что-нибудь, Вернер. Вы человек, много повидавший на свете... Поживший в самых разных странах.

— Не больше, чем вы, Вилли, даже гораздо меньше,— ответил Шлиден. — Кстати, к разговору о вашей работе,— продолжал Вернер. — Ваша профессия, насколько я понимаю, вырабатывает способность подмечать вещи, которые для непосвященного не представляют никакого интереса...

— Разумеется,— перебил его Хорст.

— Так вот, мне рассказывали в Берлине историю провала одного русского разведчика. Он сидел в ресторане в форме немецкого офицера, его окружали друзья, считавшие его стопроцентным немцем. Они пили шнапс. За этим же столом сидел ваш коллега, контрразведчик, хорошо знавший Россию и русские привычки. Ну совсем как у нас сейчас, только русского шпиона не хватает за нашим столом, Вилли... И вот после очередной рюмки русский разведчик в немецком мундире поднес к носу и понюхал хлебную корочку. Привычка, присущая только русским. И разведчик сделал это инстинктивно. Но сотрудник службы безопасности подметил жест... Вот вам и мелочь, Вилли. Забавная история, не правда ли? Между прочим, вы все время держите корочку хлеба в руке...

Вильгельм Хорст глянул на свои пальцы, действительно катавшие кусочек хлеба, криво усмехнулся и отбросил хлеб в сторону.

— А ты шутник, Вернер,— сказал он. — Я рад, что познакомился с тобой поближе... Не хочешь ли выпить?

— С тобой всегда с удовольствием.

«Заурядный офицер технических войск германской армии — таким я должен быть для всех окружающих,— думал Вернер, поднимая рюмку. — Видимо, от особо проницательных людей, обладающих профессиональной интуицией, а у Хорста хорошо развито чувство разведчика, мне куда труднее скрывать свое настоящее лицо...»

Тем временем Хорст выпил свою рюмку и, будто прочитав мысли гауптмана, задумчиво произнес:

— Значит, по-твоему, Вернер, у Януса три лица... Забавно. Если у разведчика три лица, то как узнать, какое из них настоящее. Первое, второе или третье?

Фон Шлиден усмехнулся. Он понимал, как не просто играть с Вильгельмом Хорстом, только не удержался от того, чтоб оставить последнее слово за собой:

— Ищите и обрящете,— сказал он.

● Штурман знаком дал десантникам понять, что пора прыгать. Ребята разом встали, хотя все они твердо знали, кто за кем прыгает из самолета. Капитан Петражицкий поднял вверх правую руку, призывая их к вниманию, и показал пальцем на широкоплечего лейтенанта Сорокина, своего помощника, который должен был прыгать первым.

Ребята один за другим покинули самолет. Капитан Петражицкий завершил выброску десантно-разведывательной группы. Когда истекли строго отмеренные секунды, над его головой хлопнул серый, под

цвет ночи, купол парашюта. Капитан поправил автомат на груди и увидел далеко внизу неведомую затаившуюся землю.

● — Вам известно, Хорст, безопасность какого груза вы должны обеспечить?

— Нет, экселенс, ведь сопровождающий его человек оттуда! — Вильгельм Хорст показал пальцем в потолок кабинета своего шефа обергруппенфюрера СС Ганса-Иоганна Бёме. — У него особые полномочия рейхсфюрера, а такие посланцы не любят делиться секретами с провинциалами! — Хорст попробовал улыбнуться.

— По-моему, вы сожалеете о своей неосведомленности, Хорст,— сухо сказал обергруппенфюрер. — Хотя следовало бы радоваться этому. — Оберштурмбанфюрер согнал с лица последние следы улыбки и застыл в ожидании. — Все готово к отправке транспорта?

— Так точно, экселенс. Время отправки и маршрут до Данцига знаю лишь я и этот... как его... Краузе. Согласно инструкции наши охранные функции заканчиваются в Данциге. Там транспорт получит новый маршрут и конвой наших коллег из службы безопасности генерал-губернаторства.

— Хорошо,— сказал Бёме. — Надеюсь, вы, как всегда, добросовестно выполнили это особое поручение? Идите, Хорст, и помолитесь господу богу или дьяволу, для вас это, по-моему, все равно, чтобы эти грузовики благополучно добрались до места. По крайней мере, до Данцига...

● «Что он знает, этот эсэсовец? — думал Вернер фон Шлиден, возвращаясь со службы домой. — Он вел со мной явно провокационные разговоры... Но этот дружелюбный тон! Не понимаю. Кто он такой на самом деле? Необходимо немедленно запросить Центр. Пусть тщательно проверят досье на Вильгельма Хорста».

— Вернер! — окликнули его.

Гауптман обернулся и увидел Ирму. После той ночи у Герлаха они встречались еще не раз. Теперь Ирма прочно значилась в подружках гауптмана. Это останавливало ретивых поклонников Ирмы — Вернера знали и уважали офицеры гарнизона. Впрочем, Ирма и Вернер действительно подружились и часто бывали вместе.

— Не хочешь ли заглянуть ко мне? — спросила Ирма.

— Если ненадолго — с удовольствием,— сказал Вернер. — Завтра рано утром выезжаю в Пиллау.

— Пойдем. Я приготовила тебе сюрприз.

Им оказался настоящий кофе.

— Где ты достала его, моя маленькая? — спросил гауптман.

— Это уже секрет. Сейчас сварю тебе кофе, дорогой.

Вскоре на столе дымились чашечки с кофе. Ирма достала из шкафа бутылку коньяку.

— Выпьем немного, Вернер,— сказала она. — Ты знаешь, мне так тошно в последнее время. Опротивело все, надоело. И страшно, Вернер. Страшно... Эти бомбежки... И русские. Я боюсь их, Вернер!

— Не надо, Ирма. Это у тебя расшатались нервы. Русские не придут сюда, в Восточную Пруссию. Ведь это оплот Германии!

— С тобой так спокойно всегда. Ты уверенный, сильный...

— Успокойся. Ну чего тебе бояться русских, глупенькая?

— Ты прав, я ничего не сделала им плохого. Но все остальные! Думаешь, я не знаю? Мне рассказывали те, кто прибыл с Восточного фронта... А ты сам, Вернер? Ты не боишься?

— Я никогда не был на Восточном фронте,— сказал фон Шлиден. — И вообще я липовый, не настоящий офицер. Я инженер, на которого надели военный мундир.

— Зачем ты дружишь с Дитрихом, этим эсэсовским щенком? Он ублюдок, Вернер. Ах, как я их всех ненавижу!

— Перестань, Ирма! Выпей глоток.

— Ненавижу! Они принесли на нашу землю несчастье. Они! И землю эту ненавижу!

Вернер обнял Ирму за плечи и притянул к себе. Она спрятала голову на груди гауптмана.

— Не надо так говорить, Ирма,— сказал он. — Не имеешь права так говорить. Нельзя ненавидеть родину. Она не виновата. Родина и люди, которые принесли ей зло, далеко не одно и то же. Успокойся, глупышка.

«Что ему надо? — подумал Вернер фон Шлиден. — Что ему надо, проклятому Хорсту?»

БОЙ В ГЕМБИЦКОМ ЛЕСУ

● Начиная наступление на Западном фронте в районе Арденн, Адольф Гитлер вовсе не стремился к проведению стратегического маневра, имевшего целью отбросить англо-американские войска к побережью Атлантического океана.

Наступление под Арденнами должно было показать правительствам США и Великобритании, а также стоящим за ними кругам, что германская армия достаточно еще сильна, чтобы противостоять ударам союзников. Это был ход, который по замыслу Гитлера заставил бы англичан и американцев форсировать переговоры о сепаратном мире, переговоры, которые давно были завязаны через сверхсекретные каналы разведок трех государств.

В создавшейся ситуации германское руководство особое значение придавало обороне Восточной Пруссии, где по планам гитлеровских военных теоретиков должны были увязнуть советские армии. Задержав наступление советских войск на этой территории, организовав одновременно массовые террористические выступления оставленных в тылу советских частей отрядов «вервольф», Гитлер надеялся выиграть время с двоякой целью. Во-первых, для того, чтобы расколоть коалицию воюющих против Германии государств

и натравить их друг на друга. Во-вторых, чтобы завершить работы над новым оружием и, применив его, ошеломить и разгромить противника... Главный гитлеровский агитатор, гаулейтер Берлина и министр информации, доктор Геббельс в выступлениях по радио и в печати призывал немецкие войска сохранять стойкость, обещая им, что в самое ближайшее время будет применено сверхмощное секретное оружие и «доблестные войска» начнут генеральное наступление на Восточном фронте.

Итак, два последних козыря оставались на руках у незадачливого ефрейтора. Сепаратные переговоры и сверхоружие. Но в условиях беспредельной ненависти человечества к фашизму тем, кто мечтал повернуть оружие гитлеризма только против Советского Союза, приходилось считаться с настроением и своих собственных народов. А до создания атомной бомбы немецким физикам было еще далеко.

● Вторая мировая война началась нападением Германии на буржуазную Польшу. Несмотря на невиданную самоотверженность населения, героизм солдат и офицеров, первое столкновение с агрессором окончилось для польского народа трагически. Его буржуазные правители удрали за границу, страна была оккупирована гитлеровскими войсками.

Но поляки не покорились. Народ поднялся на борьбу с захватчиками. Созданная в условиях глубокого подполья Польская рабочая партия организует отряды Гвардии Людовой, призванной вести вооруженную борьбу с оккупантами. Впоследствии она переименовывается в Армию Людову.

Правые организации также создают свои военно-политические соединения. Одним из крупнейших являлась Армия Крайова, созданная на базе «Союза вооруженной борьбы». Деятели АК исповедовали теорию «двух врагов», согласно которой врагами Польши являются и гитлеровская Германия, и Советский Союз. Эта организация полностью поддерживалась лондонским эмигрантским правительством, за которым стояли англичане.

Армия Крайова и ее вожди руководствовались лозунгом: «Ждать, взяв винтовку к ноге». Это означало: не выступать с оружием в руках против Германии, а выжидать подходящего момента.

Интеллидженс сервис не удавалось, несмотря на огромные усилия, внедрить свою агентуру в Гвардию Людову, в ее отлично организованные ряды. Но в Армии Крайовой, которой руководили те, кто мечтал вернуть страну к временам Пилсудского, хотя в ней и воевало много честных поляков, тайных агентов англичан было достаточно. Поэтому английская разведка, которая имела в Польше широко разветвленную агентурную сеть и снабжала отряды Армии Крайовой боеприпасами, могла рассчитывать на поддержку любых задуманных ею операций.

● Зимний тяжелый туман заполнил и без того темные в декабрьских сумерках улицы Лондона.

На улицах было холодно и сыро, но это совсем не чувствовалось в просторной комнате ничем не примечательного на вид здания в одном из кварталов лондонского Сити. Дом был удивительно похож на таких же своих близнецов-соседей, во множестве разбросанных в этом районе города. В них помещались страховые общества, конторы маклеров, адвокатов, респектабельные «Икс, игрек, сыновья и компания», основанные еще в эпоху первоначального накопления британского капитала.

Но дом, о котором идет речь, населен был совсем другими специалистами, хотя, в общем-то, связь их с теми, о которых шла речь выше, не была такой уж отдаленной.

Здесь располагался один из филиалов Интеллидженс сервис, и в просторной, жарко натопленной комнате начальник отдела Джордж Маккинли принимал своего заокеанского коллегу.

Они сидели у погасающего камина, положив ноги на решетку, и, глубоко утонув в креслах, непринужденно беседовали. Не нужно было особенно присматриваться к гостю английского разведчика, чтобы узнать в нем вездесущего Элвиса Холидея.

— Вам известно, что оба наших правительства условились объединить все усилия по сбору материалов, касающихся создания сверхоружия в Германии? — спросил Холидей.

— Я уже проинформирован об этом, равно как и о том, что мне поручено оказывать вам посильную помощь. Боюсь только, что вряд ли эта помощь будет достаточно эффективна: нам мало что известно о работах немцев в этой области.

— Скромность всегда украшала настоящих джентльменов,— усмехнулся гость. — Но я должен заметить, что в данном случае она чрезмерна. Впрочем, сейчас меня интересуют ваши польские связи, в частности с отрядами Армии Крайовой. Ведь они непосредственно в вашем ведении, не так ли?

— Вы неплохо осведомлены, мистер Холидей,— холодно произнес Джордж Маккинли. — Мне хотелось, чтобы вы конкретизировали то, что вам требуется.

— Извольте.

Эл Холидей приподнялся в кресле и ловко швырнул в тлеющие угли камина окурок сигареты.

— Вы передайте нам — например, мне лично — одного или двух ваших резидентов в Польше, которые связаны с отрядами Армии Крайовой. Они будут выполнять некоторые акции по плану, который я сообщу вам сейчас.

«У меня там есть свои люди,— подумал Холидей,— но вам об этом знать не стоит».

● Уже совсем стемнело, когда на шоссе, соединяющем Данциг с Варшавой, показалась колонна из полутора десятков тяжелых армейских грузовиков. Колонну возглавляли два бронетранспортера с эсэсовцами, замыкал ее такой же бронетранспортер и легковая машина, в которой ехал штурмбанфюрер Краузе.

Ровно через час после выхода колонны из Данцига головной бронетранспортер прижался к обочи-

не и сбавил ход. Потом затормозил и остановился. Машины встали одна за другой. Освещая грузовики скупым лучиком замаскированных фар, камуфлированный «опель-адмирал» Германа Краузе вырвался вперед и вскоре подвернул к переднему бронетранспортеру. Из кабины бронемашины выпрыгнул эсэсовский офицер — начальник охраны — и перешел в машину Краузе, продолжавшую стоять у бронетранспортера. Минут через пятнадцать начальник охраны вернулся к себе, и колонна двинулась по шоссе.

Ровно через полтора часа колонна вновь замедлила ход и остановилась. Где-то в середине ее один из грузовиков вывернул из строя и повел за собой остальные машины. Колонна разделилась поровну. Одна ее часть свернула налево, по дороге на Краков, вторая продолжала идти прежним маршрутом. Ее по-прежнему сопровождали два бронетранспортера с эсэсовцами и начальником охраны во главе. Замыкавший прежнюю колонну бронетранспортер и «опель-адмирал» штурмбанфюрера Краузе свернули по дороге налево.

● Сильный ветер, с утра раскачивавший высокие верхушки деревьев Гембицкого леса, со второй половины дня стал стихать, а к вечеру совсем потерял силу. Лес успокоился, с неба медленно сыпал редкий снежок, застревая на лапах темно-зеленых елей.

С сумерками подморозило. Когда в наступившей темноте отряд Армии Людовой снялся с последней стоянки и двинулся к месту засады, под сапогами бойцов мягко поскрипывал снег. Командир советской десантной группы капитан Петражицкий потер рукой ухо и шепотом сказал ребятам, чтоб развязали и опустили ушанки, форсить, мол, ни к чему.

Приземлились они удачно, если не считать вывихнутого большого пальца руки у радиста. К счастью, рука оказалась левой, и срывом связи это не грозило. Правда, ребятам уже порядком надоела виртуозная ругань радиста, награждавшего несчастный палец изысканными эпитетами, но с этим можно было уже примириться.

На земле их ждали связные одного из партизанских отрядов Армии Людовой. Его командир был оповещен о визите группы заранее. Через два часа после приземления капитан Петражицкий объяснил суть предстоящей операции поручику Мазовецкому, известному больше по кличке Безрукий и стоившему, по оценке гитлеровской администрации в Польше, десять тысяч рейхсмарок.

Беседа проходила на польском языке, который капитан Петражицкий знал в совершенстве, и продолжалась почти до утра. Рано утром из места расположения отряда вышли двое: варшавский студент, участник нескольких диверсионных актов, Адам Мшивек, и один из тех парней, которые еще вчера садились в самолет на подмосковном аэродроме. Ребята миновали посты сторожевого охранения, не останавливаясь прошли партизанскую деревню, служившую перевалочной базой отряда, и, стараясь не привлекать внимания посторонних, с черного хода вошли в просторный особняк местного ксендза, отца Алоиза, в соседнем селе, расположенном в двух километрах от железнодорожной станции. Через час на парадном крыльце показался ксендз, почтительно провожавший двух эсэсовских офицеров.

Гитлеровцы часто навещали гостеприимный дом ксендза, и на этих гостей никто не обратил внимания.

Вечером того же дня гостей святого отца можно было встретить на улицах Данцига.

● «Молодец, Ирокез! — подумал Элвис Холидей. — Так тщательно сумел подготовить операцию!.. Ведь он распространил свое влияние до Польши, а может быть, и дальше... Люди Ирокеза связались с Армией Крайовой, и теперь исход операции предрешен. Не зря, совсем не зря убрал я в Швейцарии Штакельберга — Зероу, единственного, кто мог провалить Ирокеза в Кенигсберге. Кончится война, я потребую с него ящик виски за эту услугу...»

Он поднялся с кресла, подошел к окну и отдернул штору. Лондонская ночь безлико смотрела ему в глаза. Холидей передернул плечами, отошел от окна, остановился посередине комнаты и потянулся.

«Теперь все дело в руках этих парней из АК. Черт побери, как бы не завалили операцию! Не нравится мне этот Маккинли. Напыщенный сноб, а не разведчик. Но ничего не поделаешь. Без помощи англичан сейчас в Польше нечего делать... Пора нам и в тех местах готовить своих людей».

Элвис Холидей пристально посмотрел на огонь в камине, сощурился, протянул руку к бутылке с виски, стоящей на низком трапециевидном столике, и плеснул немного в стакан.

● Когда колонна грузовиков, вышедших из Данцига вечером, разделилась, штурмбанфюрер Краузе разрешил себе немного вздремнуть. «Опель-адмирал» уютно покачивало, просторное заднее отделение машины позволило как следует вытянуть ноги. Сон долго не приходил, но затем Краузе как-то вдруг сразу провалился в другой мир: он заснул.

Ему снился бессвязный, весь в непоследовательных и нелогичных обрывках, сон. Явь и странные фантасмагории, перемешиваясь, заполнили подсознание штурмбанфюрера. Вначале снился ему солнечный пляж Копакабана и Рио-де-Жанейро. Потом он увидел себя в строю штурмовиков на улице Нюрнберга, асфальт которой вдруг уплыл из-под ног и оказался палубой военного корабля, проваливающегося в морскую бездну. Потом Герман поднимался в воздух в гондоле гигантского дирижабля, а вокруг спускались на парашютах ухмыляющиеся типы, в каждом из которых штурмбанфюрер с содроганием узнавал рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Он застонал во сне...

Все три заряда, заложенные искусными руками парней капитана Петражицкого, сработали одновременно. Передний грузовик подпрыгнул над шоссе, в воздухе развернулся почти на сто восемьдесят градусов и рухнул, накренившись набок. Все это произошло так мгновенно, что водитель бронетранспортера, идущего позади, не сумел отвернуть и врезал-

ся в грузовик, в кузове которого раздались крики солдат, беспорядочные выстрелы, а из-под капота вырвалось оранжевое пламя.

Другим взрывом разнесло вдребезги грузовик, замыкавший колонну, и вспыхнувшие его обломки закрыли ей путь для отступления.

Минируя шоссе, десантники уже знали план построения колонны, и на машину штурмбанфюрера достался заряд меньшей силы. Но подрывники не знали, что между сиденьем шофера и задним отделением машины находится добрый заряд сильного взрывчатого вещества, заложенного неизвестными им людьми.

Два взрыва последовали почти одновременно. Бежавший к колонне Петражицкий посмотрел на лейтенанта Сорокина, руководившего минированием.

— Не понимаю! — крикнул тот, на ходу вскидывая автомат и скупыми очередями открывая огонь по остановившимся грузовикам. — Все было по инструкции! Может быть, он возит тол в чемодане...

— Ладно, разберемся,— махнул рукой Петражицкий. — Потом...

Командир отряда Армии Людовой выбрал для нападения на колонну крутую котловину в южной части Гембицкого леса. Взрывы раздались, когда первый грузовик выбрался на один из склонов, а последний начал спускаться в котловину. Все машины оказались внизу и представляли собой отличные мишени.

Солдат охраны оказалось около полусотни, но неожиданность нападения решила успех боя. Большие неприятности мог причинить пулемет бронетранспортера, но в первые же минуты схватки Адам Мшивек, подобравшись поближе, удачно забросил в железное чрево машины немецкую гранату на длинной ручке.

Пленных не было. Отряд мстителей, загнанных эсэсовскими карателями в лесные бункеры непроходимых лесов, не мог позволить себе такой роскоши, а группе Петражицкого было известно, что «языков», заслуживающих транспортировки в Москву вместе с грузом, ради которого они устроили весь этот фейерверк, среди пассажиров колонны не было.

— Быстрее ищите контейнеры с грузом! — приказал капитан Петражицкий. — Они должны быть в четвертом грузовике!

— Скоро, скоро! — покрикивал на своих людей Безрукий.

Бойцы собирали оружие, обыскивали трупы эсэсовцев, откладывая в сторону документы.

Лейтенант Василий Сорокин и тот самый десантник, который ходил в Данциг, первыми подбежали к четвертому грузовику и, с маху откинув брезент, прыгнули в кузов. Одинокий выстрел среди наступившей уже лесной тишины прозвучал неожиданно громко. Потом под брезентом четвертого грузовика загрохотала вдруг автоматная очередь. Все бросились к машине. Из-под края брезента показался ствол автомата. Бойцы схватились за оружие, но увидели, как, отвернув свисавший полог, десантник сбросил автомат на мерзлую землю и освободившейся рукой подтащил к краю кузова тяжелое тело лейтенанта Сорокина.

Люди подхватили его внизу и бережно опустили на шоссе, залитое бензином и кровью.

— Гад, гад там прятался! — сказал десантник. — Недобитый гад....

— Что же ты, Вася, как же так, а? — спросил Петражицкий мертвого Сорокина и медленно стащил с головы ушанку.

● — Самолеты королевской авиации дважды летали к нашим людям в Польшу, но оба раза безрезультатно. Если вы настаиваете, то они полетят в третий, хотя риск вряд ли оправдан...

Начальник отдела Джордж Маккинли развел руки в стороны, всем своим видом показывая, что если бы не строгая инструкция шефа Интеллидженс сервис оказывать максимальную помощь этому заносчивому янки, то он, Джордж Маккинли, вряд ли удостоил бы его своим вниманием.

«Паршивый сноб! — подумал Элвис Холидей. — Левый крюк в корпус и апперкот правой по челюсти — вот как надо с тобой разговаривать, напыщенная обезьяна!» Вслух он сказал:

— Вы ведь знаете, мистер Маккинли, как важна для наших стран та операция, которую мы с вами вместе проводим. Если самолеты летали зря, то это значит, что наши агенты не успели провести операцию по не зависящим от них обстоятельствам, и сегодняшней ночью...

— Вчерашней, мистер Холидей, вчерашней...

Элвис остолбенело посмотрел на Маккинли, позволившего себе весьма тонко улыбнуться, когда он подавал американскому разведчику листок с расшифрованной радиограммой.

— Вы так торопились обвинить меня в бездействии, что не дали мне даже сообщить вам эту новость. Планируемая акция проведена одним из отрядов Армии Крайовой вчерашней ночью. В руках у вас донесение нашего резидента. Читайте, мистер Холидей, читайте.

И Элвис Холидей прочитал:

«Отрядом АК, командир Януш Урода, уничтожена колонна грузовиков на шоссе из Данцига в Познань. Ничего похожего на груз согласно письму, привезенному агентом Красулей, не оказалось. В грузовиках находились металлические бочки с неизвестной рудой. Прошу разъяснений. Лесник».

● — Но, рейхсфюрер, послушайте, ведь даже он сам не особенно верил эффективности именно э т о г о оружия...

Это была первая фраза, которую группенфюрер СС Мюллер, шеф IV отдела Имперского управления безопасности, сумел вставить в поток угроз и проклятий Генриха Гиммлера, произносимых рейхсфюрером тихим зловещим голосом.

Могущественный и невозмутимый шеф тайной государственной полиции, заметно укрепивший свое влияние в рейхе после бесславного конца начальника военной разведки — абвера — адмирала

Вильгельма Канариса, стоял посреди просторной комнаты, скорее холла, служившего Гиммлеру кабинетом, вытянув руки по швам, слегка выпятив грудь.

— Вы не сумели обеспечить безопасность транспортов с никелем, идущих из Турку в Кенигсберг, вы проворонили события в Иране, вы, возглавляющий сборище подонков и отъявленного жулья, умеющего делать только грубую, «мясную», работу, позволили, наконец, из-под самого носа увести последнюю возможность создать сверхоружие, вы...

Мюллер мог, конечно, возразить Гиммлеру, что все перечисленные упреки следует отнести ко всей службе безопасности в целом и что управление, возглавляемое им, не может нести ответственность за... Но Мюллера недаром боялись даже и те, кто не был подведомствен ему, стоял рангом выше,— Мюллер, прошедший суровую полицейскую школу, был хитер. Хитер и мудр. Он отлично знал суть гестаповского варианта поговорки: «Слово — серебро, а молчание — золото».

Гиммлер выдохся, замолчал. Потом, набрав в легкие воздуха, хотел еще что-то сказать, вернее, выкрикнуть в лицо Мюллеру, подобострастно глядевшему шефу в глаза, но махнул рукой.

— Да, вы правы, Мюллер,— заговорил он через минуту,— фюрер не придавал значения именно этому оружию. Но только потому, что физики не гарантировали близких сроков ввода его в действие.

Мюллер вздохнул и развел руками.

— Вы знаете, конечно,— продолжал Гиммлер нормальным голосом,— директиву фюрера, которой устанавливался максимальный срок для любой работы над любым оружием... Все остальное, что не сулило возможность уложиться в полгода, исключалось из планов научно-исследовательской работы. Это была ошибка, дорогой Мюллер, и теперь уже слишком поздно ее исправлять. Но вы ведь знаете нашего фюрера, и мне не хотелось бы обременять его гений последним неприятным событием. Видите ли, это может стоить кое-кому головы... Вы поняли меня, Мюллер?

— Так точно, понял, рейхсфюрер, и совершенно с вами согласен: гений нашего дорогого фюрера должен быть направлен только на победу германского оружия, а неприятные события — наш с вами удел.

— Вы далеко пойдете, Мюллер. Будь вы помоложе, я бы постарался, чтобы путь ваш был не длиннее моего. Да, не длиннее моего.

Откинувшись на спинку кресла, рейхсфюрер довольно хихикнул.

ЯДОВИТЫЕ СЕМЕНА «КАКТУСА»

● Январские штормы обрушились на Южную Балтику. Холодный норд-вест, идущий от берегов Норвегии, развел крутую волну. Она остервенело бросалась на желтые пляжи Земландского полуострова, бросалась и отступала, свирепо рычала в бессильной ярости, теряя могучую силу в зыбучих дюнах Фриш и Куриш-Нерунг.

Иногда ветер стихал, и море медленно убирало свои зеленые щупальца, оставляя на песчаном берегу обломки спасательных плотов и шлюпок, трупы людей с торпедированных судов.

Но кончалось недолгое затишье, снова усиливался норд-вест, и рассерженная Балтика уносила с берега свои страшные подарки.

А облака продолжали без устали путь на юг, чтобы где-нибудь, уже за Кенигсбергом, превратиться в пронзительную метель, выжимающую слезы из глаз.

...Старый Кранц сидел у окна на кухне, посасывал трубочку, поглядывая на суетящихся у плиты невесток, и ждал, когда стемнеет, чтобы отправиться в лес к тайнику и поймать наконец того, кто вот уже третью неделю берет оттуда продукты.

Мысль о создании такого тайника пришла Кранцу еще летом, когда старый егерь окончательно убедился в том, что война проиграна. Теперь он уже не верил этому крикуну ефрейтору, обещавшему когда-то каждому немцу добрый кусок хлеба с маслом. Не то чтобы старик был антифашистом — политики он всегда сторонился,— но Кранц считал надежным лишь тот кусок хлеба, который сотворен своими руками. А если б его сыновья остались с ним вместе и работали бок о бок, то кусок Кранцева хлеба увенчивал бы приличный слой масла. Такая была у Кранца философия, и ничего ему не надо чужого, лишь бы не отобрали свое. А у него отняли сына, который никогда не вернется, второй сидит в Кенигсберге или в Пиллау — Кранц точно не знает.

Тайник Кранц устроил надежный, запас продуктов не помешает, семья у него большая, а реквизиции уже начались... Попробуй откажи тому же Хютте, ведь он заявит, что для доблестной армии фюрера старается... Но скоро придут русские, а в том, что они придут, Кранц давно уже не сомневается. Русским солдатам тоже надо кушать.

Кранц раздраженно засопел: «Кто бы мог это быть? На зверя не похоже, берет аккуратно. Человек?» Но Кранц знает людей. Человек забрал бы все, по крайней мере столько, сколько можно унести на себе. А здесь трижды замечал Кранц недостачу, но взято было всего понемногу. Сегодня, когда стемнеет, он попробует раскрыть эту тайну.

У плиты вполголоса переругивались женщины. Старик поднялся, глухо буркнул, чтоб перестали ссориться, снял со стены ружье и направился к выходу. Отворив дверь, он вышел на крыльцо и зажмурился. Метель швырнула в лицо старику добрую пригоршню снега и торжествующе завыла за углом дома.

Снег был глубоким, и Кранц с запоздалым сожалением подумал, что зря не взял лыжи. Держа ружье под мышкой, тяжело ступал он по глубокому снегу. Вскоре, облепленный им с ног до головы, старик стал похож на Деда Мороза.

В лесу идти было легче, и Кранц зашагал быстрее.

Километра через полтора он свернул направо и стал спускаться в глубокий, заросший кустарником

овраг. На самом дне его, под корнями двухсотлетней липы, окруженной густым молодняком, находился тайник с продуктами. Осторожно раздвигая ветки, Кранц почти ползком добрался до тайника и сразу увидел, что опоздал. Неизвестный уже побывал здесь.

Старик крепко выругался и вдруг заметил след, уже наполовину заметенный снегом.

— Теперь ты не уйдешь, молодчик! — вслух сказал Кранц.

Он вновь замаскировал вход в тайник, потрогал курки своего старенького ружья, выпрямившись, посмотрел кругом, потом склонился, внимательно приглядываясь. Но разобрать нечто определенное было трудно, след значительно деформировался и был почти занесен снегом.

В глубине ельника находилась большая поляна, на краю ее стоял полусарай-полусторожка, сейчас используемая под хранилище старого сена.

Старик увидел цепочку полузанесенных ямок в снегу. Она тянулась вдоль кромки леса, а потом резко сворачивала к потемневшему от времени деревянному строению. Он осторожно подобрался к сараю, лучом электрического фонаря нашарил щеколду, взвел курки и потянул на себя дверь. Скрипнув, она отворилась. В свете фонаря Кранц увидел сено, и только сено. Он постоял в нерешительности, водя фонарем по сторонам. Кранц перехватил ружье, крепко сжал его одной рукой за цевье, протянул вперед, стволом раздвинул сено перед собой и отступил назад.

Защищая правой рукой глаза от электрического света, перед ним лежал человек без шапки, в рваной шинели и огромных башмаках на деревянной подошве...

Они молча смотрели друг на друга. Старик отвел фонарь немного в сторону. Человек не шелохнулся и не отводил взгляда от светлевшего в темноте лица старика.

Пауза явно затягивалась, и Кранц наконец сказал:

— Кушай, кушай, пожалуйста.

Потом прислонил ружье к косяку двери и присел на корточки рядом с человеком.

— Не бойся, я не наци,— сказал Кранц, и ему вдруг показалось, что перед ним лежит его старший сын, пропавший под Сталинградом.

Кранц встряхнул головой.

— Русский? — спросил он. — Давно здесь лежать?

Кранц говорил на ломаном русском языке.

— Три недели,— сказал человек по-немецки.

— Рука? — Кранц осторожно дотронулся до левой руки человека.

— Уже лучше. Донесешь на меня?

Старик отрицательно качнул головой.

Кранцу трудно было объяснить, почему он так поступил. Все-таки лежащий перед ним человек считался его врагом. Может быть, именно он убил его сына на далекой Волге! А может быть, сын Кранца находится в плену и жует сейчас кусок хлеба, поданный ему русским крестьянином?! И все-таки очень опасно скрывать русского военнопленного. Но его ведь, этого парня, обязательно расстреляют, если Кранц сообщит о нем наглецу целенлейтеру. Старик до сих пор помнит выстрелы в баронском лесу. А что, если он из тех!.. А сейчас русские у ворот Пруссии. Наверно, правильно сделает Кранц, выручив их соотечественника и передав его им целым и невредимым... А если его самого выдадут гестапо...

Конечно, это весьма произвольный анализ размышлений старого Кранца — трудно развернуть весь клубок мыслей, мелькнувших у него в голове. Но старик уже утвердился в своем решении выручить этого русского и, пододвинув сухарь с ветчиной к его руке, спросил:

— Как твое имя?

— Август,— ответил русский. — Август...

● Когда раздались первые выстрелы, Август Гайлитис, стоявший во втором ряду военнопленных, почувствовал тупой удар в голову. Он покачнулся и рухнул в яму, вырытую только что собственными руками.

В этот момент вторая пуля эсэсовского автомата пронизала мякоть руки, но оглушенный капитан Гайлитис боли уже не чувствовал.

Еще после первых бункеров, устроенных в самых укромных уголках Восточной Пруссии командой из русских военнопленных, Гайлитис предвидел подобный исход операций: гитлеровцы не оставляют свидетелей.

Двойственность положения мучила Августа Гайлитиса. В команду, отобранную в концлагерях Кенигсберга, он попал совершенно случайно: налетел на прибывшего за людьми штурмфюрера и чем-то привлек его внимание. Начальник не хотел расставаться с искусным мастером, прекрасным механиком. Но спорить с помощником самого оберштурмбанфюрера Хорста, требовавшим именно этого русского, начальник не решился.

Август Гайлитис находился в лагере со специальным заданием — организовать подполье, направлять соответственно его работу, обеспечивать связь с советскими разведчиками, действующими на территории Восточной Пруссии и прилегающих районов Латвии, Белоруссии и Польши. Основная его деятельность должна была развернуться в тот период, когда войска Красной Армии перейдут границу и начнут операции по ликвидации восточнопрусской группировки вермахта.

И вот чудовищная случайность... Первой была мысль о побеге. Но ее быстро пришлось оставить: охрана не спускала глаз с военнопленных. Впрочем, очень скоро Гайлитис отказался от первоначального плана и по другой причине. Стало ясно, для какой цели готовят гитлеровцы лесные бункеры. И Гайлитис решил выждать, чтобы иметь возможность получить, как говорится, из первых рук важнейшую информацию о расположении тайников. А уж потом бежать.

Капитан Гайлитис просчитался во времени. Его группу решили ликвидировать раньше, чем он предполагал. А к побегу все было готово.

...Ватное одеяло укрывало с головой. Растаявший снег насквозь пропитал его, и одеяло тяжело придавило все тело. Он подумал, что надо вставать на службу, совсем не удивляясь тому, что спит на снегу, хотел отбросить промокшее одеяло рукой, и боль заставила его очнуться.

Пролежи Гайлитис в братской могиле еще полчаса, и тогда уже ничто не спасло бы Августа. Целенлейтер Ганс Хютте по приказанию фон Дитриха прислал в лес фольксштурмовцев — они должны были заровнять могилу и укрыть всяческие следы.

Первые сутки Август Гайлитис пробыл в этом лесу. Ночью сделал вылазку в близлежащее баронское имение, но съестного добыть не смог и только разжился чистой простыней, которая пошла на перевязку. Не ел капитан Гайлитис двое суток, а потом случайно наткнулся на тайник старого Кранца.

...Старик навещал своего подопечного через деньдва. Он приносил ему пищу, постепенно заменил Гайлитису всю одежду, перевязал руку... Первые дни они почти не разговаривали. Потом старик принялся задавать капитану вопросы. Август Гайлитис очень осторожно рассказал обо всем, пытаясь в свою очередь нащупать позицию старика и понять его поведение. Но вытянуть что-нибудь из Кранца было довольно трудно. Задавая вопросы, сам он больше отмалчивался.

Рука подживала, но Гайлитис хандрил. Его мучила бездеятельность, неизвестность и двусмысленность своего положения. Здоровенный парень, коммунист, организатор подпольного движения Сопротивления в фашистских концлагерях, разведчик, черт возьми, отсиживается в тайнике, словно какой-нибудь дезертир. Но куда пойдешь, если до Кенигсберга сотня километров, на дорогах эсэсовские посты, в деревнях жандармы и нацистские ищейки, а у него никакого аусвайса.

Есть, правда, солидная явка в самом Кенигсберге, у Фишера, на самый крайний случай оставлена. Но до нее надо добраться так, чтоб тебя не сцапали по дороге. А что, если...

● — Проезжаем мимо владений Генриха Махта, того «философа», с которым мы встречались в «Блютгерихт»... Вы помните его, Вернер? — сказал Фридрих фон Герлах, когда они пересекли окружную дорогу и машина вырвалась на гладкий асфальт шоссе, ведущего в Прейсиш-Эйлау. — Вот там, справа, форт «Кёнитц». Генрих на «Кёнитце» комендантом... Простите меня, Вернер,— продолжал он,— но старый год позади, а у нового нет ничего, что могло бы обещать нам забвение.

— Вы хотите забыться, Фридрих?

— Это не те слова, Вернер. Нельзя забыться, если нечего забывать и вспоминать тоже.

— Откуда такой пессимизм, дорогой Фридрих? Мы еще не знаем всех возможностей, которыми располагает наш фюрер, и...

— Бросьте, Вернер... — Фон Герлах устало откинулся на сиденье и резко увеличил скорость машины. — Я ведь не Генрих Махт, Вернер, и не майор Баденхуб,— сказал он после минутной паузы. — Не надо со мной так... — Он улыбнулся и, не отрывая глаз от дороги, тихо проговорил: — Да и вы, Вернер, не такой уж ортодокс, каким пытаетесь казаться.

Гауптман пожал плечами.

— Впрочем, это ваше дело,— продолжал Фридрих. — Для меня вы всегда были настоящим человеком, ибо я имел возможность в этом убедиться.

Он сбросил газ, машина замедлила бег и въехала в Людвигсвальде.

...Приглашение навестить дядю фон Герлаха Вернер получил вскоре после рождества Христова. Барон Карл фон Гольбах жил в своем старом поместье неподалеку от Прейсиш-Эйлау, никуда не выезжая вот уже несколько лет. Обладатель больших земель, крупных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, барон прослыл немалым чудаком, грубияном и вообще опасным человеком, позволяющим себе отпускать такие замечания в адрес ближайшего окружения фюрера, что у правоверных немцев волосы поднимались дыбом. Но старику все это сходило с рук. Он был знатен, богат и являлся одним из самых почетнейших представителей элиты прусского юнкерства.

Вернер фон Шлиден не один раз слышал в Кенигсберге об этом человеке, которого побаивался даже «коричневый вождь» Пруссии Эрих Кох. Барон Карл фон Гольбах уже давно интересовал Вернера, и гауптман незамедлительно принял приглашение обер-лейтенанта... Теперь они ехали вдвоем на машине фон Герлаха, которую вел хозяин. Обер-лейтенант был мрачен. В последнее время его не оставляло чувство человека, стоящего у разваливающегося дома. Ему хотелось выговориться, облегчить душу, но Фридрих не видел рядом никого, кто мог бы его понять. Фон Герлах уважал Вернера, но инстинктивно чувствовал стену, стоящую между ними. Он, естественно, не подозревал, какая это стена, но присутствие ее им ощущалось, и фон Герлах не мог до конца делиться с гауптманом своими сомнениями.

● — Четыре дивизии нашей Армии окружены в районе Бастонь 5-й танковой армией немцев, которая продолжает двигаться на запад. По последним оперативным данным, германское командование изменило маршрут 6-й танковой армии СС. Теперь вместо Льежа 6-я армия пошла на Динан и Живе, где уже соединилась на левом фланге с частями 5-й танковой армии и продолжает наступление во взаимодействии с ними...

— Но как это могло случиться? — спросил Элвис Холидей.

Джим, прилетевший в Лондон из Вашингтона, пожал плечами.

— Сейчас трудно полностью в этом разобраться. У нас были кое-какие данные о возможном контрударе противника, и мы информировали штабы Эйзенхауэра и Монтгомери, но решающего значения этому никто не придал. И наша 1-я армия, приняв

на себя основной натиск немцев, драпанула без оглядки...

— Да, Арденнскую операцию не отнесешь к светлым страницам нашей истории,— задумчиво сказал Эл.

— Еще бы! После триумфального шествия от Нормандии до Брюсселя такой щелчок по носу!.. Ведь за восемь дней наступления немецкие войска расширили фронт прорыва до ста километров и углубились в нашу оборону на сто десять километров. И это не вводя резервы! А какие потери у союзнических войск... Вообще фронт разрезан надвое, и немцы готовят новый удар левым флангом группы армий «Б». Они перебросили туда десять дивизий и одну бригаду. Ты представляешь, что это значит? Нас спасти может только чудо...

— Или русские,— сказал Холидей.

Джим пристально посмотрел на него.

— Ты уже знаешь об этом? Что ж, пожалуй, ты прав. Наше ведомство делает ставку и на дипломатические каналы. Но главное сейчас не в этом. Надо убедить здравомыслящих руководителей рейха, что они выбрали не тот метод для повышения своих акций. Западный фронт должен исчезнуть как таковой. Ты вылетаешь в Швейцарию с паспортом на имя бразильского скотопромышленника Рибейро де Сантоса,— продолжал Джим. — Оттуда переберешься в Берлин, где будешь связующим звеном между нами и ведомством Гиммлера. Он разумный человек, и шеф, кажется, намерен серьезно поставить на эту лошадку.

Холидей молчал.

— Ты, кажется, не рад, Эл? — спросил Джим.

— Отчего же! — сказал Элвис.

● Капитану парохода «Померания» было страшно. Под вечер вышел он из Турку с тысячью тонн никелевого концентрата в трюмах и в сопровождении шести кораблей боевого охранения направился в Кенигсберг. Небольшой переход по зимней Балтике. Ничего особенного для опытного капитана. Если забыть, конечно, о проклятых русских субмаринах. Он не спал ночь, мерил каюту шагами, иногда выпивал рюмку коньяку. Потом выходил на мостик, с крыла оглядывая два эскадренных миноносца и четыре корабля противолодочной обороны, чьи длинные тела угадывались во мраке, снова уходил к себе и опять мерил каюту шагами, заложив руки за спину. К утру потеплело, ветер угас, море заштилело, и капитан вздохнул, подумав, что субмарине в абсолютный штиль труднее высунуть стеклянный глаз из воды.

— Пусть принесут мне кофе на мостик! — распорядился капитан «Померании».

Кофе принесли. Но не успел он сделать и глотка, как над судном послышался шум авиационных моторов.

Капитан отставил чашку, расплескав кофе на карту, выскочил на крыло мостика и увидел атакующие «Померанию» торпедоносцы. Он хотел объявить боевую тревогу и защищаться теми пушчонками, что стояли на баке и на корме, удивился, увидев, что корабли охранения продолжают спокойно идти прежним курсом. Самолеты приближались, и теперь капитан разглядел на плоскостях кресты.

— Наши,— прошептал он, снимая руку с рычага ревуна и провожая торпедоносцы глазами.

Между тем советская подводная лодка давно держала «Померанию» под прицелом. Сильный конвой заставлял командира субмарины еще и еще раз оценить свою позицию, выбрать такой момент, когда удар был бы эффективным и безнаказанным.

Над караваном прошли немецкие торпедоносцы. Матросы и офицеры, задрав головы, смотрели, как разрывают воздух ревом моторов тяжелые воздушные корабли... Именно эти минуты выбрал для атаки командир советской субмарины.

Капитан услышал внизу истошный крик: «Торпеда!», скомандовал рулевому отвернуть вправо, но было поздно. Сдвоенный взрыв двух торпед расколол «Померанию» пополам. Затонула она быстро. Эсминцы и «охотники» рыскали вокруг, прощупывая гидролокаторами море. Один корабль вылавливал из воды уцелевших матросов. Капитана «Померании» не нашли. Он был в рубке разорванного взрывом парохода, наполненного никелевой рудой.

Командир советской подводной лодки точно вычислил маршрут «Померании». Он хорошо знал, когда выйдет она из Турку.

● Они сидели за роскошно сервированным столом, раскрасневшиеся от выпитого вина, которым с поистине царским радушием угощал их старый барон... Фридрих несколько посветлел, перестал хмуриться, порою даже шутил. Вернер фон Шлиден сумел сразу понравиться хозяину, который при представлении племянником гостя заявил, что он терпеть не может всех этих выскочек в черных мундирах и рад, что приятель его Фридриха черного мундира не носит.

Пока накрывали на стол, хозяин показывал гауптману старый, добротной кладки, трехэтажный дом с изумительной библиотекой, в которой особенно ценными были редчайшие пергаментные рукописные свитки десятого и одиннадцатого веков. Фон Гольбах показал гостю и коллекцию старого оружия — от дротиков древних пруссов до аркебуз и мушкетов времен Семилетней войны.

— Скажите, гауптман,— неожиданно обратился он к Вернеру, когда тот вертел в руках старинный двухствольный пистолет,— мне, старику, не пора ли отправлять все это куда-либо подальше или зарывать в землю?

Гауптман улыбнулся:

— Я маленький человек в армии, господин барон, и мне трудно судить о стратегических замыслах нашего фюрера.

— Вашего фюрера... — буркнул под нос барон и повернул к двери. Гауптману показалось, что уже в дверях старик ворчливо добавил: — Черт бы его побрал...

Был он высок ростом, сухощав, но не худ. Голову держал прямо, упрямый «ежик» серебристых волос придавал лицу барона задиристое выражение.

За столом ел он немного, но зато часто подносил к губам бокал с вином. Его наполнял бесшумно двигавшийся по затянутому гобеленами залу слуга.

— Я спросил твоего друга, Фридрих, когда мне укладывать чемоданы... — Барон откинулся в кресле, в правой руке его поблескивал хрустальный бокал с вином. — А что скажешь по этому поводу ты?

— Лучше позаботься о гробах, дорогой дядюшка.

— Ты мрачно настроен, мой дорогой! — Барон покачал головой. — Твой друг, как раз наоборот, заражен завидным оптимизмом.

— Каждому свое, господин барон,— вступил в разговор Вернер.

— Вот именно, каждому свое. И тот, кто забывает об этом, кончает тем, что стирает свои штаны! — вдруг вспылил фон Гольбах.

Он протянул бокал и, не дожидаясь, когда слуга нальет доверху, поднес ко рту, роняя капли на ковер и костюм. Жадно выпил.

— Пачкуны, алкоголики, педерасты! — громко сказал он. — Разворовали Германию, обгадили ее с ног до головы, натравили на себя весь мир, а теперь ищут куст понадежнее, где можно было бы спрятать свой зад!

У Фридриха фон Герлаха весело блеснули глаза.

«Начинается»,— подумал Вернер.

— Этот несчастный учителишка с комплексом неполноценности и разумом мясника, хромоногий неврастеник, обожравшийся золотом боров, грязный импотент-мазилка, которого я не взял бы к себе и в маляры,— эти люди решают, вернее, решили судьбу Германии... И это «сильные» личности, цитирующие Ницше! Да он переворачивается в гробу, когда слышит в их устах свои бессмертные слова! Разве таких вождей ждал он от человечества?

Фридрих откровенно посмеивался. Гауптман решил, что разговор принимает опасный оборот. На этот раз он не опасался провокаций, но береженого бог бережет...

— Позвольте, господин барон,— начал он.

Барон уставился на гауптмана.

— Ведь Клаузевиц указывал, что вообще нельзя порицать одно средство, если не можешь указать на другое — лучшее. Не так ли, Фридрих? — Вернер повернулся к обер-лейтенанту.

— Я с удовольствием вам их поясню, свои упреки, гауптман! Да-да, поясню с удовольствием! Надеюсь, я говорю с порядочным человеком, ибо вы друг Фридриха...

Вернер с возмущенным видом развел руками.

— А впрочем, мне все равно,— махнул рукой барон. — Я уже пытался высказать это Эриху Коху, тупому выскочке, и заставил его заткнуться, когда он хотел возражать мне в моем доме, в доме, в котором мои предки как равных принимали Фридриха Великого и «железного канцлера». Так вот,— продолжал барон фон Гольбах,— в отличие от некоторых кретинов, мне известно, что история Германии началась не с 1933 года. Значительно раньше. В молодые годы я имел честь быть лично знакомым с Бисмарком, гауптман. Это был великий человек. Именно он сделал Германию такой, какой она стала.

— Но фюрер и создал такую Германию,— перебил его фон Шлиден. — Наши танки топчут Версальские поля и улицы Варшавы...

— Топтали,— сказал барон. — Из Парижа нас выставили пинком под зад.

— Но сейчас ситуация на Западном фронте изменилась,— снова возразил гауптман. — Мы крепко стукнули англичан и американцев под Арденнами. Они продолжают откатываться назад под ударами танковых армий.

— Это агония, гауптман. У нас нет больше резервов для войны на два фронта. Если русские пойдут сейчас в наступление, нам придется снимать части с Западного фронта и перебрасывать их на Восточный.

Барон замолчал. Он пристально смотрел поверх голов своих собеседников, словно видел нечто значительное за стенами старого замка. Офицеры тоже молчали.

— Выпьемте, господа! — вдруг громко сказал барон. — Германия — не Россия, с ее громадными пространствами и большим населением,— продолжал барон. — Нам надо помнить об этом всегда и никогда не трогать русского медведя в его берлоге. Германия может диктовать свою волю Западу, но только в коалиции с Востоком или хотя бы заручившись его нейтралитетом. Да! Только в союзе с Россией! Именно так строил германскую политику Бисмарк, именно это завещал он своим преемникам. Мы занимаем центральное положение в Европе и открыты для нападения со всех сторон. Не обезопасив себя с Востока, нельзя воевать с Западом. Теперешние политики и генералы знать не хотят ни Клаузевица, ни Бисмарка. Их библией стала эта безграмотная пачкотня, бред этого...

Фридрих фон Герлах предостерегающе поднял руку.

— А... — махнул барон.

Он поднялся из-за стола, подошел к окну, потом быстро вышел из зала.

— Не обращайте на него внимания, Вернер. Дядюшка неплохой человек, но уже слишком стар, чтобы приспосабливаться к тому, что происходит с Германией.

— Что вы, Фридрих, мне очень нравится господин барон, хотя он и несколько резковат в своих суждениях,— ответил Шлиден.

Хозяин вошел в зал, держа в руках несколько книг.

— Вот послушайте,— сказал он,— это письмо князя Бисмарка графу Шувалову. — Барон поднес одну из книг к глазам и прочитал: —«Пока я буду оставаться на своем посту, я буду верен традициям, которыми руководствовался в течение 25 лет... относительно услуг, кои могут оказать друг другу Россия и Германия и кои они оказывали более ста лет без ущерба для специальных интересов той и другой стороны. Два европейских соседа, которые за сто с лиш-

ним лет не испытывали ни малейшего желания стать врагами, должны уже из одного этого обстоятельства сделать вывод, что их интересы не расходятся...»

За окнами быстро темнело, и барон поднес книгу еще ближе к глазам. В это время вспыхнула высоко над столом яркая лампа, и фон Гольбах опустил руку с книгой.

Он вернулся к столу, оставив книгу на подоконнике, оглядел своих гостей пытливыми глазами и глубоко вздохнул.

— Когда «железного канцлера» отправили в отставку, он часто навещал моего отца, подолгу жил у нас и даже писал в этом доме свои мемуары. Именно здесь он написал строки о том, что «между Россией и Пруссией-Германией нет таких сильных противоречий, чтобы они могли дать повод к разрыву и войне», что «германская война предоставляет России так же мало выгод, как русская война Германии... Если рассматривать Германию и Россию изолированно, то трудно найти для какой-либо из этих стран непреложное или хотя бы только достаточно веское основание для войны». И последнее. Послушайте, что написал в этом доме Отто фон Бисмарк, гауптман. — Барон вновь вооружил глаза очками в металлической оправе и чуть глуховатым голосом прочитал: «Мы должны радоваться, когда при нашем положении и историческом развитии мы встречаем в Европе державы, с которыми у нас нет никаких конкурирующих интересов в политической области, и к таким державам по сей день относится Россия».

Офицеры молчали. Барон фон Гольбах наполнил бокалы и жестом пригласил Вернера и племянника.

Они взяли бокалы и выжидающе смотрели на хозяина.

— Никому не пришло в голову подумать над пророчествами Бисмарка сейчас,— горько произнес барон. — Большевики, конечно, далеко не русские цари. И с их взглядами, с их мужицким государством, с их развращающей идеей всеобщего равенства мне никогда не примириться. Но и с коммунистами лучше ладить, чем драться.

Я сегодня же начинаю укладывать чемоданы, ибо не имею ни малейшего желания отчитываться перед русскими за поступки всяких проходимцев... Прозит!

● В эту ночь кенигсбержцы спали спокойно. В течение всей длинной зимней ночи ни разу не завывали сирены, ни разу не рявкнул металлический голос диктора:

— Ахтунг! Ахтунг! Ахтунг! Алярм! Люфтгефар! Люфтгефар! Алярм! [1]

Этим солнечным январским утром по улицам Кенигсберга шел старик. По одежде его можно было признать сельским жителем. Он шел медленно, поглядывая по сторонам, останавливаясь, читал приказы комендатуры и распоряжения городского магистрата, исподлобья поглядывал на патрули эсэсовцев, покачивал головой при виде развалин и вдруг вздрогнул, когда на него глянул с плаката тип в надвинутой на глаза шляпе с буквами «ПСТ» над головой... Человек пересек почти весь город. Наконец он остановился перед витриной бакалейного магазина. Она была закрыта гофрированной шторой. Старик обогнул магазин, разыскал калитку, нащупал рукой кнопку звонка и нажал ее большим пальцем... На дорожку — она начиналась от калитки и была уже очищена от выпавшего утром снега — вышел человек в меховой шапке с козырьком, в жилете и щегольских бриджах, заправленных в тупоносые шевровые сапоги. «Похож на нашего целенлейтера»,— подумал старик, и сомнения охватили его душу.

— Что нужно? — грубо крикнул человек на дорожке.

— Бакалейщик Вольфганг Фишер, это вы? Я от дядюшки Рихарда с письмом из деревни.

— Он еще скрипит, дядюшка? А ведь ему без малого восемьдесят.

— Восемьдесят один, да еще с половиной.

— И две недели в придачу?

— Три недели, господин Фишер.

ВЫСТРЕЛ В МАШИНЕ

● Наутро Вернер фон Шлиден и Фридрих фон Герлах сердечно простились с гостеприимным бароном, заставившим их на дорогу распить две бутылки мозельвейна.

В замке было людно и шумно, стучали молотки, раздавались голоса работников, заколачивающих ящики с ценными экспонатами коллекций фон Гольбаха.

«Старик, видимо, всерьез убедился в скором приходе русских,— подумал гауптман. — Следует это отметить...»

Ночью выпал снег, и на дороге, ведущей от имения барона к шоссе, его уже примяли резиновые колеса повозок. Сейчас машину вел фон Шлиден. Оберлейтенант сидел рядом, ежась от холода и пряча лицо в меховой воротник шинели.

Наконец они оставили позади Прейсиш-Эйлау, обогнали колонну военных грузовиков с боеприпасами, двигающуюся в направлении Кенигсберга, и Вернер свернул вправо по лесной дороге, уходящей в густой ельник.

Мотор фон Шлиден не заглушил, в кабине было тепло, а после первых рюмок доброго коньяка и уютно.

— Странный вы человек, Вернер,— вдруг сказал обер-лейтенант. — Давно вас знаю и никак не могу разгадать...

— А надо ли, дорогой Фридрих? — улыбнулся фон Шлиден. — Не такая уж я примечательная личность, чтоб ломать над этим голову.

«Что это он? — подумал гауптман. — Или я был где-то неосторожен?..»

— Налейте еще,— сказал Фридрих.

— Вам — с удовольствием, а я воздержусь, если мы хотим целыми вернуться в Кенигсберг,— ответил фон Шлиден.

[1] Внимание! Внимание! Внимание! Тревога! Воздушная опасность! Воздушная опасность! Тревога!

— Как хотите, а я выпью. Что же касается моей шкуры, то она уже вряд ли кому пригодится. Мне — тем более... Кому мы теперь нужны, Вернер?

«Запутался, парень,— подумал фон Шлиден.— Теперь ты, кажется, созрел для серьезного разговора. Но начинать его следует не сегодня и не вдруг. Подожду до приезда в Кенигсберг. Кажется, из Герлаха кое-что может получиться...»

Он понимал, что практической пользы от Фридриха, рядового штабиста, будет немного, но его соображения по поводу этого человека не исчерпывались только желанием использовать обер-лейтенанта в своих делах: Вернеру нравился Герлах, его острый, не желающий мириться с обыденным и привычным ум, доброе сердце и тщетные попытки вырваться из круга, в котором Герлаху надлежало пребывать с рождения. Но для себя Вернер еще не решил главную задачу. Он не мог с полной уверенностью утверждать, что духовный портрет Герлаха, написанный им, соответствует истинному внутреннему облику обер-лейтенанта.

«Подождем еще немного,— подумал Вернер.— Все это не так просто».

Неслышно упал ком снега, и зеленая лапа ели выпрямилась и задрожала.

— Вот так бы сбросить с себя то, что носишь на сердце,— задумчиво произнес Фридрих фон Герлах.

● Цюрих, крупнейший город Швейцарии, разбросал свои кварталы на берегу одноименного озера, у истока реки Лиммат.

Немало достопримечательностей в Цюрихе, но все-таки туристы посещают его реже, нежели Женеву или Люцерн. А сейчас, в годы войны, о туристах и думать не приходится.

Но владельцы отелей нимало не огорчены этим обстоятельством. В их карманы по-прежнему поступает валюта. Идет она из кошельков богатых эмигрантов неарийского происхождения, бежавших от нацистского режима, неплохо платят и сами гитлеровцы, их агенты наводнили город. В последнее время все чаще и чаще появляются в Цюрихе знающие себе цену джентльмены из-за океана. А эти уж совсем платежеспособны.

Элвис Холидей, которого портье отеля записал под именем Рибейро де Сантос, медленно шел по улицам Цюриха, направляясь к месту встречи с одним из агентов германской службы безопасности. Через этого человека обе разведки — и ведомство Генриха Гиммлера, и ведомство Уильяма Донована через свою швейцарскую резидентуру, обосновавшуюся в Берне и возглавляемую Алленом Даллесом,— осуществляли контакты.

Мнимый бразильский скотопромышленник обогнул новое здание Цюрихского университета и сразу увидел мордастого мужчину в тирольской шляпе и в коротком кожаном пальто с шалевым воротником вязаной шерсти.

Очевидно, он знал Элвиса по фотографиям. Едва тот вступил на мостовую, намереваясь пересечь ее и подойти к машине, стоявшей у обочины, толстяк вынул сигарету изо рта, щелчком отбросил ее в сторону, открыл дверцу машины и неторопливо сел за руль.

Мельком взглянув на номер машины, Холидей обошел ее сзади и остановился. Водитель не повернул головы.

— На озере сегодня волны,— сказал Холидей негромко по-немецки.

— Я люблю жареную форель,— последовал ответ на французском языке.— И садитесь быстрее. Вы опоздали на пятнадцать минут.

— На тринадцать, мсье Жозеф,— перешел на французский Холидей.— Надеюсь, проверка закончена и мы действительно можем ехать?

— На чьем языке будем говорить? — осведомился толстяк, включая зажигание.

— Ну, поскольку мы с вами на севере Швейцарии, где говорят в основном по-немецки, нам ничего другого не остается, как перейти на этот язык,— ответил Элвис.— И это будет выглядеть как дань уважения по отношению к немецкому большинству кантона Цюрих!

— Вы правы,— усмехнулся водитель.— Итак, едем к озеру. Надо посмотреть, действительно ли там большие волны...

Они на большой скорости миновали новые кварталы Цюриха, застроенные многоэтажными и башенного типа домами, повертелись, меняя направление и возвращаясь на те улицы, где только что побывали, выехали в предместье и повернули наконец к озеру.

— Мы должны были ехать в Веденсвиль,— сказал Холидей, когда Жозеф остановил машину на высоком берегу озера и, пятясь, зажал ее в боковой проезд.

— Да, но планы изменились. Поговорим здесь.— Он сидел, не снимая с руля рук в кожаных перчатках.— Определенные круги, для связи с которыми вы прибыли сюда, сеньор де Сантос, поручили мне сообщить, что там...— При этих словах он поднял глаза к брезентовому тенту машины, и вся его физиономия выразила глубочайшее почтение к тем самым «определенным кругам».— Там принято решение согласиться с вашими предложениями. И чем скорее мы договоримся о конкретных деталях, тем лучше.

— Почему так поспешно? Еще вчера вы были склонны затягивать переговоры, стараясь выиграть время, а сегодня... Или русские действительно дали вам добрый пинок на Востоке?

— Вы уже знаете? — зло глянул на Элвиса Жозеф.

— Я ваш коллега, дорогой герр Жозеф,— улыбнулся Холидей.— Надеюсь, вы не принимаете меня за классного наставника из пансиона для благородных девиц? А может быть, это ваша профессия, герр Жозеф?

— Я не могу принять ваш легкомысленный тон, сеньор де Сантос,— ответил тот.— Положение слишком серьезно. Наша армия испытывает крупные затруднения на Востоке. Командование снимает 5-ю и

6-ю танковые армии с Западного фронта и тем самым свертывает наступление против союзнических войск. Прошу передать это вашему шефу. Считайте переданную мной информацию первым залогом нашего будущего сотрудничества. Завтра во второй половине дня в Эммене, неподалеку от Люцерна, мы ждем вашего человека с полномочиями, которых будет достаточно, чтобы окончательно договориться о деталях и принять наши условия.

— Полномочия? — спросил Холидей. — Ваши условия?

— Да, мы согласны с вашими предложениями в принципе, но в деталях... Тут следует подумать еще.

— Хорошо. На встрече будете вы?

— Нет. Молодая блондинка в голубой шубке. Она будет со светлым «мерседесом» у заправочной станции в южной части Люцерна.

— А она ничего, эта ваша новая Мата-Хари?

— Это не относится к делу,— сухо сказал Жозеф. — Впрочем, она достаточно миловидна. Итак, блондинка в светлом «мерседесе» на заправочной станции рядом с кафе «Молчаливый дрозд». Пароль: «Мадам, если вы боитесь дорожной скуки, возьмите меня до Берна». Ответ: «А что дальше, Лозанна или Берн?» Второй ответ: «Рекомендую вам доктора Дриттенбау».

● Гауптман Вернер фон Шлиден и обер-лейтенант Фридрих фон Герлах проехали уже Людвигсвальде, когда их машина была остановлена эсэсовским патрулем, состоявшим из десятка солдат со штурмфюрером во главе.

Офицер медленно просматривал документы, и Вернер видел, как постепенно наливается злостью его приятель.

Штурмфюрер наклонился к открытому окну машины и с шумом втянул воздух.

— Неплохо повеселились, а? — подмигнул он обер-лейтенанту.

Фон Герлах сощурился, уголки его рта презрительно опустились вниз.

— Вынюхивать — это у вас природное качество или присваивается вместе со званием офицера СС? — сказал он.

Вернеру стало жарко. Он-то уж знал, чем могут обернуться такие слова.

Штурмфюрер побледнел, отступил на шаг. В это время сзади противно взвизгнули тормоза, и длинный черный лимузин поравнялся с задержанной машиной.

— В чем дело? — послышался знакомый голос из лимузина, и Вернер понял, что на этот раз неслыханная дерзость сойдет Фридриху с рук. — В чем дело? — опять спросили из лимузина.

Штурмфюрер открыл уже рот, чтобы ответить, но гауптман быстро распахнул дверцу машины, выскочил на дорогу и, прежде чем эсэсовец успел ему помешать, подошел к лимузину, нагнулся к полуопущенному оконному стеклу.

— Оберштурмбанфюрер?! — сказал он.

— О, да это же гауптман фон Шлиден! Здравствуйте, Вернер! Что здесь случилось? — И оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст стал вылезать из машины.

— Этот молодой человек принял нас с Фридрихом за русских шпионов, нагрубил обер-лейтенанту и вообще вел себя недостойно офицера прославленных войск СС!

— Но позвольте, оберштурмбанфюрер...

Начальник патруля даже задохнулся, услыхав такую наглую ложь.

— Молчать! — рявкнул Хорст. — Вы оскорбили лучших офицеров вермахта, вели себя как свинья! Разве этому нас учит фюрер, партия?

— Это у него, верно, от молодости,— примиряюще сказал Шлиден.

— Идите! — Вильгельм Хорст махнул рукой. — И не попадайтесь мне на глаза!

— Вы поедете со мной? — обратился он к Вернеру.

— Но я с фон Герлахом, моим другом,— замялся гауптман. — И потом... В общем, машину веду я.

— Понятно,— сказал оберштурмбанфюрер. Он подошел к машине обер-лейтенанта. — Я приглашаю вас и гауптмана пообедать со мной в Кенигсберге,— сказал он безучастно смотревшему прямо перед собой Фридриху. — Поедемте в моей машине. А вашу отведет в город мой унтерфюрер.

— Благодарю вас,— сказал фон Герлах. — Если Вернер хочет ехать с вами, значит, так нужно. Мне же все равно, и поэтому я поеду тоже.

Он приподнялся на сиденье, нашарил ручку дверцы и, пошатываясь, сделал несколько шагов по дороге.

— Мы были в гостях у дядюшки Фридриха,— сказал Вернер, предваряя возможный вопрос Хорста и опасаясь ответа Фридриха.

— У барона фон Гольбаха? — спросил Хорст. И, обращаясь к Фридриху, сказал: — Отличный человек ваш дядюшка, обер-лейтенант.

— Да? — сказал фон Герлах и полез в лимузин Хорста.

По дороге они несколько раз встречали эсэсовские пикеты и длинные вереницы машин, у водителей и пассажиров которых проверяли документы.

— В чем дело? — спросил Вернер у Хорста. — Почему такие строгости?

— Как? — оберштурмбанфюрер повернул голову. — Вы ничего не знаете?

— А что мы должны знать? — спросил сидевший позади Фридрих фон Герлах.

— Русские прорвали фронт от Балтики до Карпат,— сказал Хорст. — Бои идут здесь. Мы держимся стойко. Особенно жарко в районе Пилькаллена. Мобилизуем все резервы. Вас, очевидно, давно ждут в штабе.

— Да, я еду сейчас прямо в штаб,— проговорил Вернер.

— Я заеду за вами вечером, фон Шлиден,— сказал Хорст. — А что вы будете делать, обер-лейтенант?

Фридрих не отвечал. Вернер повернулся назад —

он сидел рядом с Хорстом — и увидел бледное лицо обер-лейтенанта, подернутые тусклой пленкой глаза.

— Тебе плохо, Фридрих? — с тревогой спросил гауптман. — Скоро приедем, потерпи...

— Русские в Восточной Пруссии,— расслышал Вернер шепот Фридриха. — История повторяется...

Лимузин мчался по улицам Розенау. Когда он пересек мост через Прегель и мимо замка Альтштадт поднимался к Параденплац, на заднем сиденье раздался выстрел.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

● Здесь все построили надежно и добротно. Железобетонные доты ощетинились стволами пулеметов. Дзоты защищало трехслойное покрытие. Укрепления из бревен в обхват и километры колючей проволоки. Рвы с отвесными стенами и острые надолбы, словно хищные зубы неведомых чудовищ. И земля, зловещая и чужая. Каждый метр ее пристрелян, каждый метр начинен смертью. Два часа разговаривал с немцами бог войны. Два часа предъявляли гитлеровцам артиллеристы кровавый счет за содеянное ими в России. И летели в воздух обломки металла и дерева, комья земли и куски человеческих тел... И наступила тишина. Страшная тишина. Потом на востоке раздался зловещий комариный писк. Он ширился и рос, превращаясь в раскатистый гул и рокот... А с земли вдруг поднялись и двинулись вперед такие маленькие с воздуха фигурки! И в массе своей они превращались в силу, не знающую равных. Вслед за огневым валом, не отрываясь от него, устремлялись на врага русские солдаты.

В атаку шли пехота и танки. Двадцать с лишним пехотных дивизий и девять танковых бригад с маху ударили в первую линию немецкой обороны. Ударили одновременно по участку фронта в сотню километров шириной... Это была неодолимая сила. Ее питали заводы Урала, слезы солдаток и святая ненависть советского человека. Ничто, казалось, не сможет устоять перед первым ударом.

Но первая линия устояла. Яростно штурмовала Красная Армия бетон и колючую проволоку. Войска откатились и вновь пошли на приступ, неудержимые в своей священной озлобленности. И закончился первый день наступления. Только несколько тысяч метров прусской земли было захвачено в этот день. 3-й Белорусский рвался к Гумбиннену, но каменные форты Пилькаллена закрыли ему дорогу. Сильный еще враг пришел в себя. Он подтянул резервы и попытался контратаковать. Все тяжелее и тяжелее русским солдатам продвигаться вперед. И надо не упустить инициативу. Надо расширять прорыв, гнать врага все дальше и дальше.

И прошел еще один день.

«Теперь пора»,— решает Черняховский и бросает в бой танковый корпус. Надрывно ревут моторы, гусеницы с противным скрежетом утюжат немецкие окопы, разлетаются в прах бревенчатые накаты и замолкают жалящие пехоту пулеметы. Танкисты генерала Бурдейного прорывают вторую линию обороны.

Первые дни были самыми трудными. Многим матерям и женам в России полетели в эти дни с прусской земли жестокие похоронки... Но через пять таких дней, 18 января 1945 года, армия генерала Лучинского вышла на подступы к городу Гумбиннену.

Опорный пункт Байтчен был крепким орешком. Трудно его разгрызть, но русским по зубам и не такие! Разгрызли, а 21 января красный флаг развевался над Гумбинненом.

На второй день войска 3-го Белорусского фронта вошли в Инстербург — в город, лежащий на пути к Кенигсбергу.

История повторялась. Сто восемьдесят семь лет назад в этот город на белом коне торжественно въезжал командующий русской армией фельдмаршал граф Апраксин... Армия двигалась на запад. На тринадцатый день наступления, 26 января 1945 года, жесткими, ко всему привычными сапогами солдаты 3-го Белорусского фронта отмерили сто двадцатый километр тяжелого пути. Линия Дайме встала у них на дороге. Крутой и обрывистый берег реки — сплошная крепостная стена. За нею — тридцать километров пути до Кенигсберга.

● Часовой зябко повел плечами, отпустив автомат, который он прижимал правой рукой, похлопал ладонями одна о другую и затоптался на месте, стараясь разогнать кровь и хоть немного согреться. Недавно ему исполнилось девятнадцать, но Рудольф Кранц считал себя уже старым солдатом, он второй год воевал, был ранен в Венгрии, и вот попал оттуда на родину, так и не сумев повидать отца, старого Кранца.

А теперь там, где родился Рудольф, в их доме вблизи Ландсберга, появились русские... Они уже неподалеку от Кенигсберга. Молодой Кранц просился в боевую часть, а его заставили торчать здесь, у элеватора, на посту, где сошел бы и какой-нибудь старый хрыч из фольксштурма.

Он снова прижал автомат и заходил взад и вперед, с нетерпением ожидая, когда приведет разводящий смену и можно будет в теплой караулке съесть свою порцию горохового супа.

Время тянулось медленно. С Балтики наплывал тяжелый серый туман, хотелось курить, хотелось в тепло, к людям, да и от стопки шнапса Рудольф Кранц не отказался бы тоже.

Вдруг ему почудилось: какие-то тени мелькнули за углом. Он насторожился, сделал несколько шагов, но все было тихо, и он успокоился, в который раз подумав, что надо просить перевода туда, где есть настоящее дело для солдата фюрера. Он снова подумал о котелке горячего, вкусно пахнущего горохового супа, и тут стало вдруг Рудольфу зябко. Всем существом своим ощутил молодой Кранц холод стального лезвия, прошившего его сердце. Он удивленно вздохнул и опустился на колени. Пробитое ножом сердце остановилось, но мозг еще жил, и Рудольф Кранц додумывал свою мысль о гороховом супе...

Он по-прежнему стоял на коленях, привалившись

плечом к стене и опустив на грудь голову с погасшими глазами, рукоятка ножа торчала под лопаткой солдата.

Потом точными ножевыми ударами были сняты еще двое часовых, и тени исчезли в воротах элеватора.

● В эту ночь жители Кенигсберга проснулись от взрыва. Они к ним привыкли, к слабым и сильным, но в этом было нечто особое... Содрогнулась земля, из развалившихся стен набитого хлебом Кенигсбергского элеватора вырвалось смрадное пламя.

Жители осажденного города слышали только взрыв, который был не сильнее, быть может, взрыва больших фугасок... Кенигсбержцы ничего не знали, но многие из них, охваченные неясным беспокойством, не могли уснуть до утра.

А утром стало известно, что взорван элеватор и в пламени погибли большие запасы хлеба...

● Инспектору полиции и СД, обергруппенфюреру СС Гансу-Иоганну Бёме

от начальника II отдела гестапо
штурмбанфюрера СС Рюберга

Рапорт

Довожу до Вашего сведения, что мною предприняты первоначальные следственные действия по установлению причин и виновников диверсии на элеваторе.

Как установлено, между двумя и тремя часами ночи неизвестными лицами были ликвидированы часовые, охранявшие вход в элеватор: наружный — рядовой Кранц, и внутренние — ефрейтор Штарк и эсэсман Губер.

Взрыв произошел сразу в четырех местах, что позволяет судить о синхронной системе взрывного механизма, использованного злоумышленниками.

Сразу после взрыва начался пожар. Все попытки потушить его пресекались сильным автоматным огнем, который вели оставшиеся на месте диверсии неизвестные лица. В результате с нашей стороны потеряно восемнадцать человек, в том числе оберштурмфюрер СС Хаффнер. Шесть человек тяжело ранены.

Выстрелы продолжались до тех пор, пока не обрушилась кровля горящего элеватора.

После ликвидации пожара под обломками здания были обнаружены останки четырех человек, личность которых выясняется...

КРОВЬ НА АСФАЛЬТЕ

● — Вот что, дорогой Гетцель,— сказал Вильгельм Хорст,— пора уходить в подполье.

— Вы считаете, что это серьезно, оберштурмбанфюрер?

— Вы чудак, Гетцель. Ведь русские у стен Кенигсберга! И если бы не самоотверженность и героизм солдат фюрера да не чрезвычайные меры, которые мы срочно предприняли, то вполне вероятно, что сейчас в этом кабинете сидел бы не руководитель восточнопрусского «вервольфа» оберштурмбанфюрер Гетцель, а какой-нибудь полковник советской контрразведки, или, как они ее называют, «Смерш»— «Смерть шпионам». Веселое название, не правда ли, Гетцель?

— Мне не до шуток, Хорст. Вы знаете, что к переходу на нелегальное положение у нас все готово. Тайники с оружием и припасами разбросаны по всей территории провинции, люди проинструктированы и ждут только сигнала.

— Считайте, что этот сигнал уже получен. Я уполномочен сообщить вам приказ обергруппенфюрера.

— Какого? — спросил Гетцель. — Моего или вашего шефа?

— Обергруппенфюрер СС Ганс Прютцман, руководитель всех отрядов «вервольф», в Берлине, а обергруппенфюрер Ганс-Иоганн Бёме находится в одном городе с вами, Гетцель... Я понимаю, что двойное подчинение вам не по сердцу, но дело-то ведь общее, мой дорогой.

— Слушаю вас, Хорст.

— Сейчас в городе паника. Правда, положение на фронте несколько стабилизировалось, и паника идет на убыль. Поэтому под шумок следует поторопиться с передислокацией штаба «вервольф». Здесь, на Ленсштрассе, вам нечего больше делать. Приступайте немедленно к уничтожению всех документов, оставьте только самое необходимое из имущества. Сегодня первое февраля... Значит, через два дня, третьего числа, вы должны будете перебраться в местечко Нойхойзер, это в шести километрах к северу от Пиллау. Если Кенигсберг будет взят русскими, действуйте согласно инструкции, находящейся в пакете под номером один.

— Все понятно,— сказал Гетцель.

— И вот еще. Завтра в 17.00 вас хочет видеть обергруппенфюрер. Да-да, именно тот, что к нам с вами поближе...

— Напутственная речь? — усмехнулся Гетцель.

— Вот именно,— сказал Вильгельм Хорст.

● Когда войска 3-го Белорусского фронта прорвали линию Дайме, а правое их крыло разорвало цепь оборонительных сооружений «Гранц-Кенигсберг» и вышло к северным окраинам столицы Восточной Пруссии, паника в городе достигла наивысшего предела. В Кенигсберге перестали выходить газеты, закрылись магазины, хлебозаводы, по улицам черными птицами носились куски горелой бумаги — жгли архивы. Армия, еще ранее переведенная на самоснабжение, превратилась в шайку мародеров. Число дезертиров определялось уже трехзначными цифрами. Дороги были забиты беженцами и отступающими частями.

Одним из первых поддался панике гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох. Его бегство в Пиллау подстегнуло остальных чиновников Кенигсберга. Гитлер прислал Коху категорическую радиограмму с требованием вернуться в Кенигсберг под страхом виселицы. Гиммлер отдал приказ по своему ведомству: расстреливать каждого, кто попытается покинуть город.

На всех дорогах появились заградительные отряды, состоящие из эсэсовцев. Эрих Кох вернулся в Кенигсберг, но теперь он превратился в номинального руководителя. В его отсутствие вся фактическая власть в городе перешла в руки военного командования, службы безопасности и крейслейтера Эрнста Вагнера.

Партийный вождь Кенигсберга, сорокапятилетний Эрнст Вагнер, не потерял присутствия духа в период общей паники. Он сумел навести в городе порядок, ежедневно выступал по радио с патриотическими речами, жестоко карал распустившихся подчиненных. Это он разжаловал президента полиции порядка Евгения Дорша в рядовые фолькштурмовцы, это он приказывал расстреливать мародеров на глазах специально приглашенных родных, это он начинал свои речи со слов: «Защита до последнего немца», а заканчивал словами: «Для нас солнце никогда не заходит... Мы никогда не капитулируем!»

● — Вернер! Что вы делаете здесь? — спросил Вильгельм Хорст, встретив Шлидена на Штейндамм.

Сам он только что вышел из дома № 176а, где разместился II отдел гестапо. Хорст узнавал у штурмбанфюрера Рюберга, как идет расследование диверсии на элеваторе.

— Возвращаюсь к себе после совещания в штабе,— сказал гауптман.

— Что нового на фронте? — спросил Хорст.

— Можно подумать, что вы об этом знаете меньше меня,— обиженным тоном сказал Вернер.

— Бросьте, старина, нам ли обижаться друг на друга. Да еще в такое время...

— Что ж, у нас есть еще шансы,— сказал фон Шлиден. — Оружия достаточно, боеприпасов тоже. И потом, новое средство фюрера...

— Завидую вашему оптимизму, Вернер. — Хорст пристально посмотрел гауптману в глаза. — Мы так и не пообедали тогда с вами, Вернер,— сказал оберштурмбанфюрер. — Эта трагическая смерть вашего друга...

— Что вы курите, Вилли?

— Египетские, дорогой гауптман,— ответил Хорст, доставая из кармана шинели пачку.

— Вы просто чудодей, Вилли! В такое время — и египетские сигареты!

— Ладно вам, Вернер! — улыбаясь, сказал Хорст. — Закуривайте. И оставьте эту пачку себе. Вы тоже парень не промах. Умеете доставать неплохие вещи.

— Но сигарет таких мне не достать,— сказал, прикуривая от зажигалки, Вернер фон Шлиден.

Рядом затормозил черный автомобиль.

— Алло, Хорст! — послышалось из кабины.

— Оберст фон Динклер, начальник военной контрразведки,— тихо сказал Хорст Вернеру. — В чем дело, господин оберст? — спросил он, подходя к машине.

— Мне известно, что вы едете за город. Я еду тоже. Обергруппенфюрер считает, что нам лучше поехать вместе.

Вильгельм Хорст махнул Вернеру рукой и, согнув чуть ли не вдвое свое большое тело, полез в автомобиль начальника абвера.

Вернер медленно шел по Штейндамм, с грустью посматривая на безобразные развалины некогда красивых зданий, обрубленные осколками ветви деревьев и черный от копоти снег.

Сложные чувства охватывали его, когда он видел, как гибнет красивый город, творение рук многих поколений трудолюбивых, умелых людей. Он знал, что это город врага, и помнил те кадры немецкой кинохроники, где, в пламени и дыму, рушились дома Сталинграда и Киева, Севастополя и Минска.

Много лет Ахмедов-Вилкс не был на родной земле, а увиденное на экране попросту не укладывалось в его сознании. Очевидно, если б он увидел все собственными глазами, его сожаление по поводу истерзанного Кенигсберга поубавилось... Порою среди исковерканных воронками улиц и мрачных сгоревших домов ему вдруг вспоминались родные горы, синяя Кайсу, бегущая в ущелье, и серые сакли аула, в котором родились и любили друг друга его отец и мать. Эти видения не мешали Сиражутдину. А вот он боялся, как бы они не завладели им полностью, старался прогнать их прочь. И только иногда позволял себе поразмыслить над судьбой, надевшей на него, сына дагестанского народа, мундир офицера германской армии.

«Кто же я больше? — думал с улыбкой Янус. — Дагестанец, латыш или немец?»

Надо сказать, что думать о себе как о немце Сиражутдин имел все основания. Несведущие люди часто считают, что разведчик и после многих лет работы в другой стране остается тем, кем был прежде. Разумеется, основные принципы останутся неизменны. Но годы жизни среди людей иной национальности, необходимость быть таким же, как они, накладывают свой отпечаток. У разведчика вырабатываются привычки, манера поведения, традиционные взгляды, составляющие существо национального характера согласно новому паспорту этого человека.

Сегодня Вернеру везло на встречи.

Откуда-то появился вдруг давнишний его приятель и собутыльник Гельмут фон Дитрих. Он был одет в новенькую шинель тонкого сукна со знаками различия оберштурмфюрера СС.

— Какая встреча! — заорал Дитрих. — Я иду и думаю: с кем мне обмыть звание? А тут гауптман навстречу! Пойдем!

— Мне нужно еще к себе на службу,— неуверенным голосом начал фон Шлиден.

— Брось ты это дурацкое сидение в кабинете! Никуда не отпущу. Хочешь, позвоню твоему шефу и скажу, что ты вызван в гестапо? А то и его можно пригласить!

Он засмеялся своей шутке, схватил сопротивляющегося Вернера за рукав и потащил к площади. Когда они вышли на площадь, Вернер увидел свежесрубленные виселицы. На них за ноги были подвешены люди. Около них стояли эсэсовцы с автоматами. На

теле каждого повешенного доска с надписью: «Дезертир».

— Свеженькие,— сказал Дитрих.— Вздернули их часа полтора назад. А за ноги — это моя идея!

● Заградительные отряды эсэсовцев были выставлены на всех дорогах, ведущих из Восточной Пруссии на Запад... Один из таких отрядов задержал роскошную легковую машину, мчавшуюся со стороны Кенигсберга. Водитель хотел проскочить напролом, но автоматная очередь, ударившая в передние колеса, приткнула машину к обочине дороги.

Эсэсовцы выволокли из кабины мужчину средних лет в нарядной шубе и меховой шапке. В руке этот человек сжимал саквояж из желтой кожи. Командир заградотряда, штурмфюрер войск СС, подошел к человеку, которого держали сзади два эсэсмана, и вырвал из рук саквояж.

— Это произвол! — завизжал человек в шубе.— Я буду жаловаться! Вы знаете, кто я...

— Документы! — отрывисто приказал штурмфюрер.

Дрожащей рукой человек вытащил из-за пазухи документы и подал их эсэсовскому офицеру.

— Я генеральный прокурор Восточной Пруссии Жилинский!

— Дерьмо ты, а не прокурор,— спокойно сказал штурмфюрер.

Жилинский осекся и растерянно огляделся по сторонам.

— Трусливый дезертир! — продолжал офицер.— Рейх в опасности, а ты бежишь, спасая свою шкуру.

— Как вы смеете! — крикнул прокурор.

— Роге,— сказал штурмфюрер одному из солдат, передав ему документы,— отведите этого типа к оберштурмбанфюреру. Пусть сам решает, что с ним делать.

Метрах в двухстах от дороги высился двухэтажный дом, который временно заняли оберштурмбанфюрер Хорст и оберст фон Динклер. Двое солдат повели генерального прокурора к этому дому.

Через полчаса Роге вернулся на дорогу.

— Ну что? — спросил штурмфюрер.

— Отправить туда...— Роге поднял руку и ткнул пальцем в небо.— Приказ оберштурмбанфюрера...

— Так исполняйте,— сказал штурмфюрер.

— С этим справится и один Карл,— ответил Роге.

На шоссе со стороны Кенигсберга показалась длинная вереница автомашин.

— Сейчас будет работа,— сказал штурмфюрер.— Приготовьтесь.

— Что-то Карл мешкает,— произнес Роге.

В густом ельнике, начинавшемся сразу же за домом, протрещала автоматная очередь. Через пять минут из-за угла вывернул Карл. Автомат болтался у него на шее, а в руках он нес нарядную шубу генерального прокурора.

● Командир танкового батальона майор Баденхуб с высоты башни мрачно оглядывал полдюжины боевых машин.

Это было все, что осталось от его батальона. Танки стояли в редком сосновом лесу. Люди сидели в машинах и ждали, когда командир примет решение.

— Идем к Кенигсбергу,— буркнул Баденхуб.— Больше некуда.

Команду передали экипажам, и, ревя моторами, танки двинулись за головной машиной по направлению к шоссе.

Дорога была забита отходящими к Кенигсбергу частями, автомашинами всех марок, повозками и ручными тележками, на которых увозили свои пожитки бесчисленные беженцы.

Колонна танков втиснулась в общий поток и стала медленно продвигаться вперед. Майор Баденхуб сидел на краю открытого люка и грязно ругался сквозь зубы... Прошел час, прежде чем танки сумели продвинуться на десяток километров. Колонна прошла еще метров пятьсот и встала. Впереди все заполнили беженцы. Второй поток их вливался по дороге, идущей с Таппиау. Столкнувшись с главным движением на шоссе, эти беженцы образовали пробку, и она прочно перекрыла дорогу.

Прямо перед головным танком высился задний борт крытого грузовика, полного солдат и офицеров. А дальше — море повозок, тележек и старых автомашин с женщинами, детьми и стариками. Группа эсэсовцев пыталась успокоить беснующуюся толпу, протолкнуть пробку, очистить дорогу, но эсэсовцам это было явно не под силу... Майор Баденхуб перегнулся вперед и крикнул, чтоб грузовик отъехал в сторону. Но кричал он больше для формы,— Баденхуб отлично видел, что вывернуть шоферу грузовика не удастся.

Внезапно по всей колонне, змеей растянувшейся по дороге, прошла судорога. Задние ряды дрогнули и притиснулись к танкам Баденхуба. Конвульсивное движение еще не дошло до пробки, закрывшей дорогу, и там по-прежнему кричали и размахивали пистолетами остервенелые эсэсовцы, пытаясь в этом человеческом муравейнике навести хоть какой-то порядок.

— Русские! Русские! — пронеслось над дорогой.

— Танки! Танки!

Паника охватила колонну. Она кричала грубыми мужскими, визгливыми женскими голосами и раздирающим душу детским плачем. Все, что было на дороге, рванулось вперед, но остановилось, наткнувшись на стальные тела чудовищ Баденхуба.

А перед танками шевелилось, но не двигалось с места огромное месиво машин, повозок и человеческих тел.

— Русские танки! — снова пронеслось над дорогой.

Майор Баденхуб опустился вниз и захлопнул люк башни.

— Вперед!

Головная машина ударила грузовик о заднее левое колесо, и он опрокинулся набок, высыпав из кузова солдат и офицеров.

Следующим был старомодный автомобиль с брезентовым верхом. Танк Баденхуба отшвырнул его к обочине дороги, подмял под себя тележку с малень-

кой девочкой наверху, ринулся вперед, сметая на пути все, что закрывало ему дорогу.

Страшно кричали женщины. Какой-то оберст стрелял из парабеллума по башне головного танка, но майор Баденхуб продолжал двигаться вперед, и гусеницы его танка подминали под себя старые автомобили, повозки, ручные тележки и тех, кому они принадлежали.

Остальные машины двигались за командиром. Когда они вырвались на свободное шоссе, первые десятки метров их гусеницы оставляли на асфальте красные рубчатые следы. Постепенно красный цвет становился слабее и слабее и наконец совсем перестал быть виден. Танковый батальон майора Баденхуба на предельной скорости шел к Кенигсбергу.

ОПЕРАЦИЯ «КОСТЕР НИБЕЛУНГОВ»

Все было так, как говорил Холидею Жозеф. Бензоколонка, роскошная дама в машине и идиотский разговор, именуемый системой опознавания, или попросту паролем.

Элвиса Холидея отвезли километров за двадцать от места встречи. Автомобиль остановился у массивной чугунной решетки ворот, за которыми виднелись розовые стены виллы.

У ворот ждали двое. Один из них остался на месте, а второй подошел к лимузину и открыл дверцу.

— Прошу вас пожаловать,— с сильным акцентом сказал он Холидею по-английски.

Его привели в просторную гостиную, которая казалась бы совершенно пустой, если б не массивный круглый стол, стоящий посредине, и задвинутые под него стулья с высокими резными спинками. У окна, полузакрытого темной портьерой, стоял человек в сером костюме в полоску, с копной седеющих волос на голове, орлиным носом, тонкими, в ниточку, губами и вялым подбородком, с левой стороны украшенным большой родинкой.

— Я рад вас видеть,— заговорил он по-английски.

— Благодарю вас,— ответил ему Элвис на немецком языке и осторожно, кончиками пальцев, пожал протянутую ему руку.

— Прошу вас в мой кабинет,— сказал хозяин. — Здесь не совсем уютно и обстановка не сближает людей. А нам так необходима духовная близость! Не правда ли, коллега?

— О да, конечно,— любезно согласился Холидей. Про себя он подумал: «Видно, плохи ваши дела, если пытаетесь в галантности перещеголять французов». Вслух же сказал: — Я к вашим услугам, мистер...

— Доктор Зельхов, коллега,— осклабился хозяин. — Можете называть меня просто док. Ведь так принято в вашей стране, а мне хотелось, чтоб и здесь вы чувствовали себя как дома...

— Вы очень любезны, док,— сказал Холидей.

Он улыбнулся доктору Зельхову и шагнул в кабинет.

— ...Значит, мы договорились. Общее название операции —«Кактус». У себя мы закодируем ее по-другому. Проведем операцию своими силами. Это второй аванс из той суммы платежей, которые мы обязаны сделать как побежденные. Наша страна надеется, что победители будут благосклонны к своим коллегам, ибо у нас только один общий враг.

— Это хорошо,— сказал Холидей. — И наверное, правильно... Нас беспокоит другое. Стало известно о том, что верховное командование ваших сухопутных войск принимает самое активное участие в создании диверсионных групп, которые должны действовать в тылах наших армий. Это совершенно недопустимо, доктор Зельхов!

— Вас недостаточно точно информировали, сеньор де Сантос,— мягко остановил собеседника доктор. — Да, в свое время эта идея зародилась в умах руководителей армейской разведки. Но затем инициатива перешла в руки более компетентных людей.

— И ими, конечно, были люди рейхсфюрера?

— Может быть,— спокойно ответил Зельхов. — Во всяком случае, я имею возможность заявить, что в западных землях отряды «вервольф» действовать не будут. Все они ориентированы сейчас на Восток.

— Это единственно верное решение. Я склонен допустить, что операция «Вервольф» действительно в надежных руках. А нет ли какой-нибудь возможности для использования этих отрядов там, на Востоке, непосредственно нами? В будущем, разумеется...

Доктор Зельхов с уважительным интересом посмотрел на своего гостя:

— Истинно американский размах, сеньор де Сантос.

— Я бразильский подданный, док,— улыбнулся Элвис Холидей.

— Конечно, конечно... Я часто бывал в вашей прекрасной стране. Знаете, идея мне понравилась, но, к сожалению, практические выводы делать будут иные инстанции.

Элвис Холидей в знак согласия склонил голову.

— Что касается вашей просьбы о передаче вам всей или части нашей агентуры, оставленной на территории Советов и немецких земель, оккупированных большевиками, то, к сожалению, я не уполномочен вести переговоры на этот счет. Но заявление ваше передам по инстанции.

И Элвис снова склонил голову.

— О возможностях использования соединений «вервольф» мы поговорим с вами после обеда. А сейчас прошу пройти в столовую, где нас ждет более приятное занятие.

В начале февраля 1945 года обергруппенфюрер СС Ганс-Иоганн Бёме возвратился из Берлина мрачный и злой. Полдня устраивал разнос своим подчиненным, и во всех отделах военной контрразведки СД, гестапо и криминальной полиции шушукались по поводу причин, омрачивших чело их шефа.

Уже с аэродрома Бёме послал за Хорстом и приказал ему приехать не в управление, а в особняк обергруппенфюрера на Луизеналлее. Часовые проверили документы Хорста. Ответив на их приветствие, он прошел к дому по узкой аллее, обсаженной невысокими, сейчас заснеженными деревьями.

У входа Вильгельма Хорста встретил личный секретарь Бёме — Вальтер.

— Здравствуйте, Хорст! — сказал он, пожимая руку оберштурмбанфюрера. — Шеф ждет вас двадцать минут, и вы будьте готовы...

— Я всегда готов, — перебил его Хорст, — всегда готов, милый Вальтер. Ко всему готов, и даже к разносам шефа.

Но разносов не было, хотя Бёме был мрачен, и таким его Хорст, пожалуй, еще не видел. В домашнем кабинете хозяина особняка пол устилал персидский ковер. В углах высились античные скульптуры, в проемах между шкафами и на свободной от них стене висели настоящие фламандцы и подлинный Дюрер. В эсэсовских кругах обергруппенфюрер считался снобом. Он сидел в низком кожаном кресле и лениво махнул рукой, приглашая сесть рядом вытянувшегося в дверях с выброшенной вперед рукой Хорста.

— Садитесь, Хорст, и притворите за собой дверь, — сказал Бёме. — В этих самолетах страшные сквозняки, и мне не хотелось бы иметь их у себя дома.

Вышколенный и умный, оберштурмбанфюрер отлично знал, как вести себя с начальством, даже если оно принимает дома. Он осторожно перешел к такому же креслу, в каком сидел шеф, и присел на краешек сиденья.

Бёме усмехнулся:

— Так вам будет неудобно, Хорст, а разговор у нас долгий. Садитесь посвободнее. — Он показал на маленький низкий столик, заставленный бутылками и снедью: — Подкрепляйтесь, Хорст. К началу разговора нужно подготовить не только голову, но и желудок.

— Я готов служить вам и фюреру, экселенс! — Эту фразу Хорст произнес, слегка привстав в кресле.

— Выпейте рюмку мартеля, Хорст. Сами французы — распутное дерьмо, но коньяки у них неплохие.

— С вашего разрешения, я предпочту виски.

— О, вы, оказывается, любитель виски, Хорст...

— Что делать, экселенс, я долгое время жил в Америке, а там пьют виски как молоко, и молоко как виски.

— То, что вы работали в Штатах, хорошо. Это одно из обстоятельств, побудивших меня избрать именно вас. Что ж, пейте виски, вон та бутылка, с краю, а я позволю себе рюмку коньяку.

Хорст выжидающе смотрел на шефа.

— Дело, Хорст, весьма щекотливое и для меня лично неприятное. Я здесь родился, и каждый камень, каждое дерево дороги мне в этом городе. Я не сентиментален, Хорст, в этом вы имели возможность убедиться за время нашей совместной работы, но у нас, немцев, чувство фатерланда развито сильнее, чем у любой нации. Этим мы и сильны, Хорст. И меня, конечно, не может радовать, что этот дом, в котором мы сидим, должен взлететь на воздух и что сделать это должен я своими руками. Но такова необходимость. Вы хорошо знаете учение Фридриха Ницше, Хорст, вы не из тех кретинов, которые, будем откровенны, засоряют нашу партию. Вы помните, как он призывал сверхчеловека не останавливаться ни перед какими жертвами для достижения своей цели. И вы, Хорст, будете тем единственным человеком, который разделит со мной ответственность за избранное средство. Впрочем, — продолжал Бёме, — я ведь, как вы понимаете, тоже лишь ступенька на длинной лестнице, ведущей к небу... Но фитиль подожжете вы, Хорст.

— Фитиль?

— Вот именно, мой Хорст. Вы знаете, какая была здесь паника, когда русские едва не ворвались в город на плечах отходивших дивизий?! Немногие оказались крепкими духом. Эрих Кох со своей свитой, чиновники магистрата, обер-прокурор Жилинский бежали, как крысы с тонущего корабля...

— Жилинского мы расстреляли, — сказал Хорст.

— И правильно сделали. Жалею только о том, что фюрер не повесил, как обещал, этого кретина Коха...

— Крейслейтер Вагнер оказался настоящим наци...

— Да, именно он сейчас на высоте положения, а Эриху пришлось уйти в тень, хотя он продолжает пыжиться, этот осел. Но мы отклонились, — продолжал обергруппенфюрер. — Русские у стен Кенигсберга. Он не должен достаться им во второй раз. 11 января 1758 года, день, когда русские вошли в Кенигсберг, никогда не повторится. Мы оставим большевикам пустыню и горы из их собственных трупов. Немцы будут драться до последнего, а потом взойдут на костер, в котором сгорят русские армии.

— Я начинаю понимать вас, экселенс.

— Вы могли бы сказать об этом и раньше, — проворчал Бёме. Он налил себе коньяку: — Вам, Хорст, я поручаю подготовку секретной операции под кодовым названием «Костер нибелунгов».

● Март сорок пятого года был дождливым. Влажный воздух Балтики собирал тяжелые тучи над Пруссией и обрушивал на землю сильные потоки весенних дождей. Фронт превратился в топкое болото. На дне окопов и траншей чернела холодная вода...

13 марта русские солдаты поднялись в новую решительную атаку. Две недели непрерывных боев за овладение позициями Хайльсбергского укрепленного района. Наконец пал Дойч-Тирау. Еще несколько дней — и русские танки идут по улицам города Людвигсорт. Хайльсбергская группировка, состоявшая в январе из ста пятидесяти тысяч солдат и офицеров, ликвидирована.

На очереди — штурм Кенигсберга.

ПРИБЛИЖАЕТСЯ РАЗВЯЗКА

● Новенький закрытый «виллис» мчался по шоссе Шталупененен — Гумбиннен, резко тормозя и сбавляя ход перед незасыпанными еще воронками... Действующая армия прошла вперед, а вслед за нею устремился второй эшелон: запасные части, мастерские,

медики и интенданты. Оттуда, где уже еле слышно громыхали орудия, встречным потоком шли транспорты раненых и колонны немецких пленных.

Подполковник Климов сидел на заднем сиденье «виллиса», время от времени наклонялся вперед и разговаривал с капитаном Петражицким... Они пробирались в Гумбиннен, где Климов намеревался организовать филиал разведывательного отделения Центра, а возможно, и перебросить туда весь аппарат, занимающийся Восточной Пруссией. Обменявшись несколькими фразами с Петражицким, Климов с интересом осматривал окружающую местность, пытливо вглядывался в осунувшиеся лица пленных немцев и раза два останавливал машину, чтобы поговорить с тем или другим.

Но разговоры эти были однообразными и скучными. Немцы втягивали головы в плечи, испуганно таращили глаза на русского офицера, безукоризненно говорившего на их родном языке, повторяли сакраментальное «Гитлер капут» и напоминали жалких, забитых дворняг, которые ждут, что их вот-вот снова ударят.

Встречались по дороге и беженцы. При первых слухах о русском наступлении они бросились на запад, но Красная Армия опередила их, и теперь они возвращались в покинутые дома.

Климову не раз приходилось видеть вот такие тележки с вьюками различного барахла и маленькими детишками наверху, усталых женщин и испуганных стариков, жавшихся к обочине дороги. Он видел их на Брянщине, под Ростовом, в Моздокских степях и у Белой Церкви, он видел это, страдал и мечтал о том дне, когда другие беженцы пойдут по дорогам чужой земли.

И вот вроде бы и сбылась мечта подполковника Климова, он видит иных беженцев, но почему-то никакого удовлетворения картина эта ему не приносит. И Климов думает, что только смертью нужно карать убийцу — кровь за кровь, смерть за смерть,— но зачем же радоваться, что вон у немецкого парнишки, идущего рядом с тележкой, такие голодные глаза...

Но война еще не окончилась. Климову есть о чем думать, есть о ком заботиться. Там, где гремят пушки, работают советские разведчики, именно работают, а не воюют, хотя где-то далеко, в их личных делах, хранящихся в управлении кадров Центра, перед их фамилиями значатся воинские звания. Они не воюют, а работают... Но как бы им хотелось схватить автомат и во весь рост пойти в атаку! И они ходят в атаку, хотя каждый из них, быть может, ни разу не выстрелил из пистолета...

Два дня назад Климова вызвали к генералу Вилксу.

— Вот так, подполковник! — сказал Арвид Янович. — Второй и Третий Белорусские идут по территории, которая входит в сферу действия вашего отделения. Пора подумать о перенесении места деятельности отделения в тевтонское логово.

— У нас уже все готово, Арвид Янович.

— Добро, что заранее подготовились... Что нового от Януса?

— Янус передает сведения о вооружении и дислокации войсковых подразделений противника. Данные мы передаем вместе с дополнительными сведениями, полученными от других источников, командованию Второго и Третьего Белорусских фронтов.

— Что выяснили с Хорстом? Чем вызван его интерес к Янусу?

— Оказывается, Хорст ищет контакты с Западом и подозревает в этом же Януса. Или даже считает, что Янус — человек союзников. Янус сообщил, что завязывает с Вильгельмом Хорстом дружеские связи.

— Янус молодец,— сказал Арвид Янович. — Сейчас ему особенно трудно. Надо помочь парню. Подбросьте Хорсту через соответствующие каналы сведения, будто наш Янус может помочь ему.

— Так примерно рассуждает и Янус,— проговорил Климов. — В последних сообщениях он высказывает мысль о том, что, возможно, Вильгельм Хорст подозревает в нем американского агента. Янус предлагает начать с Хорстом игру, которую он условно назвал «Три лица Януса». Немцы считают нашего человека своим, Хорст — разведчиком союзников, а на самом деле...

— Знаете что,— сказал генерал Вилкс,— а ведь идея мне нравится. Надо сделать все через Берлин. Подготовьте от моего имени указание на этот счет в Берлин, Профессору. Старый Иоганн сделает это солидно и чисто. А через Слесаря сообщите Янусу о нашем намерении. Пусть он ведет себя с Хорстом так, будто принимает знаки внимания со стороны оберштурмбанфюрера как должное. Но без перехлеста... Если это тот Хорст, которого я знаю, то состязаться с ним Янусу будет трудненько. Вы, подполковник, распорядитесь от моего имени тщательно собрать всю информацию об этом человеке. И как можно быстрее. Я хочу знать, с кем Янус и мы имеем дело. Янус ничего не сумел узнать о Хорсте?

— Пока ничего, кроме того, что мы ему уже сообщили об имевших место попытках Хорста связаться с разведкой союзников.

— Пусть особенно и не пытается проникнуть в тайну Хорста. Может попасть в ловушку! Возможно, что Хорст уже завербован союзниками и работает на них. Дело это щекотливое. Лучше мы здесь соберем все сведения и примем соответствующие меры. Что еще нового?

— Август Гайлитис, которого мы считали потерянным, объявился через запасную явку Слесаря. Жив и здоров. Я передал Слесарю, чтобы он перепроверил обстоятельства его спасения. Сегодня должен быть ответ.

— Пусть Янус и Слесарь будут осторожнее,— продолжал генерал. — Не исключена провокация. Эта бестия Бёме умный гестаповец, всеми силами старается завоевать расположение Гиммлера. Хотя дело идет под занавес, исполнительность и педантичность присущи Бёме, как, впрочем, и каждому немцу. Как бы нам в последний момент не потерять своих людей. Что нового по «вервольфу»?

— «Вервольф» уходит в подполье,— сказал Кли-

мов. — Янус передал интересные подробности. Оказывается, идея принадлежит генералу Рейнгарду Гелену.

— Начальнику отдела ОКХ[1] «Иностранные армии — Восток»? — спросил Вилкс. — Знакомая личность.

— Он самый, Арвид Янович. Но неожиданное в том, что Гелен начал разрабатывать план немецкого подполья, учитывая опыт Армии Крайовой. В частности, деятельность ее командующего генерала Бур-Комаровского, который во время Варшавского восстания попал к гитлеровцам в плен.

— Вот это поворот! — покачал головой Арвид Янович. — Действительно, неожиданный...

— В Бреславле была сосредоточена рота фронтовой разведки, которой Гелен поручил изучать опыт подпольщиков Армии Крайовой. Там же переводились планы Бур-Комаровского на немецкий язык и тут же переправлялись в отдел «Иностранные армии — Восток», Гелену. Собрав и изучив весь аковский материал, генерал Гелен представил свой план создания боевых отрядов, по шестьдесят человек в каждом. Он определил и их основные задачи: военный шпионаж в нашем тылу, подготовка мятежей против советских оккупационных властей, создание террористических групп для убийства наших офицеров из-за угла, оборудование тайных радиостанций, печатная и устная антисоветская пропаганда...

— Серьезный у нас с вами противник, этот Гелен.

— Идею у него перехватил сам Гиммлер. Два месяца он изучал доклад Гелена. Гиммлеру передал его Шелленберг. Потом рейхсфюрер внес незначительные поправки, присвоил себе авторство и громогласно объявил о создании диверсионно-террористической организации «вервольф», поручив формировать ее обергруппенфюреру СС Гансу Прютцману...

— И теперь мы ее имеем, эту организацию, в собственном тылу,— проговорил генерал. — Занимайтесь «вервольфом» и денно и нощно, Климов! Советские солдаты должны воевать, не опасаясь выстрелов в спину... А этого хитромудрого Гелена необходимо взять на особую заметку.

● Материалы о «вервольфе», переданные Янусом в Центр, позволили, как говорится, на корню выдернуть ядовитую поросль диверсантов и убийц из-за угла, выращенную заботами и стараниями гестапо и СД. К сожалению, списки агентуры и тайников, полученные Центром, были далеко не полными.

Постепенно в Гумбиннен собрались почти все сотрудники отдела подполковника Климова.

Алексей Николаевич вместе с Петражицким, теперь уже майором, назначенным его заместителем, мотались по занятой частями Красной Армии территории Восточной Пруссии, помогали армейским органам контрразведки избавляться от банд «вервольфа», организовывали заброску своих людей в немецкий тыл, налаживали новые каналы связи со старыми работниками вроде Януса и Слесаря.

Однажды, когда Алексей Николаевич расположился в одном из небольших городков на южной границе Пруссии и после короткого совещания у начальника Особого отдела армии вернулся к себе, в дверь двухэтажного особняка, который он занимал вместе с охраной и адъютантом — помощником, громко постучали.

Вошел солдат в наброшенной поверх телогрейки плащ-палатке, щегольски заломленной назад шапке-ушанке. Автомат висел у него на плече стволом вниз.

— Подполковника Климова мне,— совсем не по-уставному сказал он и застыл в дверях, слегка прислонившись к косяку.

Климов уже снял гимнастерку, разулся и сидел за столом в носках и меховой безрукавке, надетой поверх нательной рубахи.

— Есть такой. В чем дело? — сказал он.

— Вас просят в «Смерш», товарищ подполковник. Срочно.

— Хорошо,— сказал Климов. — Сейчас приду.

Алексей Николаевич вышел на улицу и двинулся к площади вдоль низких решетчатых заборов, за которыми теснились фруктовые деревья.

Площадь была заполнена солдатами и военной техникой. Все это шумело, кричало, разговаривало, постепенно вливалось в одну из дорог, уходящих на север, а с другой стороны подходили новые танки, автомашины, орудия и полевые кухни.

У входа в здание, занятое контрразведчиками, стоял автоматчик и один из офицеров дивизионного «Смерша».

— Прошу вас, товарищ подполковник,— сказал офицер.

В кабинете начальника «Смерша» Климов увидел одетого в гражданское платье старика. Старик сгорбился на стуле и нервно барабанил пальцами рук, лежащих на коленях.

На звук открываемой двери он не обратил ни малейшего внимания. Только пальцы его прекратили барабанить по коленям.

— Проходите, проходите, Алексей Николаевич.

Моложавый полковник поднялся из-за стола и шагнул навстречу Климову.

— Извините, что побеспокоил. Вот задержали мои ребята этого типа. Говорят, крупный помещик, юнкер. Хотел проскочить на трех грузовиках на запад, но не успел. Батраки из его имения рассказали, что на машинах были крупные ценности, произведения искусства. Но грузовики вернулись пустыми, шоферы сбежали, а хозяин... Вот он сидит, нахохлился, словно филин. — Полковник повел глазами в сторону старика: — Поговорите с ним, Алексей Николаевич. Вы-то, наверное, скорее найдете ключик к этому пруссаку.

Климов с любопытством посмотрел на старика.

— Я вас оставлю,— сказал начальник «Смерша». — Располагайтесь по-хозяйски.

Он вышел. Человек на стуле продолжал сидеть

[1] Верховное командование сухопутных войск вермахта.

сгорбившись. Климов подтянул к себе стопку чистой бумаги, повертел в руках остро отточенный карандаш.

— Как ваше имя? — спросил он.

— Барон Карл фон Гольбах! — выпрямился старик.

● — ...Я никогда не делал и не желал русским ничего плохого. И всегда говорил, что мы должны жить в мире и дружбе. Впрочем, я лишь повторяю слова великого Бисмарка... И вы, конечно, не хотите мне верить.

— Отчего же,— возразил Климов. — Хотеть и верить — разные вещи. Верить я хочу, но...

— Понимаю вас, герр офицер, и я думаю, есть способ заставить вас верить в мою лояльность. Вы, конечно, знаете о моих коллекциях редких книг и картин. Я хотел вывезти их на Запад, но стремительное наступление вашей армии опрокинуло все мои расчеты. Коллекции укрыты надежно, но я покажу вам тайник. Вы победили, и они должны принадлежать вам.

— Они должны принадлежать германскому народу,— тихо сказал Климов,— когда он вновь станет свободным.

— Я плохо разбираюсь в вашем политическом учении, герр офицер, хотя и пробовал читать Маркса. И умру я со своими убеждениями. Барону фон Гольбаху не ужиться с большевиками. Впрочем, жить мне осталось недолго. Но я всегда был против войны с Россией. Это невыгодно моей стране.

— Плохо, что не все ваши соотечественники разделяют это убеждение.

— Да... Последний вопрос. Можно? Берлин еще держится?

— Пока держится. Но, судя по нашему разговору, вы неплохой историк, барон, и, наверное, помните знаменитую фразу генерал-фельдмаршала графа Шувалова, произнесенную им после взятия Берлина во время Семилетней войны в 1760 году...

— Подождите, сейчас... «Из Берлина до Петербурга не дотянуться, но из Петербурга до Берлина достать всегда можно».

Вошел полковник и вопросительно глянул на Климова.

— Господин барон любезно согласился передать советскому командованию на сохранность свои ценные коллекции рукописей и картин,— сказал Климов. — Он хочет немного отдохнуть, а потом покажет тайник. Надо торопиться. Погода сырая, как бы чего не испортилось.

В кабинет вошел сотрудник «Смерша».

— Накормите старика,— сказал полковник. — И дайте ему поспать часа два. Потом свяжитесь с трофейщиками, пусть достают машины и ищут людей. Мы свою миссию выполнили...

Не успела закрыться дверь за бароном, как она вновь распахнулась, запыхавшийся молоденький лейтенант вытянулся в ее проеме и, запинаясь, сказал:

— Разрешите обратиться, товарищ полковник?

Из его сбивчивого рассказа они поняли, что задержан какой-то подозрительный человек, требующий, чтоб допрашивал его офицер в звании не ниже полковника и обязательно в «Смерше». Одет в гражданское, документы на немецкое имя, а по-русски говорит отлично.

— Полковник, значит, ему нужен? — усмехнулся хозяин кабинета. — Стало быть, я подхожу...

В комнату ввели человека в зеленой куртке и охотничьей шапке темно-оранжевого цвета с длинным козырьком.

Он сделал два шага вперед, остановился и спокойно посмотрел вокруг.

Климов пристально глянул на вошедшего, вздрогнул и приподнялся со стула.

— Гайлитис? Август? — шепотом сказал он.

● Подходя к зданию, в котором размещалась военная контрразведка, оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст одобрительно улыбнулся, вспомнив, какое прикрытие изобрели для своей тайной, так сказать, канцелярии его армейские коллеги.

В этот день ярко светило солнце, на небе не было ни одного облака, подтаивал снег в многочисленных скверах, и кое-где на асфальте появились подсохшие серые пятна. Весна, последняя военная весна пришла в Кенигсберг. И в этот солнечный день совсем не хотелось думать о войне. Война казалась такой далекой, и только черные клубы дыма, поднимавшиеся в районе Ратсхофа, напоминали о ночном налете советской авиации.

Конспиративная резиденция военной контрразведки занимала трехэтажный особняк внушительного вида. На первом этаже помещалась станция по искусственному осеменению крупного рогатого скота, о чем свидетельствовал каменный бык, стоявший у входа. И здесь на самом деле была такая станция-прикрытие. Посетители проходили мимо быка в стеклянную дверь: бауэры, пекущиеся о своих коровах, и секретные агенты, которых ждали в комнатах верхних этажей.

Снаружи никто бы не смог определить, что за невинной вывеской скрывается филиал могучего ведомства, созданного в свое время адмиралом Канарисом. Здоровяки в штатском, охранявшие проходы наверх и фильтрующие посетителей, очевидно, были предупреждены о визите оберштурмбанфюрера к их шефу. Они беспрепятственно пропустили его, и на площадке второго этажа Вильгельм Хорст попал под опеку и покровительство щеголеватого обер-лейтенанта, адъютанта оберста фон Динклера, который проводил его до кабинета начальника.

После совместной поездки за город Хорст почувствовал, как резко изменилось отношение Динклера к нему. Ранее подчеркнуто официальный и сухой, оберст вдруг проникся к оберштурмбанфюреру непонятным дружелюбием. Вот и сейчас, когда Хорст пришел к нему по его просьбе, фон Динклер встретил его радушно. Говорил он о разных пустяках, мимоходом пытаясь вызвать Вильгельма на откровен-

ный разговор, выяснить его настроение в связи с крахом в Пруссии и крахом Германии вообще, неожиданно переводил разговор на обергруппенфюрера Бёме и наконец, показав Хорсту, что несколько колеблется, сказал:

— Сейчас мы должны быть, как никогда, едины. К сожалению, и вы знаете об этом, Хорст, между мною и вашим шефом пробежала черная кошка. Почему? Затрудняюсь ответить. Но мне хотелось бы ликвидировать эту кошку раз и навсегда. Я намерен прибегнуть к вашей помощи, ибо вы честный немец и настоящий наци.

— Что я должен сделать для этого? — спросил Хорст.

— Попробуйте устроить нашу встречу в неофициальной обстановке. Так мы лучше сможем понять друг друга. Вы понимаете, Хорст, что в первую очередь я забочусь об интересах рейха.

— Разумеется, господин оберст, я так вас и понимаю.

— Значит, можно считать, что мы договорились? — сказал фон Динклер.

— Сделаю все, что в моих силах,— ответил Вильгельм Хорст.

— Пожалуйста, курите. — Фон Динклер придвинул к Хорсту коробку сигар: — И вот еще что. Мне стало известно, что вы поддерживаете дружеские отношения с гауптманом Вернером фон Шлиденом, старшим офицером отдела вооружения и боеприпасов в штабе генерала Ляша?

— Это мой приятель,— ответил Хорст,— и хороший немец.

— Немец? — усмехнулся фон Динклер. — Так вот считайте, Хорст, что я первым вношу пай в капитал нашей дружбы. У меня есть сведения, что этот самый Шлиден вовсе не немец.

Хорст приподнялся в кресле.

— Да-да! — продолжал оберст. — Я располагаю некоторыми сведениями, что ваш гауптман Шлиден работает на Запад. И вы подумайте о том, что дружба с ним вам может повредить.

— Я уважаю коллег из абвера, бывшего абвера,— с усмешкой поправился Хорст,— но на этот раз они дали маху. Вернер — американский шпион? Работает на Интеллидженс сервис? Что за чушь! А может быть, я русский разведчик, а, господин оберст? У вас что, надежный источник?

— Не совсем,— замялся фон Динклер,— но... Ведь он учился в Штатах... И мы кое-что получили...

— Спасибо за информацию, но она лжива от начала и до конца,— сказал Хорст. — Я тоже жил в Штатах и даже в России, а вы, господин оберст, насколько мне известно, восемь лет проработали в Англии... Простите, но Вернера фон Шлидена я знаю очень хорошо. Неужели вы думаете, что наша служба хуже проверяет людей, нежели вы? Да прежде чем сесть с ним за стол в одной компании, я знал о нем всю подноготную.

— Что ж,— сказал оберст,— может быть, это и не так, но согласитесь, что предупредить вас я был обязан...

● Около семи веков простоял Кенигсберг в устье реки Прегель. Шестьсот девяносто весен прошумело над кровлями его крыш. И самой безрадостной была весна тысяча девятьсот сорок пятого года.

Советские войска стояли у стен Кенигсберга. После разгрома хайльсбергской группировки противника маршал Василевский перебросил освободившиеся части и соединения, огромное количество боевой техники и артиллерии к столице Восточной Пруссии. Он выдвинул перед 3-м Белорусским фронтом основную задачу: готовиться к штурму города.

А Кенигсберг готовился к обороне. Его гарнизон превышал сто тридцать тысяч человек, не считая фольксштурмовцев и мобилизованного на оборонительные работы населения.

Столетиями укреплялась прусская твердыня. Здесь каждый дом был превращен в крепость. Многочисленные форты и доты, пятьдесят километров противотанковых рвов, четыре ряда окопов с блиндажами в три и четыре наката, окутанные спиралью Бруно. Артиллерия Кенигсберга состояла из ста двадцати четырех артиллерийских и минометных батарей, не считая тридцати пяти тяжелых минометов и сотни шестиствольных установок. Пятнадцать пушек стреляли снарядами в тысячу килограммов на сорок километров. Восемьсот шестьдесят два квартала в городе — и каждый из них связан друг с другом единой оборонительной системой.

● По городу Вернер фон Шлиден, которому присвоили недавно звание майора, шел пешком, многие улицы были перекрыты баррикадами, колючей проволокой и рогатками. На машине его путь удлинился бы в несколько раз. Он не знал, зачем его вызывают в гестапо, но днем раньше звонил Вильгельм Хорст и предупредил, что хочет его видеть у себя. Майор Вернер фон Шлиден пересек площадь перед Северным вокзалом и вошел в узкий проулок, в глубине которого находилось здание главного отдела гестапо. Теперь дорогу сюда перекрывал полосатый шлагбаум, охраняемый четырьмя эсэсовцами, по два с каждой стороны.

Один из них проверил документы майора и лениво показал рукой, что тот может пройти по тротуару с левой стороны, где не было ограды.

В приемной Хорста Вернер уже не увидел той миловидной женщины в форме шарфюрера СС — кажется, ее звали Элен,— которую он заметил прошлой осенью, во время первого визита к оберштурмбанфюреру.

Вместо нее за пишущей машинкой возвышался здоровенный парень с гривой рыжих, почти огненных волос, в черном мундире, который был ему явно тесен. Марлевая повязка закрывала его лоб, заставляя топорщиться рыжую шевелюру спереди. Вернера никто не встречал ни у входа, ни в приемной. Рыжий эсэсовец не обращал на него ни малейшего внимания и стучал на машинке. Майор в нерешительности остановился, хотел было обратиться к секретарю в черном мундире, но в это время дверь из кабинета Хорста отворилась, и оттуда вышел оберштурмбан-

фюрер. Увидев Вернера, он, улыбаясь, поприветствовал его, обнял за плечи и повел к себе.

— Вот что, майор,— сказал Хорст, когда они уселись поудобнее и закурили,— нам или, точнее, мне лично необходимо вот такое количество взрывчатки. — Он протянул фон Шлидену исписанный цифрами листок.

Вернер быстро пробежал его и откинулся на спинку кресла.

— Ого! — сказал он. — Куда так много? Ведь этого хватит, чтобы взорвать весь Кенигсберг...

— Не преувеличивай, Вернер. Так уж и весь Кенигсберг... И не задавай лишних вопросов. Ты должен представить мне списки частей и отдельных складов, где мы возьмем эту взрывчатку. Разбросай общее количество так, чтоб в частях ничего не заподозрили.

— И мне снова сопровождать тебя, Вилли?

— В этом необходимости нет. Твоя задача сугубо техническая. С остальным мы справимся сами.

— Все будет исполнено,— ответил Вернер. — Этот листок я могу взять с собой?

— О да! Только не потеряй... И еще... Подождите, Вернер! — обращаясь вдруг на «вы», сказал Хорст.

Уже поднявшийся из кресла Вернер фон Шлиден внимательно посмотрел на оберштурмбанфюрера и снова сел.

— Где-то вы были неосторожны, майор,— сказал Хорст. — Я нарушаю служебный долг, но вы мой друг, Вернер, в наше время это, пожалуй, единственная ценность.

— Я не понимаю вас, Вилли.

— Не буду вас ни о чем спрашивать — вы делаете свое дело, я делаю свое. Но учтите: вами интересуется оберст фон Динклер.

— Фон Динклер? Но ведь его святая обязанность интересоваться всеми офицерами, поскольку он возглавляет военную контрразведку...

«Очень хорошо,— подумал Вернер,— дезинформация Слесаря сработала. Партия «Три лица Януса» развертывается по всем правилам. А правила установили мы сами. Спасибо товарищам! Теперь ты мой самый надежный телохранитель, Вилли Хорст».

— Ладно,— сказал Вильгельм Хорст,— оставим этот разговор. Я вам ничего не говорил. Но имейте в виду, Вернер, это гораздо серьезнее, чем вы думаете. Говорю вам об этом как друг и...

— Договаривайте, Вилли.

— В другой раз, дорогой Вернер, в другой раз!

● На скрещении дорог Метгеттен — Кенигсберг и Кенигсберг — Пиллау стоял коренастый обер-лейтенант танкист.

Он переминался с ноги на ногу и нетерпеливо поглядывал в сторону от Кенигсберга — верно, ожидал попутную машину.

Некоторое время шоссе было пустынным, и офицер несколько раз с явным раздражением смотрел на часы.

Наконец со стороны Метгеттена показался приземистый пятнистый бронетранспортер. Когда он выехал на основное шоссе и стал выворачивать влево, на Кенигсберг, офицер решительно шагнул на середину дороги и поднял вверх руку.

Водитель резко затормозил и приоткрыл дверцу. Офицер сел рядом, и машина двинулась вперед.

В районе Иудиттена бронетранспортер остановил патруль полиции порядка. Не вставая с места, офицер протянул старшему патруля служебное удостоверение. Старший приложил два пальца к козырьку шапки. Водитель сидел неподвижно за рычагами.

— Можете ехать,— сказал старший патруля,— только возьмите влево, через Амалиенау. Впереди дорога перекрыта — разбирают развалины после ночной бомбардировки.

Через час после того как офицер-танкист остановил на шоссе бронетранспортер, его можно было увидеть у здания Центрального телеграфа, а через два часа он был уже неподалеку от форта «Дер Дона».

Если б комендант лагеря военнопленных встретил этого офицера на улице, вряд ли он узнал бы в нем русского, давно ликвидированного службой СД. Август Гайлитис, в кармане которого лежали безупречные документы, отлично справлялся с ролью немецкого офицера.

● Вернер фон Шлиден не любил приглашать к себе в гости. С друзьями он встречался на их квартирах, в ресторане или еще где-нибудь. Но это обстоятельство никем не замечалось, ведь кошелек Вернера всегда был широко открыт для приятелей, друзей и собутыльников, и этого для них было достаточно.

На этот раз майор изменил своим привычкам. Сегодня у него в гостях был оберштурмфюрер СС Гельмут фон Дитрих.

Причина для кутежа имелась основательная: присвоение фон Шлидену майорского чина.

...Гельмут фон Дитрих опоздал на целый час, и Вернер стал уже беспокоиться, что тот не придет совсем.

За тщательно завешенными окнами моросил теплый весенний дождь. За окнами в сгустившихся сумерках притаился большой истерзанный город.

Вернер фон Шлиден занимал уютную квартиру из трех комнат в одном из кварталов Шарлоттенбурга. Обставленная старинной мебелью, квартира эта ничем не выдавала холостяцкого положения ее хозяина.

Саксофон замурлыкал очередное танго, и майор склонил голову, приглашая Ирму. Вдруг раздался звонок, Вернер извинился и пошел открывать.

— Доннерветтер! — сказал Гельмут вместо приветствия. — Тысяча извинений, Вернер. Никак не мог выбраться. Этот твой Хорст...

— Почему мой? — возразил фон Шлиден, принимая мокрую шинель оберштурмфюрера. — Он скорее твой, Гельмут. Но лучше поздно, чем никогда. Идем, я тебя познакомлю...

● — Вы пойдете в Кенигсберг на связь со Слесарем,— сказал подполковник Климов Августу Гайлитису.

После их памятной встречи в дивизионном «Смерше» и сдачи всех материалов и сведений, принесенных Гайлитисом, Алексей Николаевич приказал ему отдыхать трое суток, набираться сил для выполнения нового задания.

Но уже на второй день Гайлитис явился к подполковнику и сказал, что считает преступным отдыхать, когда кругом такое делается, и что он уже наотдыхался, когда валялся в сарае на сене с простреленной рукой.

И Климов решил — они оба уже были в Гумбиннене — отправить Гайлитиса обратно в Кенигсберг.

— Завтра в двенадцать часов дня,— сказал он,— вы пойдете в Кенигсберг на связь со Слесарем. У Слесаря вышла из строя рация. К сожалению, он не смог решить эту проблему на месте. Вы доставите ему запасные части. У Слесаря получите новые сведения от Януса. Речь будет идти о системе оборонительных сооружений Кенигсберга. Понимаете, как это важно сейчас?! Слесарю скажите, что мы имеем информацию о намерении немцев подготовить для нас в Кенигсберге необычного рода пакость. Большего, к сожалению, не знаем. Пусть предупредит Януса.

— Если есть дополнительные данные о «вервольфе»,— продолжал Климов,— пусть Слесарь незамедлительно передаст с вами. Уже есть случаи вылазок этих оборотней. Нужно предотвратить это в зародыше... Ваша форма и документы готовы. Переброской в Кенигсберг будет руководить майор Петражицкий.

Через два дня Август Гайлитис, он же обер-лейтенант Карл Шлоссман, ходил по перерезанным баррикадами улицам Кенигсберга.

● Багровый от обильного количества алкоголя, выпитого за столом, в расстегнутом мундире, Гельмут обнимал за талию хорошенькую Лизхен, подругу Ирмы. А Ирма несколько презрительно посматривала на оберштурмфюрера: она терпеть не могла эсэсовцев, и Дитриха в особенности.

Вернер фон Шлиден довольно улыбался: вечер получился отличный. Стол был отменный, напитков достаточно, а сделать это в осажденном Кенигсберге не так-то просто. И Лизхен с Гельмутом быстро нашли общий язык.

Вскоре после того как пришел Дитрих, Ирма вышла на кухню. За нею следом — майор.

— Что у тебя общего с этим мерзавцем? — спросила она зло, швыряя тарелки с закуской на поднос.

— Ирма, дорогая, ведь мы договорились с тобой. Ты ведь знала, что будет именно Гельмут. Так надо, пойми меня. Бери пример с Лизхен. Она просто расцвела при виде такого бравого молодца.

— Лизхен — курица. Может быть, и мне строить ему глазки, да?

— Перестань. Ты хозяйка в этом доме, и веди себя как хозяйка

Вернер обнял Ирму и притянул к себе.

— Ты у меня хорошая,— сказал он. — Знаешь, не всегда приходится делать то, что нравится... Я очень устал сегодня, очень устал, маленькая. Пойдем к ним...

За столом много пили, ели, потом танцевали. Снова пили, хором пели «Стражу на Рейне», «Хорста Весселя». Гельмут заверял дам, что третий рейх бессмертен и немцы все равно свернут шею большевикам, рассказывал, как он расстреливает дезертиров, приглашал принять участие в казнях, обещая приготовить для прелестных фрейлейн парочку паршивых трусов.

Они пили, танцевали и пели, а в нескольких километрах от города русские батареи занимали огневые позиции.

Бутылки, стоявшие на столе, опустели. Вернер поднялся и прошел на кухню, чтобы откупорить новые.

Вслед за ним в кухню ввалился Гельмут фон Дитрих. Пошатываясь, он подошел к окну и отдернул штору.

— Что ты делаешь?! Свет!

Гельмут махнул рукой. Майор щелкнул выключателем и встал рядом у окна. Оберштурмфюрер прижался к стеклу лбом и смотрел в безглазую ночь, где были дождь и искалеченный город.

— Что с тобой? — сказал Вернер. — Тебе плохо?

— Плохо, очень плохо, мой друг,— тихо сказал Гельмут. — Там, перед ними, я храбрился, а на душе у меня... — Он недоговорил.

Вернер обнял его за плечи:

— Перестань. Будь мужчиной, Гельмут! Не все еще потеряно.

— Не все, это верно. Но из этого города мы уйдем. А я ведь родился здесь, Вернер... — Дитрих сжал кулаки. — Но он им не достанется тоже!

Гельмут схватил открытую майором бутылку и стал жадно глотать из горлышка. Потом с силой поставил бутылку на стол и отер губы обшлагом мундира.

— Пусть,— крикнул он,— пусть приходят! Пусть приходят — и костер пожрет их вместе с тем, что мы здесь оставим!

— Костер? — спросил Вернер фон Шлиден.

ДВЕРЬ ЙОЗЕФА БРАНДТА

● Йозеф Брандт, специалист по хитроумным устройствам, запирающим банковские сейфы, вышел из социал-демократической партии до прихода Гитлера к власти. Он повздорил с секретарем кенигсбергского комитета, уличив его в неблаговидных поступках, и швырнул на стол партийный билет.

Но скорее не выход из партии спас механика от концентрационного лагеря. Новые власти тоже любили хитроумные устройства, у них были сейфы, которые хотелось закрыть понадежнее. Он избежал мобилизации в армию, потом и возраст вышел, но вот когда русские встали у стен Кенигсберга, в фольксштурмовцы старый Йозеф Брандт все-таки угодил,

Две недели назад Йозефа Брандта забрали в гестапо прямо с поста, где стоял он вдвоем с пятнадцатилетним Гансом Крамером, щуплым пареньком, членом «Гитлерюгенда». Йозеф Брандт зябко поеживался на холодном весеннем ветру, мурлыкая под нос мелодию неизвестно кем сочиненной крамольной песенки про «новое оружие», которую втихомолку распевали солдаты «желудочных батальонов» — престарелые вояки из фольксштурма: «Вир альте Аффен зинд нойе Ваффен»[1].

Когда рядом остановился черный «вандерер» и из кабины вылезли эсэсовцы с фельдфебелем, показавшим рукою на Брандта, старик подумал, что гестаповцы, наверно, читают мысли на расстоянии и знают, какую песню он распевал втихомолку на посту.

Первым вылез и подошел к солдатам оберштурмфюрер. Это был Гельмут фон Дитрих. Он спросил, действительно ли старик является Йозефом Брандтом, механиком, специалистом по сейфам. Получив утвердительный ответ, офицер отрывисто бросил:

— Поедете с нами!

По рассказам Йозеф Брандт знал про гестаповские порядки, но, к его немалому удивлению, обращались с ним исключительно вежливо. Не хуже, чем в старые добрые времена, когда мастера приглашали в банк или какую-нибудь фирму для работы над сейфом. В гестапо его привели в кабинет, где высокий, атлетического сложения офицер — проводник называл его оберштурмбанфюрером — усадил Брандта в кресло, угостил отличной сигаретой и предложил сконструировать сложное устройство к стальной двери. Она должна была открываться только после набора соответствующего кода. Когда Брандт был посвящен в общую идею и ответил, что он сделает все так, как просит герр офицер, тот спросил:

— Какой срок понадобится вам для этой работы?

— Две недели, герр офицер, если будут все материалы, инструменты и помощники.

— Вы будете обеспечены всем необходимым. Но, во-первых, помощники не должны знать кода, во-вторых, вы сами обязуетесь под страхом смерти не разглашать ни цели вашего вызова сюда, ни, разумеется, тайны кода. И потом, две недели — слишком большой срок.

Йозеф Брандт выпрямился в кресле:

— Простите, герр офицер, но я работаю в этой области сорок лет и всегда умел хранить тайну. Что же касается срока, то такую работу за меньшее время сделать нельзя.

— Хорошо. Можете приступать немедленно.

Сразу же после разговора в гестапо его отвезли в закрытой машине на один из военных заводов, где все было подготовлено для работы. Помогали Йозефу Брандту специалисты из военнопленных, механики высокой квалификации. Два француза, датчанин и один русский. Все они неплохо знали немецкий язык, и помощниками Брандт остался доволен.

Спали там же. Пища и все необходимые инструменты и материалы доставлялись эсэсовцами. Кормили хорошо, и Брандт, наголодавшийся в последние месяцы, подумывал о продлении срока работы и хотел было заявить об этом офицеру, приехавшему тогда за ним. Но однажды пришлось Брандту заглянуть ему в глаза, и так стало старику не по себе, что он воздержался от всяких намеков. Запирающее устройство механик создал ровно за две недели. Работу принимал хозяин кабинета. Он приехал на завод, осмотрел дверь, проверил действие механизма. Ему же, и только ему, сообщил Брандт условное сочетание букв и цифр, знание которых позволяло проникнуть туда, где будет установлена эта дверь.

Помощников Брандта увели эсэсовские солдаты. Дверь погрузили на грузовик и увезли. Ему было велено ждать. Он долго сидел в опустевшем помещении, но за ним никто не приходил. Брандт пытался выйти, но за дверью, выходящей во двор завода, стоял автоматчик... Истекал второй час ожидания, когда начался артиллерийский обстрел. Старик подумал, что следовало бы пойти в убежище, и в это время во дворе завода разорвался снаряд. Спрессованый воздух вдавил вовнутрь оконные стекла. Они со звоном упали на пол, и два мелких стеклянных осколка впились старику в щеку. Брандт ощутил словно укус, провел ладонью по лицу и с удивлением посмотрел на красную полосу на ладони. Он поднялся с пустого ящика, на котором сидел, подошел к двери и потянул ее на себя... Она подалась с трудом. Брандт потянул сильнее и отпрянул, когда в образовавшуюся щель протиснулась голова мертвого солдата.

Йозеф Брандт помедлил минуту. Словно завороженный, смотрел он на мертвого солдата, упавшего возле двери, на пятно темной крови, расплывающееся под ним. Туловище закрывало дорогу, и Брандт не решался перешагнуть через труп. Потом он сумел это сделать и побежал по заводскому двору к воротам... Он не помнил, как добрался до дома, но очнулся у себя в комнате сидящим на кровати. Брандт пошел на кухню, отвернул кран, увидел, как медленно, толчками вытекает вода, вспомнил убитого и его тут же вырвало.

— Эй, Йозеф, спишь, что ли?

Дверь в кухню отворилась. Брандт повернулся и увидел своего двоюродного брата Курта Мюллера. Ровесники и соседи, они не очень ладили друг с другом. Брандт подозревал, что Курт по-прежнему был связан с партией, но, конечно, вслух никому и никогда не говорил об этом.

— Стучу, а ты не откликаешься. Что с тобой? — спросил Мюллер.

Не любил Брандт откровенничать, да еще с Мюллером, от которого можно ждать любой насмешки, но сейчас что-то подтолкнуло Йозефа Брандта, и он рассказал ему все. И про мертвого солдата у двери он рассказал Мюллеру тоже. Курт слушал внимательно, ни разу не перебил его, потом покачал головой:

[1] Мы, старые обезьяны,— новое оружие (*нем.*).

— За твою старую шкуру я не дам сейчас и пфеннига. Это просто чудо, что ты жив и я разговариваю еще с тобой.

Только сейчас стал осознавать старый механик чрезвычайность своего положения.

— А ты что, не знаешь гестаповцев? Наивный человек! Такое сложное устройство отнюдь не для запирания ватерклозета. Ты залез в какую-то тайну, и тебя должны были устранить. Не будь русского снаряда, домой ты не вернулся бы.

— Что же делать? — сказал Брандт.

— Погоди, погоди!.. Я думаю. Вот что! Оставайся у меня дома. Надеюсь, тебя еще не хватились. Я попробую кое-что сделать, но мне нужен для этого час времени. Надеюсь, что ты и твоя тайна могут нам пригодиться.

— Кому это «нам»? — Йозеф Брандт подозрительно глянул на Мюллера.

— Честным немцам,— ответил Курт.

● — Вы все сделали, Дитрих?

— Так точно, оберштурмбанфюрер. Все военнопленные ликвидированы. Дверь доставлена согласно вашему приказу на объект «К». Там ждут ваших дальнейших указаний.

— Хорошо. Я сейчас еду туда.

Оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст подошел к шкафу, открыл его, снял шинель и повернулся, держа ее в руках, к оберштурмфюреру Гельмуту фон Дитриху.

— Постойте, а старика?.. — Хорст щелкнул пальцами.

— Простите, оберштурмбанфюрер,— замялся Гельмут,— я не успел вам доложить. Старик оставался на заводе под охраной, я занимался дверью и военнопленными. Начался артиллерийский обстрел, часовой был убит, ну и...

— Старик на свободе и до сих пор жив? Да вы с ума сошли, Дитрих! Ответите своей головой, да, головой, черт вас побери! Кретин!

— Оберштурмбанфюрер!

— Молчать! Немедленно отправляйтесь на розыски старика! Пристрелите его на месте! У нас нет времени на соблюдение формальностей. Сейчас же отправляйтесь. Упустите старика — я застрелю вас собственными руками! Марш!

● Гайлитис так и не успел снять немецкую форму. Сверху кто-то набросил ему на плечи серую солдатскую шинель. Но в кабинете командующего фронтом было жарко, и он сбросил шинель и сидел среди советских военачальников в мундире обер-лейтенанта немецких бронетанковых войск... Гайлитис долго рассказывал об обстановке в Кенигсберге, подробно описал систему оборонительных сооружений, передал сведения, собранные Янусом, и все, что сообщил ему для Центра Слесарь. Собственно говоря, это было не совсем обычно — слушать разведчика, вернувшегося из вражеского тыла, сразу на Военном совете. Как правило, его слушают свои начальники. Если надо, перепроверяют данные, уточняют, дополняют, а потом готовят специальную сводку и подают ее по команде. Но сейчас это правило было нарушено. Август Гайлитис рассказывал, а стенографистка в углу бойко бегала карандашом по бумаге. Генералы слушали молча. Они хотели глазами разведчика увидеть изнутри осажденный город...

После совещания в штабе Гайлитис сказал Алексею Николаевичу Климову:

— Янус передал через Слесаря, что наши подозрения в отношении будущей попытки фашистов «хлопнуть дверью» перед уходом основательны.

ЧЕЛОВЕК В ОФИЦЕРСКОЙ НАКИДКЕ

● В последние дни у майора Вернера фон Шлидена, исполняющего обязанности начальника отдела вооружения Первого военного округа, не было ни минуты свободного времени.

Его отдел занимался распределением оружия и боеприпасов, хранящихся на многочисленных складах и в арсеналах Кенигсберга, между частями гарнизона и батальонами фольксштурма.

Командование распорядилось раздать все военные запасы, обеспечить форты двойным и тройным боекомплектом. «Пусть снаряды взрываются, а автоматы стреляют»,— сказал генерал Отто фон Ляш...

Майор мотался по городу, следя за тем, как пустеют арсеналы, контролировал, где и какие части получают то, что им было выделено штабом округа. Однажды, когда он был в арсенале неподалеку от форта «Король Фридрих-Вильгельм III», в Кведнау, комендант арсенала передал ему телефонную трубку.

— Да, это я, майор Вернер фон Шлиден,— сказал Вернер невидимому собеседнику. Потом он плотно прижал трубку к уху, молча выслушал и ответил: — Хорошо! — и положил трубку на рычаг.

● Курта Мюллера не было часа полтора. Йозеф Брандт беспокойно поглядывал на часы, ему было страшно оставаться одному в пустой квартире. Он уже жалел, что рассказал обо всем брату, и снова беспокойно смотрел на часы. Старик поднялся, помедлил с минуту, потом решительно шагнул к двери и спустился по лестнице вниз, в свою квартиру. Едва он успел раздеться, как дверь отворилась и вошел Курт Мюллер.

— Быстро собирайся, Йозеф! — сказал он. — Зачем ты пришел сюда? Тебе надо уходить. Быстро уходить, понимаешь?

Брандт заметался по комнате, хватая вещи.

— Что ты делаешь? Старый черт, одевайся, и пошли. Оставь все здесь...

Брандт выпустил из рук костюм, который он уже вынул из шкафа, и, увлекаемый Куртом, вышел в прихожую, где висел его плащ.

Но уйти им не удалось. Входная дверь распахнулась. В прихожую буквально вломился высокий офицер-эсэсовец, тот самый, что приезжал за Брандтом на черной машине.

Он выхватил пистолет:

— Руки вверх! Назад, в комнату!

Старики подняли руки.

— Повернуться! Марш!

Оберштурмфюрер Гельмут фон Дитрих стволом пистолета толкнул Мюллера в спину.

— Не успели,— не опуская рук, шепнул Мюллер Йозефу Брандту.— Прощай, брат...

— Молчать! — рявкнул оберштурмфюрер.

Он поднял пистолет, намереваясь выстрелить Брандту в затылок, но услышал шаги в прихожей, прыгнул в сторону и встал так, чтобы держать под прицелом и дверь, и братьев.

В комнату быстро вошел человек в офицерской накидке. Увидев его, Гельмут изумленно поднял брови, рука с пистолетом опустилась вниз. Он открыл рот, но произнести не успел ни слова.

Оберштурмфюрер так и умер изумленным и с открытым ртом.

Стоявшие лицом к стене Курт Мюллер и Йозеф Брандт услыхали выстрелы и решили, что уже умерли... Потом они услыхали голос, но уже другой:

— Надо его убрать. Помогите.

Они повернулись и увидели офицера, который засовывал пистолет в кобуру, и труп эсэсовца.

— Кто из вас Йозеф Брандт?

— Я,— выступил вперед старый механик.

— Ваши документы.

Офицер взял в руки удостоверение личности фольксштурмовца, посмотрел и, наклонившись над трупом, засунул его в карман убитого им Дитриха.

— Выходите из дому и идите к соседней площади. Там будет ждать «опель-кадет». Подойдите к водителю машины и назовите свое имя. Он доставит вас в безопасное место.

Йозеф Брандт пожал руку Мюллеру, покосился на оберштурмфюрера и вышел.

— Вы Курт Мюллер? — спросил человек в офицерской накидке.— Останьтесь. Мне нужна ваша помощь.

● Ночью Кенигсберг усиленно бомбила советская авиация.

Утром оберштурмбанфюреру Вильгельму Хорсту доложили, что в районе Понарта обнаружен труп оберштурмфюрера Гельмута фон Дитриха. Судя по всему, оберштурмфюрер погиб от разрыва бомбы.

Хорст в сопровождении автоматчиков выехал на место происшествия. Труп Гельмута лежал там, где его обнаружили. Хорст откинул покрывало, долго смотрел в почерневшее лицо оберштурмфюрера. Невеселые мысли пронеслись в его голове. Хорст не был высокого мнения об умственных способностях Гельмута, но верил в его искреннюю преданность себе. Усилием воли Хорст поборол печальные размышления, отвернулся и механически принял от стоявшего рядом гауптмана пакет с бумагами покойного... Среди документов оберштурмфюрера Вильгельм Хорст обнаружил удостоверение на имя рядового батальона фольксштурма Йозефа Брандта. Хорст внимательно посмотрел удостоверение, сунул обратно в пакет с документами и положил его в карман шинели.

— Он выполнил свой долг, этот доблестный воин фюрера! — громко сказал оберштурмбанфюрер и осторожно закрыл покрывалом черное лицо Гельмута фон Дитриха.

● Юркий «опель-кадет» нырнул в узкий переулок, заехал на тротуар, обогнул обломки упавшей стены и остановился у подъезда уцелевшего дома. Дверца машины открылась, и сидевший рядом с водителем пожилой человек торопливо вошел в подъезд. «Опель-кадет» развернулся, снова его колеса въехали на тротуар. Виляя из стороны в сторону, машина медленно поехала к центру города. Несколько раз водителя останавливали эсэсовские патрули, но пропуск, подписанный самим обергруппенфюрером СС Гансом-Иоганном Бёме, открывал «опель-кадету» дорогу.

На Генераллиманштрассе машина остановилась. На переднее сиденье сел человек в офицерской накидке. Водитель передал ему клочок бумаги, на котором значились цифры. Офицер внимательно просмотрел бумагу, отвел в сторону глаза, снова глянул на листок. Чиркнул зажигалкой и поджег его. Пепел упал на пол машины. Она двигалась теперь по Моцартштрассе. Здесь майор Вернер фон Шлиден вылез из машины. «Опель-кадет» через некоторое время мчался уже вдоль берега реки Прегель. До поворота оставалось несколько десятков метров. В это время тяжелый снаряд упал впереди машины. Ее подбросило в воздух, но, словно кошка, она вернулась на землю всеми четырьмя колесами и продолжала бежать по дороге.

Водитель был мертв. Тело его привалилось к дверце кабины. Двигатель гнал машину вперед, а колеса уже повернули налево. «Опель-кадет» выехал на бровку набережной Прегеля и медленно упал в воду.

Разрыв второго снаряда заглушил всплеск.

Так погиб резидент советской разведки в Кенигсберг, бакалейщик Вольфганг Фишер, по кличке Слесарь.

«ИСТЕРИКУ ОСТАВЬТЕ ЖЕНЩИНАМ»

● Он перестал надеяться, когда узнал о том, что русские уже на Принцессенштрассе. Денщик принес ему черный кофе, и генерал, с неестественно спокойным видом, маленькими глоточками выпил две чашки дымящейся жидкости. Потом вызвал адъютанта и, приказав не беспокоить его, полчаса писал что-то, закрывшись за бронированной дверью подземного кабинета.

В одиннадцать часов утра генерал от инфантерии Отто фон Ляш вышел в небольшую приемную и увидел высокого эсэсовского офицера в разодранной фуражке и с большим кровоподтеком на правой щеке.

— Это к вам, экселенс,— сказал адъютант.

Офицер вытянулся во весь рост и пытался щелкнуть каблуками, но колени его подогнулись, и он рухнул на стул, который едва успел подставить адъютант генерала.

— Можете сидеть,— сказал генерал Ляш.

— Господин генерал,— хриплым голосом произнес офицер,— я уполномочен сообщить вам, что крейслейтер Вагнер собирает совещание по вопросам дальнейшей обороны города.

— Обороны? — Ляш рассмеялся. — Крейслейтер, оказывается, тоже ведает обороной. А я считал, что это моя прерогатива. Я тоже собираю совещание по вопросам обороны, майор. Ровно в тринадцать часов. Можете передать это крейслейтеру Вагнеру...

● Когда первые советские солдаты появились у зоопарка, майор Вернер фон Шлиден находился в полуразрушенном здании варьете.

Чудом ускользнув из павшего уже форта «Мариенберг», где застал его штурм Кенигсберга, он целые сутки безуспешно пытался проникнуть к центру города, чтобы сорвать последнюю операцию гитлеровцев, за которую его «друг» Гельмут фон Дитрих уже заплатил своей жизнью. У самого зоопарка взрывом снаряда Вернера контузило, и вот уже восемь часов подряд он валялся на каком-то тряпье в зале бывшего бара вместе с сотней солдат и офицеров, ждущих с автоматами в руках первые цепи русских солдат.

Неизвестно, как развивались бы события дальше — перестрелка уже началась, а двигаться Вернер мог с трудом,— если бы не увидел он плечистую фигуру Хорста.

— Хорст! — крикнул фон Шлиден. — Хорст!

— Вернер, что вы делаете здесь?

Оберштурмбанфюрер наклонился над ним и сильным рывком помог подняться на ноги.

— Идти можете?

— Попробую, Вилли.

Хорст подозвал пехотного обер-лейтенанта и, сунув под нос ему какую-то бумагу, приказал выделить двух солдат для господина майора. Тот, проворчав о своих собственных раненых, повиновался.

Вернер обнял за плечи двух дряхлых фольксштурмовцев, боязливо поглядывавших на рослого Хорста, требовавшего пошевеливаться, и скоро почувствовал, что силы почти вернулись к нему. Но он продолжал держать за плечи солдат, решив, что беспомощным ему быть пока удобнее.

Артиллерия в этом районе перестала работать: русские опасались задеть своих солдат. Вокруг раздавались лишь взрывы гранат, дудуканье пулеметных очередей и треск автоматов.

На Хуфеналлее, заваленной горящими машинами и обломками зданий, их ждал зеленый бронетранспортер. Водитель нетерпеливо выглядывал из люка и, едва увидев Хорста с майором, тут же включил мотор.

— Вы думаете, мы сможем куда-либо проехать? — спросил фон Шлиден, когда они забрались в кабину.

● ...Бронетранспортер медленно плыл в море разрывов, пламени и обезображенных остатков того, что когда-то называлось Кенигсбергом. Водитель, обливаясь потом, с остервенением ворочал рычагами, бросая машину то вправо, то влево, лавируя среди развалин.

Они были уже метрах в пятидесяти от горевшего здания Северного вокзала, когда из-за опрокинутого трамвайного вагона выскочил эсэсовец и, приставив к животу автомат, выпустил всю обойму по бронетранспортеру.

Водитель медленно поднялся со своего сиденья, протянул руки вперед и, не сгибаясь, повалился на борт бронетранспортера. Хорст выхватил автомат водителя и выстрелил в эсэсовца, который продолжал стоять во весь рост, что-то крича и размахивая руками. Пули Хорста попали ему в ноги. Он подпрыгнул и закружился на месте. Вторая очередь оберштурмбанфюрера свалила его наземь. Хорст отбросил оружие, выбросил труп водителя и уселся за рычаги.

— Возьмите автомат, майор, сегодня слишком много сумасшедших! — крикнул он Вернеру.

Но проехать они смогли не более ста метров. Из бункера выбрался тщедушный парнишка, большеротый, коротко остриженный, в длинном, не по росту, мундире. Он бросился наперерез машине, с размаху упал на землю, и Вернер вдруг увидел в его руках невесть откуда взявшийся фаустпатрон.

— Стреляйте, Шлиден, стреляйте! — страшным шепотом, видно, сорвав голос, прохрипел Хорст.

Пули фон Шлидена упали в асфальт за метр до обезумевшего солдата. Хорст рванул рычаг и бросил машину вправо, пытаясь опередить смерть... Вернер снова вскинул ствол автомата, нажал на спусковой крючок и увидел, как из раструба фаустпатрона вырвалось желтое пламя.

● — Я не принял окончательного решения,— сказал генерал Ляш,— но считаю дальнейшее сопротивление бессмысленным.

Он сказал это довольно тихо. И хотя сверху доносились звуки разрывов, но все, кто находился в бункере, слышали эти слова. Крейслейтер Эрнст Вагнер вскочил во весь рост и протянул руку вперед.

— Это измена! — крикнул он. — Мой фюрер...

Голос крейслейтера сорвался.

Оберст фон Динклер потянул его за полу мундира. Вагнер порывисто повернулся, и в это время генерал Ляш вышел в светлый круг, отбрасываемый на бетонный пол лампами сверху.

Все молчали. Одни таращили воспаленные бессонницей и боем глаза на стоящего в центре командующего, словно надеясь прочесть на его лице грядущее. Другие сидели и стояли, опустив головы. Вернер фон Шлиден вдруг увидел, как поднялся Вильгельм Хорст и за спинами офицеров и представителей гражданских властей осторожно стал пробираться к выходу.

Вчера они уцелели чудом. Сумасшедший парень взял слишком высоко, и смерть в этот раз только дохнула на них, противно провизжав над головой. Бронетранспортер пришлось бросить, но до главной ставки они добрались без особых приключений.

— Истерику оставьте женщинам,— не глядя на

Вагнера, сказал генерал Ляш. — Помимо «Майн кампф» надо заглядывать и в Клаузевица. Сопротивление бессмысленно, господин Вагнер...

Командующий пристально оглядел собравшихся и продолжал после минутной паузы:

— Поймите меня правильно, господа. Русские взяли нас в кольцо. Они отрезали войска гарнизона от моря и земландской группировки. Попытка вырваться нам не удалась. Не смогли пробиться к нам и соединения 4-й армии... На заключение хотя бы краткого перемирия русские не пойдут. Они несомненные хозяева положения. Единственный выход — капитуляция. Поступив так, мы сохраним немцев. Хороший коммунист — мертвый коммунист... Живой немец лучше мертвого немца!

— Простите, генерал... — запинаясь, произнес обер-бургомистр Кенигсберга доктор Гельмут Вилл,— может быть, попробовать прорваться на Пиллау?..

— Поздно спохватились,— сказал Отто фон Ляш. — Русские перерезали дорогу. Поздно... Но, сдаваясь сегодня, мы сохраним нашу Германию для будущего.

Крейслейтер Эрнст Вагнер выхватил вдруг парабеллум, поднес его к виску и скривился от боли, когда адъютант генерала фон Ляша выбил пистолет из руки партийного вождя Кенигсберга. Парабеллум глухо стукнул об пол. Генерал фон Ляш обернулся на звук, помедлил минуту, презрительно глядя на крейслейтера и придерживая рукой бронированную дверь внутреннего каземата.

— Щенок,— сурово сказал он,— мальчишка... Вы еще делали в штанишки, когда я командовал ротой. Найдите ему валерьянку, Генрих.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ КОЗЫРЬ ВИЛЬГЕЛЬМА ХОРСТА

● Когда Вернер фон Шлиден увидел, что Вильгельма Хорста в бункере уже нет, он сказал себе: «Пора!»

Майор двинулся к выходу. Обернувшись в дверях, Вернер заметил, как крейслейтер Эрнст Вагнер прячет пистолет в ящик большого дубового стола, стараясь сделать это незаметно. Руководитель нацистов столицы предпочитал сдаваться в плен без оружия.

В бункере царили смятение и паника.

...А город горел. По времени был полдень, но зловещий дым застилал солнце. Сумерки, пронизываемые молниями разрывов, господствовали над Кенигсбергом.

Вернер мгновение помедлил, стоя на верхних ступенях, ведущих из бункера в этот ни с чем не сравнимый ад, потом рванулся вперед, к дереву с обломанной вершиной, и в это время в здание университета ударил снаряд, бесшумно просыпав на землю чудом сохранившиеся стекла окон. От дерева Вернер ползком добрался к развалинам длинного дома, перевалился через бруствер и упал в траншею, которая привела его к полузасыпанному входу в подвал. Он нырнул в него и увидел десятка два солдат, сидевших на длинных скамьях вдоль стен. Лица их, землистые, покрытые копотью и пылью, были безучастными. На мгновение Вернеру показалось, что это рассаженные мрачным шутником трупы, но винтовки, зажатые между солдатскими коленями, подрагивали, и майор понял, что видит живых людей.

Искоса поглядывая на солдат, не обративших на офицера никакого внимания, фон Шлиден быстро прошел в подвал, подумав о странной форме массового шока. Усмехнулся: «Немудрено... Четвертый день такой музыки».

Через подвал он с трудом выбрался на противоположную сторону разрушенного здания и, прижимаясь к остаткам стен, двинулся к уцелевшей кирке. До нее оставалось не более сотни метров, когда вдруг справа от майора ударила пулеметная очередь. Вернер упал на землю и осторожно повернул голову в ту сторону, откуда стреляли. Путаясь в полах длинной зеленой шинели, по заваленной трупами мостовой бежал долговязый солдат с остекленевшими глазами, без шапки и пояса. Он волочил за собой пулемет, падал через десять — пятнадцать шагов, припадал к оружию и стрелял туда, откуда бежал, спотыкаясь...

Одна из его очередей едва не задела Вернера. Майор лежал у противотанковой рогатки и думал, что совсем уж глупо попадать сейчас под пули. А солдат все бежал по мостовой, заваленной трупами, волоча за собой пулемет, и он был уже недалеко от королевского замка. Но небо, закрытое дымом, разорвал нарастающий вой. Едва не сбив вершину кирки, пикировал советский штурмовик, поливая землю свинцом из пулеметов.

«Черная смерть!» — мелькнула у фон Шлидена мысль.

Он увидел, как солдат в длинной шинели неторопливо поднял руки, подержал их мгновение над головой, повернулся на пятке и рухнул, накрыв пулемет своим телом.

● В это самое время Вильгельм Хорст сидел на дне воронки неподалеку от набережной Прегеля и обдумывал маршрут, который привел бы его к той же кирке, неподалеку от которой, прячась за противотанковую рогатину, лежал майор фон Шлиден. Час назад Хорст был в королевском замке. В комнате, обитой голубым шелком, его слушал обергруппенфюрер СС Ганс-Иоганн Бёме.

— Положение безвыходное, обергруппенфюрер,— говорил Хорст. — Я только что из ставки Ляша. Генерал решает капитулировать. Вагнер и этот доктор Вилл в панике. Войсковые подразделения разобщены, не имеют связи со штабом...

— Ваше мнение, Хорст?

— Умереть за фюрера — это счастье, обергруппенфюрер!

Бёме поморщился:

— Налейте мне вина, Хорст.

Сильный взрыв потряс стены замка. Обергруппенфюрер вопросительно посмотрел на Хорста.

— Нет-нет! — успокоил Хорст. — Дальнобойная артиллерия русских. Наверно, их последний снаряд...

Обергруппенфюрер обеими руками сбрасывал книги одного из шкафов. Он опустошил уже две полки и, заметно нервничая, принялся за третью. Наконец внутри скрипнуло, и шкаф медленно отошел в сторону, обнаружив отверстие в стене.

Дальше была винтовая лестница. По ней они долго спускались вниз. Лестница привела в комнату с низким потолком. Она была совершенно пуста. В трех ее стенах темнели небольшие двери. Под потолком тускло светил плоский плафон.

— Все готово, Хорст?

— Так точно, обергруппенфюрер!

— Давайте ключи. Еще есть такие?

— Только у генерала Ляша.

— Который сдается русским? И передаст им ключи!

— Не беспокойтесь, главное — шифр. Его не знает никто, кроме меня.

— Сообщите шифр,— сказал Бёме.

Хорст подошел ближе, склонился к уху обергруппенфюрера и негромким голосом сказал шифр.

— С этим ясно. Как с убежищем?

— Можно отправляться хоть сейчас

Они вышли из комнаты, пошли коридором, затем свернули направо.

Обергруппенфюрер остановился перед низкой сводчатой дверью и отпер ее ключом. За дверью находилась библиотека: высокие стеклянные шкафы, поблескивающие золотом фолианты.

Они двинулись узким коридором, пригнувшись и освещая дорогу фонарями. Обергруппенфюрер по-прежнему заставлял идти Хорста впереди. Разрывы сюда не доносились. Пахло сыростью и морскими водорослями. Запах водорослей удивил Хорста. «Море ведь далеко,— подумал Хорст. — Откуда здесь водоросли?»

Метров через триста — четыреста — Хорст считал шаги — Бёме приказал ему остановиться. Потом осветил фонарем стену.

— Еще немного вперед. Метров пятнадцать...

Они пошли дальше. Обергруппенфюрер вновь осветил стену, и Хорст увидел железный ящик, вмурованный на высоте полутора метров от пола. Бёме открыл ящик, схватил один из рубильников, спрятанных там, и резко потянул его вниз. Где-то далеко вздохнула земля, и волна затхлого воздуха едва не сбила их с ног.

— Назад хода нет, Хорст,— сказал Бёме.

● Второй штурмовик снова спикировал рядом с киркой, когда Вернер добрался до ее главного входа. Здание качнулось, сверху упала красная пыль. Фон Шлиден толкнул резную дверь и спустил предохранитель пистолета. Так он и вошел в кирку — с пистолетом в руке и в красной от пыли одежде. Вход в подземелье майор нашел быстро. Он разбросал доски, закрывавшие люк, осторожно нащупал кольцо и отсоединил взрыватель контактной мины, о которой его предупреждали. В темноте Вернер спустился по ступенькам, фонарь пока не зажигал, провел рукой по левой стене и, нащупав рубильник, включил свет. Аккумуляторы были свежие, и яркий свет залил бункер. Первую дверь он открыл длинным ключом с замысловатой бородкой, с улыбкой вспомнив, как дважды пришлось делать с него слепок. За дверью был короткий коридор. Вернер помедлил, поднял руку с пистолетом и резко шагнул вперед. Но здесь никого не было. Метрах в пяти от него находилась вторая дверь. Она была даже не заперта. За нею Вернер увидел бункер округлой формы. Яркий плафон наверху освещал пустое помещение.

«Значит, она здесь, знаменитая дверь»,— подумал майор.

Он подошел к ней и остановился, разглядывая. Дверь была овальной формы. По краям — странного вида ручки. Никаких отверстий, ничего похожего на замочную скважину. И только в самом центре двери круглый, вроде телефонного, диск.

— Гнейзенау, Гнейзенау,— пробормотал Вернер. С минуту стоял он неподвижно у стальной двери, пристально рассматривая круглый диск с буквами и цифрами на белых ячейках. — Гнейзенау,— снова повторил он и осторожно стал набирать это слово на диске. «Теперь цифры,— подумал майор,— двадцать восемь — сорок три. И тридцать четыре — восемьдесят два...»

Когда майор Вернер фон Шлиден набрал последнюю цифру и убрал палец из ячейки диска, раздался короткий мелодичный звон и дверь бесшумно отворилась.

● — Сейчас выходим, Хорст. Будьте осторожны,— сказал обергруппенфюрер.

Подземный ход из королевского замка привел их в бомбоубежище под одним из домов по правому берегу Прегеля. Из бомбоубежища они выбрались к набережной и стали пробираться к устроенному Хорстом тайнику.

— Быстрее, быстрее! — торопил обергруппенфюрер Хорста. — Я не намерен попасть в руки русских.

— Позвольте, обергруппенфюрер, но операция «Костер нибелунгов»...

— Не ваше дело, Хорст! У меня есть особые соображения на этот счет,— сказал Бёме. — Идите быстрее!

Они спустились к самой воде, поблескивающей от ближних пожаров. Отовсюду стреляли, пули проходили над их головами. Визжали мины. Королевский замок не был виден под черным покрывалом дыма, окутавшего центр города. По реке плыли трупы.

«Что произошло? — лихорадочно думал Хорст. — Неужели Бёме отказался от операции «Костер нибелунгов»? Приказ свыше, или его инициатива... Понимаю, он хочет купить этой ценой расположение русских, если вдруг попадет к ним в руки... Но, черт побери, в первую очередь я, Ирокез, не получал приказа о ликвидации «Кактуса»... Как ни жаль, обергруппенфюрер, но с этой минуты я уже не служу вам больше!»

С другого берега донеслись крики «ура».

— Поторопитесь, Хорст! — крикнул Бёме.

Через несколько десятков шагов Хорст остановился.

— Это здесь,— сказал он.

Хорст поднял крышку канализационного люка и стал спускаться по скобам. Обергруппенфюрер последовал за ним. Они оказались в подземном зале. Вдоль одной из стен протянулся причал, у которого стояла небольшая, в четыре метра, подводная лодка.

Обергруппенфюрер СС Ганс-Иоганн Бёме прошел вперед, и в тот момент, когда он занес ногу, чтобы поставить ее на борт лодки, оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст ударил его рукояткой пистолета в висок. Ганс-Иоганн Бёме медленно повернулся, недоуменно глядя на Хорста, разжал руку, в которой держал портфель, потянулся к поясу, царапнул пальцами по кобуре пистолета и упал плашмя на корпус подводной лодки.

● Панель щетинилась рубильниками и занимала почти всю стену. Вернер внимательно осмотрел ее и полез в карман за ножом.

Рубильники были сгруппированы по районам города. Вот надпись: «Шарлоттенбург» — и шесть рубильников, от которых идут провода к взрывным механизмам, что поднимут в воздух эту часть Кенигсберга. А вот написано: «Альтштадт». Здесь уже двенадцать рубильников.

На панели указаны форты, важнейшие объекты, которые в соответствии с планом операции «Кактус», она же «Костер нибелунгов», должны взлететь на воздух, как только советские солдаты займут город.

Майор Вернер фон Шлиден вытащил нож и перерезал первые провода, идущие от рубильников к взрывным механизмам.

Не взлетит на воздух королевский замок, останется цел Гауптбаннхоф — Центральный вокзал, сохранятся корпуса судостроительного завода и причалы морского порта, не полетит электрическая искра к складам боеприпасов многочисленных фортов Кенигсберга, и останутся живы тысячи русских солдат, которые через несколько часов будут праздновать победу.

Майор Вернер фон Шлиден обламывает ядовитые иголки «Кактуса», уничтожает страшный «Костер нибелунгов».

— Не слишком ли торопимся, Вернер?

Эти слова были произнесены на английском языке. Майор резко повернулся и сунул правую руку за пазуху. В дверях стоял оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст.

Он дружелюбно улыбался, не замечая перерезанных проводов за спиной майора:

— Впрочем, не Вернер, а Генри... Джон или Ричард... А, коллега?

До последней минуты не сомневался Вильгельм Хорст в том, что Вернер фон Шлиден является сотрудником американской разведки, и, затевая свою собственную игру, полагал, что именно Вернер будет той лошадкой, на которую он, Хорст, поставит в последний, решительный момент. Теперь, когда Вильгельм Хорст увидел вдруг майора фон Шлидена в бункере с панелью, он понял, что недооценивал Вернера, что тот проник в тайну секретной двери, используя свои каналы. Может быть, и смерть Гельмута на счету у этого ловкого парня, которого он давно держал на прицеле... Что ж, это даже лучше. Это замечательно, что они встретились именно здесь, где решается судьба операции «Костер нибелунгов». Да и предупреждение оберста фон Динклера лишь утвердило Хорста в том, что он правильно определил истинное лицо Вернера фон Шлидена, и теперь Хорст не очень удивился, застав майора в секретном бункере с электрической панелью.

Словом, Арвид Янович Вилкс был совершенно прав, когда сказал в Москве подполковнику Климову, что если поручить организацию этого дела профессору Иоганну фон Шванебеку в Берлине, то он сделает все солидно и чисто. Третье лицо Януса создавалось специально для Вильгельма Хорста, он принял навязанные ему правила игры. Теперь Вильгельм Хорст, увидев майора у открытой двери, искренне приветствовал Вернера фон Шлидена.

Это была последняя ошибка оберштурмбанфюрера Вильгельма Хорста. Он сделал шаг вперед.

— Интересно узнать, откуда ты родом, парень,— продолжая приветливо улыбаться, сказал Хорст.— Из Нью-Джерси, Огайо или Оклахомы?

— Моя родина — Дагестан,— просто ответил Вернер.

Длинное лицо Хорста вытянулось еще больше. Улыбка исчезла, Хорст опустил руку на открытую кобуру парабеллума.

— Такого штата нет в Америке,— неуверенно произнес он.

— Этот штат находится в России, Ирокез.

Хорст рванулся к Вернеру, но три пули из пистолета фон Шлидена швырнули его на бетонный пол бункера. Майор повернулся к панели и стал рвать ножом последние провода.

Второпях Вернер не заметил небольшую кнопку и нечаянно придавил ее локтем. Где-то у входа в бункер завыла сирена. Майор замер у панели и глянул на лежащего ничком Хорста.

«А если Хорст не один, если снаружи ждут эсэсовцы?»

Поддевая ножом по две-три проволоки сразу, Вернер фон Шлиден сохранил жизнь району Розенау. Аккуратная прежде панель разлохматилась искромсанными проводами. Майор сунул нож в карман, перешагнул через тело Хорста и осторожно двинулся к выходу, держа пистолет наготове.

Но Вильгельм Хорст еще не был трупом. Вой сирены привел его в чувство. Теперь он все понял наконец.

Хорст приподнялся на локтях и подполз к панели. Силы оставили его, голова тяжело упала. Хорст заставил себя поднять правую руку и опустил вниз маленький незаметный рубильник. Последний козырь был у Вильгельма Хорста. Последний и смертельный козырь. И оберштурмбанфюрер выбросил его, перед тем как умереть.

Когда майор фон Шлиден миновал поворот, в грудь его толкнула волна пыльного воздуха, дрогнули стены бункера. Вернер бросился вперед — и наткнулся на сплошную бетонную стену, закрывшую выход из подземелья.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ...

● Яркое солнце ослепило глаза. Яшка Громакин, разбитной и шустрый малый, прищурился, ругнулся сквозь зубы и опустил тяжелый нож бульдозера на заросшую бурьяном землю. Впрочем, землей ее можно было назвать только условно. Щебень, обломки кирпича, остатки металлических конструкций, истлевшее дерево и затвердевшая пыль развалин... Закладывался новый квартал жилых домов. Он должен был возникнуть на месте разрушенных в войну зданий. От них остались сейчас лишь невысокие холмы щебня.

Громакин быстро снял верхний покров и углублял теперь котлован для фундамента. Бульдозер опустился уже метра на два, когда машина вдруг остановилась... Яшка сдал назад, заглушил двигатель и выскочил из кабины. Нож бульдозера беспомощно лежал на земле. Громакин поковырял носком ботинка красную сырую массу в том месте, где застопорился ход машины, и увидел бетонное перекрытие. «Подвал, что ли?» — подумал Громакин.

— Ты чего встал? Клад нашел, да?

Это кричал прораб Степан Петрович. Он подошел поближе.

— Да-а... Тут рвать надо. Перегони машину и копай в другом месте. А я пойду начальству звонить.

Пока Степан Петрович звонил, Яшка обкопал с одной стороны неожиданное препятствие и увидел овальный то ли проход, то ли окно в бетонной стене, заложенное кирпичом.

Он отодвинул машину подальше, поставил под углом к стене, врубил на полную скорость и ударил приподнятым ножом наискосок по кирпичам. Кирпичи искрошились, но устояли. Прораб бежал от конторки и кричал, размахивая руками, когда Яшка в третий раз бросил на стену бульдозер, ахнул по кирпичной кладке, и она рухнула вовнутрь.

— А если б там снаряды, а? — спросил Степан Петрович. — Торопишься, дурья твоя башка... Куда полез?

Но Яшка уже исчез в образовавшемся проломе. Он чиркал там спичками.

Из пролома тянуло сыростью.

● «Мы, нижеподписавшиеся, прораб участка № 4 Кузьмичев Степан Петрович, нарядчица Чекасина Наталья Ионовна, бульдозерист Громакин Яков Леонидович, составили настоящий акт в том, что 25 июня 1965 года был обнаружен подземный бункер. Внутри бункера находились останки двух человек, на которых была истлевшая немецкая форма. Один лежал возле панели с рубильниками и оборванными проводами. Второй сидел в коридоре перед комнатой с панелью. На его коленях лежал кожаный планшет, поверх которого был пожелтевший лист бумаги. На бумаге было написано по-русски: «Совершенно секретно. Передать в органы НКВД».

● В документах, обнаруженных в планшете майора Вернера фон Шлидена, удалось прочитать некоторые записи.

«...Разрывов больше не слышно. Очевидно, штурм пришел к концу. Часы свои я разбил и теперь не могу определить, сколько же здесь нахожусь. Глупо получилось с Вильгельмом Хорстом. Кстати, я должен сообщить о том, что Хорст все время принимал меня за агента союзной разведки».

«...Батареи бункера работали долго. Сейчас они почти разрядились. Пишу при свете карманного фонаря. Отсутствие воды и пищи не так мучит меня, как осознание того, что не могу выполнить главное задание: передать полные списки «вервольфа», карту с пунктами тайников и имена агентов гестапо и СД, оставленных в Восточной Пруссии. Правда, один экземпляр есть у Вольфганга Фишера. Но боюсь, что с ним неладно... Иначе меня бы нашли. Фишер знал, где я буду в конце штурма».

«...Убежден, что меня когда-нибудь обнаружат, но сам я вряд ли выберусь отсюда. Руки больше не повинуются. Фонарь едва светит. Планшет с документами кладу на колени. Так их найдут сразу. Жалко, что...»

Здесь текст обрывался, карандашная линия соскользнула к краю страницы. Затем шли последние фразы, написанные твердо и крупно:

«Прощайте, товарищи... Капитан Красной Армии Ахмедов-Вилкс».

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

СРЕДА ОБИТАНИЯ

РОМАН

1

Прохор Савельич Баланин, кладовщик совхоза «Орлинский», встал рано. В половине шестого он уже вышел из дома, выпустил кур из сараюшки и, зябко поеживаясь, пошагал по тропинке через запущенный парк. В совхозе началась копка картофеля, и Баланин торопился. В шесть к складу должны были подъехать машины за ящиками.

Солнце с трудом пробивалось сквозь густой утренний туман, начинающая жухнуть трава серебрилась от росы. «И не выкосил никто,— пожалел Прохор Савельич. — Скотину люди не держат — коров по пальцам пересчитать можно».

Склад помещался в старой церкви с разрушенным куполом. Закрыли церковь еще в тридцатые годы. Все хотели приспособить под клуб, да так и не дошли руки. После войны устроили здесь склад. Сначала хранили капусту и картошку. Несколько лет назад приезжала какая-то комиссия из района. Сказали, что от сырости здание разрушается. Овощи хранить запретили, и теперь там складывали ящики.

У церкви было пусто — не подъехал пока ни один грузовик, Баланин, с трудом подняв лицо к разрушенному куполу, привычно перекрестился,— был Прохор Савельич от рождения горбат, а к старости и совсем скрючился. Ходил, глядя себе под ноги. Открыв огромный амбарный замок, кладовщик вошел в церковь.

«Пока они там чухаются,— подумал Прохор Савельич о шоферах,— я успею дюжину ящиков починить». И пошел было за алтарь взять молоток с гвоздями, но едва не споткнулся о распростертое на полу тело. Баланин хотел выругаться, подумав сначала, что запер с вечера на складе кого-нибудь из деревенских забулдыг, но увидел около головы лежащего лужицу запекшейся крови.

— Этого еще не хватало,— прошептал старик и, опустившись на колени, попытался перевернуть лежащего на спину. Но все его лицо было залито кровью, и Баланин испугался. Ему показалось, что у человека разбит череп.

— Ох ты, господи, беда-то какая! — теперь уже крикнул Прохор Савельич и, поднявшись, побежал к выходу.

К церкви как раз подъехал грузовик. Кинувшись к водителю, Баланин замахал руками и закричал:

— Павлик, вылазь поскорее! Человека убили!

Шофер не спеша вылез из кабины и с недоверием глядел на старика.

— Из наших, что ли?

— Откуда я знаю. Весь в кровище. Пойдем! — Прохор Савельич дернул шофера за рукав ватника.

Павлик шел с неохотой, и старик все время подталкивал его:

— Давай, давай. Может, он жив еще...

Вместе они перевернули лежавшего навзничь. Это был молодой мужчина с маленькой бородкой и тонкими усиками. Из-под синего старенького халата торчал воротник замшевой куртки.

— Нет, не наш. — Павлик внимательно разглядывал мужчину. — Я его ни разу не видел...

— Никак, дышит,— сказал Прохор Савельич. — Ты, Павел, давай его в больницу вези.

— Не надо трогать,— проворчал шофер,— умрет в дороге, потом хлопот не оберешься. Я счас «Скорую» вызову.

— К Филиппычу стукнись,— попросил Баланин. — Все равно мимо поедешь.

Филиппыч, старший лейтенант Владимир Филиппович Мухин, был участковым инспектором и жил в их деревне.

Когда он приехал к церкви на своем мотоцикле, собралось уже довольно много народу — шоферы, несколько женщин, присланных из города в подшефный совхоз на уборку.

— В больницу-то Пашка Гавриков спугался на своей машине везти,— сказал кладовщик, когда они вошли в церковь и старший лейтенант молча остановился около лежавшего на полу мужчины.

— И правильно,— хмуро отозвался Мухин. — Сейчас приедут. Я тоже позвонил... Народу много потопталось? — обернулся он к старику.

— Не. Только я да Пашка. И женщина одна, из городских. Объявилась, что доктор, а как посмотрела, так плохо ей стало.

— Не наш,— сказал участковый, покачав головой. Совсем, как перед этим шофер Гавриков. — Ты, Прохор Савельич, расскажи-ка, что и как?

— Рассказывать тут нечего,— Баланин прислонился к ящикам. Ему было трудно смотреть снизу на рослого милиционера. — Замок открыл...

— Замок был цел? — удивился Мухин.

— Целехонек. И засов задвинут.

— А ты контрольку в замок ставишь?

— Ставлю. Как же. Хоть и невелико богатство, а поживиться есть чем. Ты, Филиппыч, не сомневайся — все в целости было. И замок и контролька. Я,

как наткнулся на него,— старик кивнул на распростертого мужчину,— подумал сперва, что из наших алкоголиков. Забрался с вечера да заснул... Но потом вспомнил — церковь я вчера днем закрыл — с полдня правление заседало...

Приехала «Скорая». Пожилой врач осмотрел лежащего, покачал головой. Потом кивнул двум санитарам, стоявшим с носилками тут же.

— Погодите минуту,— попросил старший лейтенант. — Может, документы при нем есть? — Он стал на колени, отвернул полы синего халата, который был надет на пострадавшем, осмотрел боковые карманы замшевой куртки. В них ничего не было. Потом сунул руку во внутренний карман, на мгновение замер и тут же вытащил большой черный пистолет. Один из санитаров присвистнул.

— Ничегосеньки! — сказал старик Баланин. — А документа нету?

Участковый несколько секунд смотрел на пистолет, потом вынул платок, завернул в него оружие и спрятал в сумку. Из другого кармана вытащил ключи на тонком колечке. Один — маленький, французский, другой — длинный, с какой-то очень сложной бородкой.

— Больше ничего. Вы его везите. Я в больницу наведаюсь.

Мужчину унесли.

— Ну что, Андрей Петрович? — спросил участковый врача.

— Тяжелый случай. Не по нашим силенкам. Тут, похоже, опытный нейрохирург требуется. Сейчас с Гатчиной свяжусь.

Врач ушел. Было слышно, как заурчал мотор, потом, уже издалека, несколько раз донесся вой сирены...

— Как же он сюда попал? — задумчиво сказал инспектор, осматривая склад. Всюду высились горы ящиков, пустые бочки. — Другого хода нет?

— Был, да его давно кирпичом заложили,— отозвался Баланин.

— Все же посмотрим.

Осторожно обойдя темное пятно, расплывшееся на мраморных плитах пола, они прошли за иконостас. Когда-то там был вход, но дверной проем был прочно заделан кирпичной кладкой.

Старший лейтенант для верности потрогал кирпичи рукой.

— Ладно, Прохор Савельич,— сказал Мухин. — Похоже, дело серьезное, надо начальству в район доложить. Давай-ка запрем храм божий, да поеду я названивать.

— Не выйдет закрыть,— покачал головой Баланин,— надо ящики мужикам отдать. Мне директор башку открутит. Сам понимаешь — каждый день дорог.

— Ладно,— согласился участковый,— ящики пускай забирают от дверей, а внутрь — чтоб никто ни ногой.

Позвонив с почты в район, инспектор Мухин заехал в поселок Дружная Горка, в больницу. Оказалось, что потерпевшего уже отправили в Гатчину. «Быстро они сработали,— с одобрением подумал Владимир Филиппович. — Бывает, «Скорой» часами ждать приходится, а тут...» Он заглянул в кабинет к главврачу, своему старому приятелю и верному товарищу по охоте.

— Как живем, Иван Иванович?

— Ты по поводу раненого? Увезли...

— Знаю. В сознание не приходил?

Главврач, не старый еще, но совсем лысый, с маленькими острыми глазами, мотнул головой:

— Ты что! Довезут ли еще?

— Ударили?

— Нет, Филиппыч, не ударили. Похоже, что он откуда-то упал. Пролом черепа и бедро сломано.

— Упал он на мою шею,— сердито сказал Мухин. — А впрочем... Так, так, так. — Он хитро сощурился. — Упал, значит? Проверим.

Иван Иванович смотрел на него с чуть заметной улыбкой. Он знал, что его приятель — мужик во всех отношениях основательный, но тугодум.

— Ты мне, Иван Иваныч, скажи — ничего при нем не обнаружили? Я наспех посмотрел...

Главврач открыл ящик стола и положил перед инспектором два ключа на брелоке в виде какой-то большой монеты.

— Все, и боле ничего.

— Ни документов, ни записной книжки?

— Ничего.

Мухин взял ключи. Внимательно осмотрел их. Ключи были от автомобиля.

— Ты мне, Иваныч, позвони, если будут новости. — Он поднялся. — А я поехал начальство встречать. Из уголовного розыска инспектор приедет.

То, что пострадавшего не ударили, круто меняло дело. На участке Мухина уже несколько месяцев не было никаких серьезных происшествий, и утренний вызов его огорчил. Теперь же появилась надежда, что произошел несчастный случай. Правда, несколько странный несчастный случай — это инспектор понимал. У пострадавшего в карманах вместо документов, как должно быть у каждого порядочного гражданина,— пистолет ТТ. Ни паспорта, ни удостоверения личности, ни записной книжки. Ключи от дома, ключи от автомобиля. А где этот дом? Где автомобиль? Инспектор сделал еще одну заметку на память. Подумал: нельзя скидывать со счета и такой вариант — мужчине могли «помочь» упасть... Но у Владимира Филипповича имелась своя версия, и ее следовало поскорее проверить.

К тому времени, когда из Гатчины приехал инспектор уголовного розыска Гапоненко, Мухин еще раз облазил церковь, долго, задрав голову, разглядывал разрушенный купол, шепча себе под нос: «Свалился он на мою голову. Как пить дать, оттуда свалился». Потом, распугивая кур и гусей, объехал на мотоцикле село, все его закоулки дальние и ближние концы.

Они сели с Гапоненко на бревнах, рядом с церковью, закурили, и Мухин подробно рассказал инспектору о случившемся.

Владимир Филиппович недолюбливал Гапоненко. Встречаться им приходилось не часто, но даже из этих редких встреч Мухин вынес впечатление, что капитан — человек равнодушный. Главное, что раздражало Мухина,— так это то, как легко и быстро капитан делал выводы и как потом легко отказывался от собственного мнения. Владимир Филиппович если делал после долгих раздумий какой-нибудь вывод, так стоял на этом до конца. Гапоненко чувствовал, что дружногорский инспектор его не жалует, и держался с ним настороженно.

— Ну и что ты думаешь об этом? — спросил Гапоненко.

— Думаю, что приехал человек пошарить — нет ли в церкви икон. Этих шаромыжников развелось много. Вон в прошлом году Рождественскую церковь обчистили....

— Знаю.

— Залез он через разрушенный купол. — Мухин поднял голову и показал на ржавый скелет купола. — Там и лестница валяется. Я проверил. Залезть-то залез, да сорвался...

— Логично. Только почему же лестница валяется? Что он, залез, а лестницу спихнул? Или ветром сдуло?

— Нет. Лестница здоровенная. Откуда он ее только приволок?

— Проверь,— строго сказал Гапоненко.

— Видать, матерый дядя. Пистолет в кармане, документов никаких.

— Ты, Владимир Филиппович, протокол оформил?

Мухин кивнул.

— Все чин чином? С понятыми?

Мухин пропустил этот вопрос мимо ушей и продолжил:

— Ключи от машины в кармане. А машины нет. Я все объехал. Нету. В карманах у него никаких билетов нет. Значит, скорее всего на машине прибыл.

— Машину будем потом искать,— сказал Гапоненко. — А сейчас давай займемся делом. — Они встали с бревен и пошли к церкви...

Вечером Мухину позвонил главврач дружногорской больницы. Потерпевший скончался, не приходя в сознание, по дороге в Гатчину.

На следующий день утром мальчишки обнаружили в кустах у соседней деревни Лампово автомашину «Жигули» с ленинградским номерным знаком. Ключи, которые были в кармане пострадавшего, к автомашине подошли. В «бардачке» «Жигулей» лежали водительские права на имя Анатольева Дениса Петровича.

Владимир Филиппович долго сравнивал фотографию, наклеенную в водительских правах, с фотографией погибшего и в сомнении качал головой. И борода и усы на карточках были одинаковые, и овал лица похожий, а люди были разные.

А когда он, приехав в Ленинград и выяснив в Петроградском райотделе ГАИ адрес Анатольева, явился вечером на его квартиру с неприятным чувством, что он несет родственникам печальное известие, Анатольев сам открыл ему дверь. Оказался он совсем не таким, как на карточке,— толстым, кучерявым и добродушным.

— Права-то мои, голуба,— удивленно крутил он головой, рассматривая водительское удостоверение. — Скажу так — корочки мои, а физиономия чужая. Ну и личность! Какой-то типус-опус. — Анатольев вытащил из пиджака другое водительское удостоверение. На нем стоял штамп «дубликат», с фотографии смотрел сам Денис Петрович.

Полтора года назад, по словам Анатольева, он остановился около магазина купить хлеба. Было жарко, пиджак висел в машине. Денис Петрович взял только мелочь из кармана. Вернувшись через несколько минут из магазина, машины на месте не обнаружил.

Мухин, разглядывая улыбчивого и добродушного толстяка, почему-то неприязненно думал, что Анатольев не за хлебом ходил, а скорее всего пиво пил. Но к делу это никакого отношения не имело, и старший лейтенант спросил:

— А машина у вас была «Жигули»? Третья модель?

— Да, третья. Машину нашли через неделю на Таллинском шоссе, а пиджачок-с — увы. Вместе с правами, деньжатами и прочей полезной мелочью... Вперед наука!

— Нашли, значит, машину,— разочарованно сказал Мухин, уже выстроивший свою версию.

— Да, целехонькую. Даже приемник не вытащили.

Экспертиза подтвердила, что фотография на украденном у Анатольева водительском удостоверении переклеена, печать подделана. Подделан и штампик о годовом техническом осмотре в техпаспорте на машину.

В тот же день в научно-техническом отделе Главного управления внутренних дел была произведена трассологическая экспертиза пистолета, найденного у разбившегося в Орлинской церкви мужчины. В пулехранилище Главного управления имелась пуля, которой две недели назад был убит научный сотрудник института литературы Николай Михайлович Рожкин.

2

К вечеру стало чуть прохладнее. Подполковник Корнилов почувствовал, как в открытое окно потянуло свежим ветерком, стих уличный гул, и только время от времени грохотали по Литейному трамваи да с нарастающим шелестом проносились троллейбусы. Заглянул в кабинет франтоватый Бугаев.

— Звонили из Сестрорецка, товарищ подполковник. Задержали там бродягу на пустой даче. Очень похож на Степку Прыгуна...

— Степан Валерьяныч объявился?

— Полной уверенности нет — молчит. Но похож... Ребята из Сестрорецка зря бы не побеспокоили...

— Похож... похож... Это я уже слышал,— недовольно сказал Игорь Васильевич. — Ты мне сразу скажи, как только его опознают. А потом уж сам беседы с ним беседуй.

— Будет сделано! — улыбнулся Бугаев.

Степана Прыгунова, квартирного вора и пьяницу, Ленинградский уголовный розыск искал полгода. Корнилов даже подозревал, что Прыгунов окончательно спился и умер где-нибудь под забором.

— Так я домой, Игорь Васильевич! — сказал Бугаев. — Мама сыночка ожидает...

— Она же у тебя на даче? — спросил подполковник, подозрительно оглядывая с иголочки одетого капитана.

— Все верно! Через десять минут электричка. Ребята обещали до Финляндского подбросить. — Уже уходя, он сказал: — А у вас, Игорь Васильевич, наверное, борщ дома стынет? Ольга Николаевна заждалась.

— Она у меня сегодня в поликлинике дежурит,— улыбнулся Корнилов.

Потом зашел Белянчиков. Они поговорили минут пять о делах на завтра. День прошел без серьезных происшествий, можно было со спокойным сердцем собираться домой. Корнилов закрыл окно, подергал по привычке ручку сейфа.

— Ты на машине или пешком? — спросил Белянчиков.

— Пройдусь пешочком.

Они вышли в приемную. Секретарь отдела Варя Дудышкина уже давно ушла. В большом кресле, тяжело навалившись на подлокотник, дремал старший лейтенант, рядом с ним стоял толстый черный портфель... Светлые длинные волосы растрепались, упали на загорелое лицо. Загар у него был плотный, красноватый, и Корнилов подумал о том, что посетитель приехал из деревни. Услышав щелчок замка, старший лейтенант поднял голову и вскочил, убирая со лба волосы.

— Вы ко мне? — спросил Корнилов.

— Так точно, товарищ подполковник. Старший лейтенант Мухин из Гатчинского района. Из Орлина, товарищ подполковник.

— Чего ж вы тут дремлете? — строго сказал Игорь Васильевич.

Мухин смутился.

— Девушка сказала, что вы заняты... чтобы я подождал. Ну и...

— Ладно, заходите,— подполковник открыл дверь. Махнул на прощание Белянчикову.

— Вы меня извините, товарищ подполковник,— извиняющимся голосом начал Мухин, входя в кабинет, но Корнилов перебил его:

— Да чего уж, ладно. — Корнилов, пригласивший Мухина на шесть часов, решил, что тот сегодня уже не приедет. Из Орлина добираться не ближний свет, если нет машины. — Это наша секретарь виновата, заставила вас ждать, а сама ушла. Садитесь, докладывайте...

•

Когда человек долгие годы занимается одним и тем же делом, вместе с опытом, с навыками, позволяющими работать лучше, быстрее, у него складывается стереотип мышления — повторяющиеся исходные ситуации подсказывают ему определенный конечный результат. Есть десятки и сотни профессий, где такой стереотип мышления — благо. Но только не в работе с людьми. Мотивы человеческих поступков при всей их кажущейся определенности не поддаются строгой классификации. Они, как папиллярные узоры на пальце, неповторимы. Долгий срок работы в уголовном розыске привел подполковника Корнилова к мысли о том, что при расследовании преступления, особенно сложного, всякая попытка искать аналогий в уже раскрытых делах может завести в тупик. В работе уголовного розыска, считал он, самое страшное дело — утерять новизну восприятия. Поэтому, когда на следующий день на совещании в отделе майор Белянчиков начал вспоминать не слишком давнюю историю спекулянтов старинными иконами, перессорившихся из-за награбленных ценностей и пытавшихся убить своего же товарища, Игорь Васильевич остановил его:

— Юрий Евгеньевич, пустая затея насаживать новое дело на старую колодку. — Он недовольно побарабанил по столу длинными пальцами. — Запутаемся. Давайте танцевать от печки.

— У нас и печки-то нету, товарищ подполковник,— сказал Белянчиков. — Пустое место, ноль.

— Лучше строить на пустом месте, чем потом разрушать старое!

Подполковник сказал это с нажимом, и все, принимавшие участие в оперативном совещании, поняли, что словесная разминка закончилась.

— Лебедев,— обратился Корнилов к молодому блондину. — За последние два дня не было никаких заявлений об исчезновении людей?

— Нет, товарищ подполковник. Даже дети не терялись.

— Тогда ноль действительно абсолютный. Давайте распределим обязанности. — Игорь Васильевич развернул сложенный вчетверо лист бумаги, разгладил его. — Я осмотрел ключи, найденные у погибшего. Скорее всего это ключи от его квартиры. Один очень сложный. Не уверен, но думаю, что ключ и замок, который им открывается, делал очень хороший мастер. В магазине такие не продаются. Ты, Володя, займешься ключами,— кивнул Корнилов Лебедеву. — На всякий случай проверь и в торговой сети. А потом постарайся найти умельцев, которые способны создать такие замки. Зайди, кстати, к Ерофееву, он большой специалист по замкам.

Ерофеев работал в их управлении и слыл знатоком по части взломов.

— Бугаев займется автомобилем. Машина, наверное, краденая. Может быть, в розыске. Номера, я думаю, перебиты. Пускай в НТО проведут срочную экспертизу.

— Да, попался нам субъект — ничего своего, все чужое. Как в том анекдоте...

— В каком еще анекдоте, Сеня? — почти ласково спросил подполковник.

— Про старушку, которая вставную челюсть в стакан опустила, после того как протез с ноги сняла,— весело сказал Бугаев.

— В следующий раз за такие анекдоты буду ставить на дежурство в выходные. А по машине чтобы завтра к вечеру была полная ясность. Понял?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Юрий Евгеньевич, тебе придется пойти к вдове Николая Михайловича Рожкина. С нею уже много раз беседовали. Не очень-то удобно опять ее дергать... — Корнилов поморщился. — Но выхода нет. В прокуратуре, кстати, недовольны тем, как расследуется это дело. И наши коллеги из Петроградского района не слишком расторопно действуют...

— Понятно,— кивнул Белянчиков. И спросил: — А не стоило бы кому-то из нас в Орлино съездить? У этого человека могли сообщники из деревенских быть: откуда он про иконы узнал?

— Местный участковый инспектор тоже так считает,— сказал Корнилов. — Он у меня вчера вечером был. Хорошее впечатление мужик производит. Жаль, что лет уже немало — я бы взял его в управление. Такой с виду увалень, а цепкий. Сорок лет — старший лейтенант. До капитана, конечно, дослужится. — Подполковник покачал головой. — Трудная у них служба, у деревенских инспекторов.

— И у городских нелегкая,— тихо сказал Бугаев и хитро глянул на Корнилова, но тот никак не отреагировал на его реплику.

— Участковый инспектор подозревает, не работал ли погибший в совхозе на уборке. Среди тех, кого шефы в помощь присылают... Не обязательно в этом году. Мог и в прошлом работать. Заприметил иконы. До поры до времени не мог выбраться.

— Тоже вариант,— согласился Белянчиков.

— Шефы у совхоза постоянные — «Красный треугольник» и институт Гипрохим. Ты, Юрий Евгеньевич, поручи райотделу заняться. А в совхоз пока повременим ездить. Пускай там инспектор Мухин поработает. Да и некого пока туда послать. — Сказав так, Корнилов подумал о том, что неплохо было бы и самому съездить в Орлино. В прошлом году, разматывая историю гибели старшего помощника с теплохода «Иван Сусанин», он побывал в этом красивом селе на берегу озера.

Всякий раз, когда представлялась возможность, подполковник выезжал на место преступления сам — ощущение реальной обстановки давало ему возможность более свободно строить свои гипотезы.

— Какие еще вопросы, сомнения, предложения? Нет? — Игорь Васильевич оглядел собравшихся. — Ну тогда ножками, товарищи. Ножками!

3

В те редкие дни, когда Юрий Евгеньевич Белянчиков не задерживался на работе, жена и сын ужинать без него не садились. У них даже сложился настоящий ритуал для таких случаев. Ирина Степановна накрывала ужин не на кухне, где они обычно ели на скорую руку, а в большой комнате, служившей им и гостиной, и спальней, и столовой. За едой почти не разговаривали. Вечерние беседы начинались за чаем. Костя Белянчиков докладывал отцу все свои школьные новости. Он учился в восьмом классе. Тут же, на импровизированном семейном совете, решались всевозможные спорные вопросы. Такие, например, как стоит ли обижаться на своего товарища Нахапетова, который поехал в Павловск, куда они давно собирались поехать вместе, не с Костей, а с двумя девчонками из их класса. Или сделать вид, что ничего не произошло? Права ли историчка Варвара Сергеевна, рассказавшая на уроке, что слова «И ты, Брут?» были сказаны Цезарем, когда он увидел Брута среди заговорщиков, напавших на него. А он, Костя, читал у Светония, что Цезарь воскликнул: «И ты, мой мальчик?» Потому что Брут якобы был его сыном.

Дело в таких спорах обычно завершалось тем, что отец с сыном зарывались в книги, а мать уходила на кухню мыть посуду. Потом Юрий Евгеньевич играл с Костей в шахматы. Костя был очень самолюбив и азартен, не любил проигрывать, а отец считал, что поддаваться сыну, даже в игре, нельзя. Это может нежелательно сказаться на его характере, приучит Костю к легким победам. Дело иногда кончалось слезами, и Ирина Степановна выговаривала мужу, что он мог бы и поддаться. Подумаешь, игра, а ребенок теперь разнервничался и будет плохо спать. Но Костя быстро отходил, возвращался из своей комнаты как ни в чем не бывало и спрашивал отца:

— Пап, а все-таки я тебя здорово прижал двумя конями. Если бы не зевнул ладью, то выиграл.

Юрий Евгеньевич соглашался, и все заканчивалось миром. Костя шел спать, а Белянчиков выпивал еще чашку чаю и выслушивал теперь все новости из конструкторского бюро, в котором работала Ирина Степановна. Потом он ложился на диван, читал «За рубежом» или «Наш современник». Иногда просматривал «Следственную практику». Но к этому журналу он относился с профессиональной пристрастностью, считал, что сложные дела расследуются там слишком гладко, замалчиваются неудачи и промахи, все следователи выглядят тонкими психологами и прозорливцами. Если на завтра на службе не намечалось каких-то серьезных дел, в одиннадцать Белянчиков ложился спать. Когда же такие события намечались, Юрий Евгеньевич удалялся на кухню, служившую ему одновременно кабинетом, и часто просиживал там за полночь. Он устраивался за кухонным столом, разворачивал толстую ученическую тетрадь за девяносто шесть копеек и детально продумывал каждый свой шаг, каждую фразу. И это повторялось всегда — готовился ли он к серьезной операции по поимке преступника, или просто собирался встретиться со свидетелями, опросить потерпевших. Во-первых, Юрий Евгеньевич был педант, а во-вторых, он являл собой тот редкий экземпляр человека, который не только хорошо знает свои недостатки, но и по мере возможностей старается компенсировать их своими достоинствами. Среди недостатков Белянчиков числил за собой неспособность к мгновенной импровизации, качеству для сыщика немаловажному.

Не то чтобы он совсем не мог действовать быстро при изменении ситуации. Просто каждый раз, когда срывался заранее намеченный план, ему стоило больших трудов перестраиваться и принимать новое, обязательно правильное, решение. Позже он находил единственно верный ход, но это было позже, а обстановка чаще всего требовала моментальных решений.

Сидя на кухне, Юрий Евгеньевич заносил в свою тетрадку вопросы, которые следовало задать свидетелю, продумывал их последовательность. Даже намечал для себя, как он будет их задавать: вскользь, как бы между прочим, или не скрывая от собеседника свою заинтересованность. Корнилов, хорошо знавший про клеенчатую тетрадь Юрия Евгеньевича, не раз пытался уговорить его рассказать молодым работникам о своем методе работы. Но Белянчиков был неумолим.

— Ты что, хочешь, чтобы надо мной потешались? Вот, дескать, видали вы самоуверенного долдона из угрозыска? Нет, пусть Семен Бугаев опытом делится, он мужик хваткий, он и без всяких тетрадей распишет все как надо.

За педантизм и въедливость кое-кто в управлении считал Белянчикова службистом. Но Юрий Евгеньевич меньше всего думал о продвижении по службе. Таким уж он был скроен — дисциплинированным, четким аккуратистом, врагом всяких недомолвок. Иначе он работать не мог. Служи он в бухгалтерии, на стройке или еще в каком другом месте — он везде отдавал бы работе всего себя.

В этот вечер, несмотря на то, что поручение, которое ему предстояло утром выполнить, было совсем простое, Белянчиков тоже удалился на кухню, прихватив свою тетрадку.

Все, конечно, просто, если вдова Николая Михайловича Рожкина не опознает человека на фотографии, думал Белянчиков. А если опознает? Тут возникнет масса нюансов. Случайный ли это знакомый? Приятель? У вдовы тоже возникнут вопросы. Почему показывают фотографию мертвеца, какое он имеет отношение к ней? Все это необходимо предусмотреть заранее, а потому сиди, Юра, сиди и думай. Но принятое им в конце концов решение было очень просто. Без обиняков показать фото.

...Еще вечером Белянчиков позвонил Рожкиной и условился о встрече. Рожкина работала во вторую смену, с утра была свободна, и майор поехал к ней домой в Озерки. Жила Рожкина в большом панельном доме, недавно построенном среди деревянных особнячков. Вокруг стоял сосновый лес, невдалеке поблескивало озеро, и было слышно, как где-то рядом проносятся электрички.

Наталья Викторовна оказалась молодой еще женщиной, с простым, не то чтобы красивым, но очень милым русским лицом. Темно-каштановые волосы были зачесаны на прямой пробор и закрывали уши. Белянчикову показалось, что Рожкина чем-то похожа на одну известную балерину.

Усадив Юрия Евгеньевича на диван в небольшой, очень светлой и чистенькой комнате, она спросила, не хочет ли он кофе.

— Спасибо, Наталья Викторовна,— сказал майор. — Я ведь на минутку.

Рожкина села напротив и закурила сигарету. Потом, спохватившись, пододвинула Юрию Евгеньевичу пачку «Столичных» и пепельницу.

Белянчиков поблагодарил ее кивком. Он не курил.

— Нашли? — спросила Рожкина. Майор чувствовал, как она волнуется.

— Нет, Наталья Викторовна. Не нашли. Не все у нас получается так, как хотелось бы... — Он вытащил из кармана несколько фотографий, среди которых было фото мужчины, найденного в Орлинской церкви, и положил перед Рожкиной.

— С этими людьми вам никогда не приходилось встречаться?

Медленно перебирая карточки, она внимательно вглядывалась в лица. Долго рассматривала фото неизвестного из Орлинской церкви. Наконец, догадавшись, спросила:

— Он мертвый?

Белянчиков неопределенно пожал плечами. Рожкина положила фотографии на столик, сделала глубокую затяжку и мотнула головой.

— Нет, никого из них я не знаю. В первый раз вижу и, судя по всему, в последний. — Она посмотрела на фото мертвого еще раз. Потом взяла в руки и чуть повернула к свету. — Нет, нет...

Больше майору Белянчикову делать у Рожкиной было нечего. Но он не мог просто встать и уйти. Ведь перед ним сидела женщина, у которой недавно убили мужа, а убийца до сих пор не найден.

«А может быть, и мертв»,— подумал Юрий Евгеньевич, пряча фотографии. Но сказать пока об этом вдове нельзя. Если бы Белянчиков курил, то можно было бы, закурив сигарету, молча посидеть несколько минут, обменяться парой ничего не значащих фраз и откланяться.

— Вы меня извините за то, что я побеспокоил вас, Наталья Викторовна,— сказал майор. — Побеспокоил, а ничего нового не сообщил.

Рожкина кивнула.

— Этот человек имеет отношение к убийству? — спросила она.

И Юрий Евгеньевич понял, что Наталья Викторовна имеет в виду мертвого мужчину. Женским своим чутьем выделила его фото из всех остальных.

— Трудно сказать. Мы думали, кто-то из знакомых Николая Михайловича. Кстати, у него не было друзей среди коллекционеров старинных икон?

— Наверное, были. Он ведь занимался историей России... Даже наверняка были. Как-то Коля мне рассказывал про большую коллекцию,— она покачала головой. — Кажется, он называл фамилию Замчевского.

— Это кто?

Рожкина пожала плечами.

— Не знаю. Наверное, кто-то из его знакомых.

— У вас нет телефона, адреса? Может быть, остались в бумагах мужа?

Наталья Викторовна вздохнула.

— Нет, не остались. Единственное, что пропало в тот день,— так это Колина записная книжка.

— Пропала записная книжка? — удивился Белянчиков. Он читал материалы по делу, и там ничего не было сказано об этой пропаже. Наоборот, одной из особенностей убийства Рожкина как раз и являлся тот факт, что ничего не пропало. Ни деньги, ни часы, ни документы...

— А вы говорили об этом следователю?

— Нет. Я обратила внимание на пропажу много позже. Когда понадобилось разыскать телефон одного Колиного приятеля. Николай рассказывал мне незадолго до смерти, что наткнулся на следы старинной коллекции документов и книг, а какой — не сказал. Я думала, что об этом знает Флорентий Никифорович... А записную книжку могли обронить и в «Скорой», и в больнице. Мало ли что могло случиться. Пришлось звонить на Колину службу, узнавать телефон там.

— Ну и что же ответил вам Флорентий Никифорович? — спросил Белянчиков. Он не любил безответных вопросов, даже в том случае, когда они никакого отношения к делу не имели.

— Флорентий Никифорович ничего об этом не слышал.

— Он не коллекционирует старинные иконы?

— Нет.

— Назовите, пожалуйста, его фамилию.

— Лосев Флорентий Никифорович — известный ученый, специалист по фольклору. Коля очень любил его. — Рожкина замолчала и рассеянным взглядом обвела стеллажи с книгами. «Кому теперь нужны эти ученые записки? — с горечью подумала она. — Даже к букинистам не отнесешь... А Коля был жив, и книги жили».

— Наталья Викторовна, вам так и не удалось выяснить, что за коллекцию обнаружил Николай Михайлович?

Рожкина развела руками.

— Он не сказал об этом никому. Так странно... Коля был очень общительным человеком. Может быть, не был уверен, что все удастся? Вы знаете... — Женщина как-то болезненно сморщилась, словно вспомнила что-то неприятное. — Коля последние дни ходил очень расстроенный.

Белянчиков вдруг почувствовал острое сожаление оттого, что муж этой приятной и, судя по глазам, доброй и умной женщины погиб как раз в тот момент, когда обнаружил что-то интересное. Какую-то коллекцию книг и документов. Это обстоятельство волей-неволей давало определенный ход мыслям. И Белянчиков спросил:

— Это документы времен войны?

— Не знаю,— с сомнением ответила Рожкина. Она несколько секунд помолчала, вспоминая, при каких обстоятельствах рассказывал ей муж о находке. Потом покачала головой. — Нет, нет, к войне они относиться не могут. Коля сказал: «Мать, кажется, я наткнулся на что-то новое. Наш старик разинет варежку». — Наталья Викторовна грустно улыбнулась. — Коля любил шутку, острое слово. На самом-то деле он уважал институтское начальство.

— Но почему вы решили... — начал Белянчиков.

— Понимаете, Коля имел в виду академика Яцимирского. А он занимается Петровской эпохой...

«Ну и что? — подумал Юрий Евгеньевич. — Одно другому не мешает. Яцимирский занимается стариной, а Рожкин мог найти документы, проливающие свет на чью-то деятельность в годы войны. И мог предположить, что академик разинет рот от удивления, узнав что-нибудь неприятное о своих сотрудниках». Но вслух сказал:

— Почему же вы не сказали об этом следователю?

— Это все так далеко...

— Но ведь, наверное, надо продолжить поиски? Пусть возьмутся коллеги.

— А что искать? — тихо спросила Рожкина. — Он не оставил никаких записей. Никакого намека.

— А где он мог наткнуться на документы? — спросил Белянчиков. Он плохо представлял себе характер работы покойного.

— Трудно даже предположить. Коля занимался архивами в самом институте, бывал в рукописном отделе Публички... В государственном архиве... — Она задумалась, припоминая, где еще работал муж. — Ездил в Москву, в Институт мировой литературы. Был в экспедиции в Архангельской области.

— Да-а, размах серьезный,— вздохнув, сказал Белянчиков.

— Вот видите! Даже предположить трудно. А ведь мог еще кто-то из случайных знакомых рассказать. Или даже показать...

Прощаясь, Юрий Евгеньевич сказал Рожкиной:

— Вы уж извините, Наталья Викторовна, но, может быть, придется вас еще побеспокоить... Следователя наверняка заинтересует пропажа записной книжки.

Рожкина молча пожала плечами. Лицо у нее было усталое и отрешенное.

4

Володя Лебедев нервничал. Прошло уже полдня, а результатов не было никаких. Старший лейтенант посетил управление хозторгами, побывал в большом хозяйственном магазине в Гостином дворе, объехал три колхозных рынка, где в захудалых будках пьянчужного вида умельцы чинили замки, делали ключи и выполняли еще самую разную слесарную работу. Никто не признал тонкий изящный ключ с замысловатой бородкой.

— Нет, наша местная промышленность еще не доросла до таких сложных изделий,— покачал головой начальник отдела в управлении хозторгами, с удовольствием разглядывая ключ. — У нас недавно была выставка финских бытовых изделий. Много замков... Даже с дистанционным управлением. Но таких ключей я и там не видел.

— А вы считаете, что этот ключ фабричного производства?

Начальник отдела посмотрел на Лебедева с сожалением.

— Я думаю, английская работа. Наверное, кто-то привез замок из-за границы. Никакому кустарю это не под силу.

На всякий случай старший лейтенант заглянул еще в Гостиный двор. Продавщица из секции скобяных товаров скользнула по ключу равнодушными глазами:

— Впервые вижу... Наверное, финский. Но до нас, до магазина, импортные товары не доходят. Их распродают на складе...

Ближайшим от Гостиного двора был Сенной рынок. Туда уже без особого энтузиазма и поехал Лебедев.

Небритый хмурый старик взял ключ, подкинул слегка в темной костистой ладони и тут же вернул Лебедеву.

— Ну так что? — повторил старший лейтенант свой вопрос. — Не приходилось вам делать замки с такими ключами?

— Сорок рублей и полбанки,— сказал старик. — Полбанки сейчас.

— Вы что, делали такой замок? — У Лебедева появилась надежда.

— Тебе-то что, делал — не делал! Иди за бутылкой. Я тебе посложнее сварганю.

— Но вы можете мне ответить — делали замок под этот ключ? Или нет?

Дед сердито крякнул и отвернулся.

Теряя терпение, Лебедев достал удостоверение и сунул ему в окошечко:

— Я вас серьезно спрашиваю. Делали или нет?

Взглянув на документ, старик отрезал:

— Не делал.

Чувствуя, что теперь от него ничего не добьешься, Лебедев сказал почти ласково:

— Вы поймите, папаша, я ведь к вам без всяких претензий. Нашли человека — машина сбила,— никаких документов. Только ключи.

— Небось родственники объявятся,— усмехнулся старик. Потом нагнулся, достал ополовиненную бутылку пива, ловким щелчком большого пальца скинул пробку и одним духом выпил. Заметив, что Лебедев все еще стоит рядом с будкой, сказал ворчливо:

— Да не делал, не делал я. А попросишь, смогу. Сорок рублей и бутылка. Бутылка сейчас.

Лебедев вздохнул. Спрятал ключ в карман.

— А вы походите по домам-то,— засмеялся старик. — Походите! Может, к какому замку и подойдет. Я даже кино такое видел.

Третий рынок, на котором побывал Лебедев, был Некрасовский. Ларек металлоремонта был закрыт. Старший лейтенант зашел к директору рынка, но тот ничего о мастере не знал.

— Может, обедает. Они тут сами по себе: захотел — пришел, захотел — ушел.

— Ну что, товарищ инспектор? — спросил шофер, когда Лебедев молча сел рядом с ним. — Куда теперь? Может, на Охтенский?

— На Андреевский. А потом на Сытный.

— А я вот походил по рядам, посмотрел,— сказал шофер. — Рынки разные, а цены одинаковые. Картошка везде по тридцать. Яблоки по восемьдесят. Только цветы — как бог на душу положит. На Сенном три гладиолуса — четыре рубля, а здесь — пять. Ну и дерут, я вам скажу!

— Да, дерут,— рассеянно согласился Лебедев, с тревогой думая о том, что шансов у него на успех совсем мало. Да, может, обойдется все и без ключа? Не может же человек исчезнуть бесследно. Время пройдет — хватятся. Но эти мысли утешали мало. Задание оставалось невыполненным.

Только на следующее утро Лебедев закончил свой объезд мастерских. Никто из опрошенных ключ не признал. Но это была капля в море. Замок мог сделать какой-нибудь мастер и дома, и в заводском цехе.

Старик мастер с Сенного рынка не давал инспектору покоя. Перемена в его поведении после того, как он увидел милицейское удостоверение, настораживала. «Темнит старик,— думал Лебедев,— чует мое сердце, темнит». Он остро переживал свой неудачный разговор со стариком. Инспектор попросил шофера еще раз подъехать к Сенному рынку. Но за окошком мастерской сидел совсем другой человек — молодой, атлетического сложения парень; на вопрос, куда делся старик, сказал:

— Запил Никитич. Теперь неделю не появится. А то и больше. Считается, что мы вдвоем с ним мастерим.

— А где он живет?

— Где-то в Гавани. Где, точно не знаю. Он у нас прижимистый. В гости не приглашает. А вам чего? Заказ ему давали?

Лебедев вытащил из кармана ключ. Положил перед парнем.

Мастер внимательно, оценивающим взлядом посмотрел на него.

— Такой ключик я могу вам изобразить. Дня через три. Сейчас работы завал. И вся срочная.

— А замок могли бы под такой ключ?

— Нет. Придется Никитича дожидаться. Это только он умеет.

— Адрес его где можно узнать?

Парень безнадежно махнул рукой.

— Пустое дело. Он сейчас не только напильник в руках не удержит — двух слов не свяжет.

— Ну а все же?

— Идите в контору. На Владимирский. Там скажут. Петр Никитич Гулюкин его зовут.

5

Семен Бугаев с утра заехал в прокуратуру и попросил у следователя разрешение использовать автомашину потерпевшего. «Если я приеду на станцию технического обслуживания на этих «Жигулях»,— рассуждал он,— больше шансов, что кто-то вспомнит и владельца. Иной мастер лучше знает машину, с которой возится, чем ее хозяина».

Следователь замысел Бугаева одобрил.

На станции капитан заглянул к директору, договорился, чтобы ему выписали документы на техосмотр, въехал во двор, но остановился поодаль от вереницы автомобилей, ожидавших своей очереди перед воротами цеха.

Первым к нему подошел мужчина в заношенной спецодежде с испитым почерневшим лицом.

— Замок для запаски не нужен?

Бугаев мотнул головой.

— Ножной насос? — в голосе мужчины чувствовалась надежда.

— Имеем свой.

Мужчина сплюнул чуть ли не на ботинки капитану и, шаркая подошвами по асфальту, удалился.

Потом из ворот цеха с деловым видом выскочил длинный тощий парень в синем берете и внимательно оглядел выстроившиеся колонной автомашины. Из кармана его спецовки торчали отвертка и кронциркуль. Заметив Бугаева, он почти бегом пересек двор.

— Вы от Роберта Максимовича?

— Нет.

— Странно,— сказал парень. — Кого ждем?

— Вам эта карета не знакома?

Парень посмотрел на машину. Пожал плечами.

Бугаев поиграл ключами, у которых вместо брелока был американский серебряный доллар с изображением президента Кеннеди. Сказал:

— Мой товарищ у вас тео делал. Денис Анатольев...

— Всех разве запомнишь,— поскучнев, сказал парень и отошел. Потом опять внимательно оглядел двор. Одна машина, тоже белая, как и та, на которой приехал Бугаев, привлекла его. Капитан слышал, как он спросил владельца, тучного молодого мужчину в больших роговых очках:

— Вы от Роберта Максимовича?

Толстяк кивнул. Парень сел за руль его машины, толстяк — рядом, и машина, минуя очередь, скрылась за воротами цеха.

Почему он не показал парню фотографию погибшего, Бугаев и сам не знал. Скорее всего не почувствовал к нему доверия. Такой сразу трепанет товарищу, через полчаса об этом будут знать не только все слесари, но и их клиенты. Набравшись терпения, Бугаев ждал.

Минут через пятнадцать из цеха вышел еще один мужчина. Тоже в синем берете, из кармана спецовки тоже торчал инструмент. Достав сигарету, капитан подошел к нему. Попросил прикурить.

— Очередь у вас, не приведи господь...

Мужчина скользнул взглядом по автомобилям. Озабоченно покачал головой.

— Оформляют в конторе больше, чем мы пропустить можем. Покурить еле вырвешься,— он был уже не молод, с пышными, хорошо подстриженными темными усами.

«Серьезный товарищ»,— подумал Семен и, достав ключи, стал раскручивать цепочку на пальце:

— Эх, день у меня пропадет. С товарищем несчастье случилось. Попросил вместо него осмотр сделать. Продавать собирается...

— Эту, что ли? — кивнул мужчина на «Жигули».

— Ну да. У вас там кто командует? Начальник цеха? Поговорить с ним, что ли?

— Я там старший,— сказал мужчина. — Бригадир. Сегодня запарка. А брелок такой я видел. С долларом...

— У кого?

— Делаю тут парню одному профилактику.

— Не Денису Анатольеву?

Бригадир удивленно посмотрел на Бугаева.

— Нет. Одному знакомому. Олежкой зовут.

Бугаев вытащил из кармана фотографию.

— Не этому?

— Чего это он? Мертвый?

— Он? Олег? — быстро спросил Бугаев.

Бригадир взглянул еще раз. Уже более внимательно.

— Да.

— Вас как зовут? — переходя на деловой тон, спросил капитан.

— Валерий Сергеич.

— Валерий Сергеевич, я из уголовного розыска. — Бугаев показал удостоверение. — О нашем разговоре прошу никому...

Валерий Сергеевич кивнул. И тут же оглянулся на ворота цеха.

— Я вас не долго задержу,— сказал Бугаев.

— Пойдемте тогда в конторку,— попросил бригадир. — А то неудобно перед цехом маячить без дела. Ребята скажут — бригадир лясы точит.

Они пошли по двору.

— С Олегом случилась беда. Погиб он...

— Разбился?

— Нет, не на машине. Машина его здесь.

— Ну да. Я-то смотрю, вроде бы проходил этот «Жигуленок» через мои руки. Первая модель, а задние фонари от шестерки. Приличная машина, еще девочка...

— Валерий Сергеевич, расскажите мне все, что вы знаете об Олеге,— попросил Бугаев, когда они сели на диванчик в конторе. — Фамилию, где живет, кем работает?

Бригадир с недоумением пожал плечами. Хотел о чем-то спросить, но не спросил...

— Да ведь что я знаю — Олег и Олег. Парень веселый, при деньгах. За кордон часто ездит, как ни пригонит ко мне карету, всегда сувенир заграничный. Мне вот тоже такой брелок привез, с долларом...

— А фамилия?

— Не помню. В накладной-то всегда пишется, да я не помню. Простая какая-то фамилия.

«Ну, это все можно будет выяснить по книге регистрации,— подумал Бугаев, но тут же спохватился. — Он ведь как Анатольев пишется. По краденым правам».

— Ну хоть отчество? — попросил он Валерия Сергеевича.

— Да мы с ним по имени... Олег и Олег. Он както раз своего знакомого привозил, доцента. Так тот его Олежкой звал.

— А где жил Олег?

— Не знаю.

— Может быть, кто другой из ваших знает? Могли дома ремонт делать...

— Нет, с Олежкой только я работал.

— А этот его знакомый, доцент? Где работает?

Бригадир улыбнулся.

— Где работает, не знаю. Но человек серьезный. На генерала похож.

— А зовут как? — с надеждой спросил Бугаев.

— Аристарх Антонович его зовут,— сказал Валерий Сергеевич,— чудное имя всегда хорошо запоминается.

— А фамилия у него не чудная?

— Нет, фамилия у него, как и у меня. Платонов.

Бугаев вздохнул с облегчением.

Расставаясь, он с чувством тряхнул руку Платонова.

— Валерий Сергеевич, договорились? О нашем разговоре — ни слова!

— Будет сделано, товарищ начальник. Приезжайте, тео вам устроим по высшему классу.

— Приеду,— пообещал Бугаев. — Когда меня машиной премируют. За хорошую работу...

6

Участковому инспектору Мухину не давала покоя одна мысль — почему этот человек, разбившийся в церкви, оставил свои «Жигули» так далеко? За несколько километров от села. Да еще загнал машину в такие кусты, из которых ночью не сразу и выберешься. Своими сомнениями Владимир Филиппович поделился с гатчинским следователем Гапоненко, но капитан только усмехнулся.

— Что ж он, по-твоему, прямо у церковной стены ее поставил бы? У всех на виду?

— Мог бы все же поближе. Тут с километр будет...

— Видно, тертый калач. Думал, что мы собаку пустим. А там — за ручьем. Прошел по воде и конец.

Доводы капитана не успокоили Мухина. «Объяснить-то все можно,— думал он. — А вот если в шкуру этого субчика влезть? Он же не на экскурсию пришел. За иконами! И тащить их в такую даль? А как ночью машину в кустах найти? Тут и свой, деревенский, заблудится, не то что дачник...»

Всех городских Владимир Филиппович называл дачниками. Без иронии, без подковырки — просто по привычке. Выросший в деревне, он привык к тому, что в их избе, да и у соседей летом всегда жили дачники. Орлино — село красивое. Огромное озеро плескалось прямо за огородами. В каждом доме плоскодонка. Чуть снег осядет под мартовским солнцем — дачники уже тут как тут. Ходят от избы к избе, спрашивают, не сдается ли.

Капитан Гапоненко уехал в Гатчину, оставив участкового один на один со своими сомнениями. Владимир Филиппович достал из письменного стола лист бумаги и в течение часа прикидывал, кто из односельчан чаще всего шляется по ночам. Первыми в список было занесено десятка полтора парней и девчат, два мужика, часто работавших на Дружной Горке в ночную смену, несколько доярок, совхозный сторож. Потом инспектор прикинул, кто мог оказаться ночью недалеко от церкви. Выходило, что все молодые. Рядом парк — их туда все время тянет, будто медом намазано. Одна доярка жила неподалеку. И конечно, сторож, но с ним Мухин уже говорил.

После того как список был составлен, инспектор сел на мотоцикл и поехал домой. Там он переоделся в штатское. Каждый раз, когда надо было поговорить с человеком по душам, неофициально, или Мухин предполагал, что его собеседник при виде милицейского мундира может потерять свое красноречие и забыть половину из того, что знал, он надевал штатский костюм.

Разговор с молодежью складывался до противности одинаково. Словно все они сговорились.

— Коля,— обращался инспектор к детине, которому, казалось, тесно в комнате. — Ты третьего дня в парке не гулял?

— А что, разве нельзя? — с наигранным удивлением спрашивал Коля. — Мне шестнадцать еще по весне стукнуло.

— По ночам люди добрые спят,— для порядка говорил Мухин.

— Нет такого закона,— ухмылялся детина, и Владимир Филиппович, безнадежно махнув рукой, переходил к главному.

В разговоре с Любашей Федичевой инспектору повезло. Любаша, ученица десятого класса, приходилась Мухину дальней родственницей. Ее мать была двоюродной сестрой инспектора. Когда он спросил Любашу, не гуляла ли она ночью в парке, девушка залилась краской и опустила голову. Прежде чем Мухин добился от нее путного рассказа, она успела поплакать.

— Дядя Володя, вы только маме не говорите,— попросила Любаша. — Я ей сказала, что у подруги засиделась. У Таськи Зайцевой...

Делать было нечего, и инспектор скрепя сердце пообещал держать Любашину прогулку в секрете.

Любаша и рассказала ему, что когда проходили они с Толиком Ивановым мимо церкви, то видели легковую машину. Белую. Для того чтобы узнать имя Любашиного ухажера, Мухину пришлось еще раз дать клятву не проболтаться родителям.

— В котором часу машину видели?

Любаша пожала плечами.

— Домой ты когда пришла?

— В два.

— Хорошо помнишь?

— Еще бы! Мама мне такую истерику закатила.

Мухин осуждающе покачал головой.

— Когда машину увидали, шли в парк или уже из парка?

— Из парка. Мы потом у озера посидели чуточку и домой. Толик меня до прогона только довел. Вдруг бы мама встречать надумала.

Инспектор прикинул: от церкви до озера — минут пять. Там еще «чуточку» — значит, полчаса. От озера до Любашиного дома тоже минут десять. Выходило, что от часу до двух машина стояла у церкви.

— Вы, дядя Володя, не подумайте чего плохого,— сказала Любаша. — У нас все всерьез.

— Ладно,— помягчев, отозвался Мухин. — На свадьбу не забудь пригласить.

Толик Иванов после недолгого запирательства подтвердил рассказ своей подружки.

«Вот так-так,— размышлял участковый, шагая по вечернему селу домой. — Он, голубчик, в церкви лежал, а машина сама собой каталась? Или сначала он подъехал, осмотрелся, а потом машину в кусты отогнал. И все пехом?» Действия потерпевшего, по мнению Мухина, не соответствовали здравому смыслу.

В селе было тихо. Лишь под ногами шуршали листья. Кое-где в домах еще горел свет, да дрожащие голубые отсветы в окошках выдавали, что хозяева смотрят телевизор. На дальнем конце села за кладбищем лаяли собаки. С озера тянуло прохладой, сыростью, запахом смоленых лодок.

«Не буду я Гапоненке звонить,— думал участковый. — Толку от него мало. Легкий человек. Позвоню начальству, в Питер».

С одной стороны, Мухин стеснялся беспокоить ленинградское начальство, но разговор с подполковником Корниловым оставил у Владимира Филипповича хорошее впечатление. Пожилой сухощавый подполковник хоть и выглядел хмурым, разговор вел по делу, вопросы задавал точные, словно заранее знал мысли самого Мухина. Но больше всего понравилось инспектору то, что подполковник не стал строить никаких домыслов, не поучал его, как надо работать. Сказал, что дело сложное, на кофейной гуще гадать не надо, а побольше порасспрашивать людей.

— Если появится что-то новое, звоните,— сказал он на прощанье. — Майору Белянчикову звоните. Его не будет — мне. Сейчас для нас каждая мелочь дорога.

Владимир Филиппович и позвонил Белянчикову, но его номер не отвечал, и старший лейтенант, преодолев робость, позвонил Корнилову.

Трубку подняла секретарша и, узнав, что звонят из Орлина, тут же соединила Мухина с Корниловым.

— Старший лейтенант Мухин беспокоит,— сказал участковый.

— Что у вас там нового? — Голос подполковника звучал требовательно и строго, и Мухин решил, что позвонил не вовремя. В трубке были слышны голоса, приглушенные низкие гудки другого аппарата.

— По поводу «Жигулей» хотел доложить,— сказал Мухин, но подполковник перебил его:

— Извини, другой телефон...

Участковый слышал, как Корнилов произнес:

— Позвоните через полчаса, у меня совещание.

Мухин совсем смутился и, когда подполковник снова сказал в трубку: «Але, продолжайте, Мухин!» — виновато спросил:

— Может, попозже, товарищ подполковник?

— Давайте, давайте, рассказывайте, не смущайтесь,— ободрил Корнилов. — Мы тут как раз и сидим по этому делу.

Старший лейтенант доложил коротко и четко.

— Молодец,— похвалил Корнилов. Потом несколько секунд помолчал, обдумывая что-то. — На днях я приеду. Жди. — И повесил трубку.

7

Аристарх Антонович Платонов, хоть и был, по словам своего однофамильца со станции обслуживания, похож на генерала, работал в конструкторском бюро старшим инженером. И, по словам сослуживцев, коллекционировал иконы. Корнилов решил съездить к нему сам.

Жил Платонов на улице Зверинской, в большом старинном доме. Его квартира под номером шесть оказалась на третьем этаже. Корнилов лифт не вызвал, пошел пешком, удивляясь, как легко подниматься по широкой старинной лестнице. «Ловко умели строить,— подумал он. — И этажи повыше раза в два, чем нынче, а поднимаешься, словно на эскалаторе».

У дверей шестой квартиры лежал чистый половичок, на самой двери был привинчен красивый крючок, чтобы хозяйка могла повесить сумку с продуктами, а потом уже спокойно доставать ключи. Игорь Васильевич дотронулся до крючка и покачал головой. Просто и удобно. Надо бы перенять опыт. Он позвонил три раза. Он всегда звонил три раза. Куда бы ни приходил. Привычка эта осталась у него с детства, когда они с отцом и матерью жили в коммунальной квартире. На маленькой медной пластине, прибитой к дверям, было написано: «Бубновым — 2 зв., Корниловым — 3 зв.». Люди, имевшие общий интерес, звонили один раз.

За дверью послышались неторопливые тяжелые шаги и неразборчивое мурлыкание. Корнилову показалось, что человек напевает какой-то цыганский романс. Щелкнул замок, дверь приоткрылась. На подполковника смотрел хитрый, сощуренный глаз.

— Вам чего? — спросил довольно бесцеремонно обладатель хитрого глаза и наклонил голову так, чтобы видеть Корнилова и вторым глазом. Голос у него был басовитый, с начальственными нотками.

— Мне товарища Платонова.

— По какому делу?

— По общественному,— усмехнулся Игорь Васильевич.

— А, наконец-то! — сказал Платонов и, сняв цепочку, впустил в прихожую подполковника. — Я уже трижды к вам заходил. Хочу поставить дополнительные батареи...

Перед Корниловым в красно-голубом халате стоял невысокий кряжистый мужчина лет сорока пяти.

Подполковника поразило лицо Аристарха Антоновича — все в глубоких складках-морщинах, словно порубленное шашкой. Странное сочетание самодовольства и хитрости наводило на мысль о том, что с Платоновым надо держать ухо востро.

— Аристарх Антонович, я из милиции. Подполковник Корнилов...

Платонов чуть выпятил нижнюю губу и с недоумением снова начал разглядывать Корнилова. Потом произнес в растяжку:

— Вот как! Из милиции? А я-то думал... — О чем он думал, Платонов недоговорил.

Игорь Васильевич протянул удостоверение. Аристарх Антонович предупредительно поднял руку.

— Нет, нет! Что вы! Я вам верю. — И читать, что написано в удостоверении, не стал. Но Корнилов был готов поклясться, что Платонов и так успел разглядеть все, что там значилось.

— Вы надолго?

Подполковник улыбнулся. На такие вопросы ему еще не приходилось отвечать.

— Да, нет, надоесть вам не успею...

— Я просто думаю, где нам удобнее поговорить,— сказал Платонов и обвел глазами прихожую. Наверное, прикидывал, а нельзя ли ею и ограничиться. Но в огромной прихожей, завешанной иконами, кроме маленького стула да тумбочки, ничего не было, сесть было не на что. Корнилов ждал, разглядывая выразительное лицо Аристарха Антоновича, по которому можно было прочесть весь ход мыслей. Легкая гримаса растерянности сменилась кротким выражением озабоченности, потом напряженного раздумья, решимости, и наконец Платонов показал рукой на дверь:

— Пройдемте, товарищ.

В этом «пройдемте» не было и намека на шутку.

Идя за хозяином в комнату, Игорь Васильевич успел решить, как ему держать себя с Аристархом Антоновичем: «О том, где погиб этот Олежек, рассказывать я ему не буду. Если узнает, что он в церковь за иконами залез, насторожится. Кто их знает, что за отношения у них были!»

Комната, в которую привел подполковника Платонов, была похожа на музей. Три стены ее, как и в прихожей, были увешаны иконами. Только иконы здесь были красивее и, как показалось Игорю Васильевичу, более древние.

— Прошу вас,— Аристарх Антонович кивнул на большое кожаное кресло. Корнилов сел. Платонов устроился напротив.

— Аристарх Антонович, никого из этих людей вы не знаете? — спросил подполковник, раскладывая несколько фотографий на журнальном столике.

Платонов чуть привстал с кресла и с любопытством наклонился над карточками. Потом стал брать по одной и, повернув к свету, внимательно и подолгу разглядывать. Подчеркнуто внимательно. Потом почмокал губами и, вернув фотографии на прежнее место, сказал:

— Нет. Никогда не встречал. Никого.

В это время зазвонил телефон. Аристарх Антонович встал, подошел к письменному столу, на котором стоял аппарат. Плотно приложив трубку к уху, он молча слушал несколько секунд, потом проворчал чуть раздраженно:

— Слушаю, слушаю. Ты не мог бы позвонить через полчаса?

Наверное, звонившего не устраивала отсрочка, потому что Платонов сказал:

— Позвони завтра утром. — И с гримасой недовольства обвел комнату рассеянным, скучающим взглядом. Но неожиданно он преобразился. — Шестнадцатый век? — почти крикнул Аристарх Антонович в трубку. — Ты в этом уверен? Обязательно, обязательно! Приеду сегодня же. Я на тебя надеюсь. — Улыбнувшись, он положил трубку, и лицо его, только что выражавшее неподдельный интерес, опять окаменело.

Он подошел к креслу и хотел опять сесть. Но Игорь Васильевич встал и развел руками:

— Эти мужчины на фотографии — весь мой интерес, Аристарх Антонович. Простите за беспокойство...

— А как же... — Платонов недоуменно пожал плечами. — Почему вы пришли ко мне? — Он справился со своим недоумением и спросил почти сурово: — Почему вы считаете, что я должен знать кого-то из них?

— Эти люди подозреваются в спекуляции. В скупке и перепродаже произведений искусства. Вы, как человек, коллекционирующий иконы, могли с кем-то из них встречаться.

— Кто это додумался прислать вас ко мне? Я не имею дело со спекулянтами.

— Аристарх Антонович,— мягко сказал Корнилов,— еще раз простите. Мы разговаривали со многими коллекционерами. И кто-то порекомендовал мне зайти к вам...

Спускаясь по лестнице, Игорь Васильевич представил озадаченное лицо Аристарха Антоновича и почему-то испытал от этого удовлетворение. «Пускай думает. Пускай ломает голову. Не узнать своего приятеля он не мог!» Ему было совсем не жаль Платонова. Уж очень вызывающе самодовольным показался ему этот старший инженер.

В машине Корнилов связался с управлением и попросил Бугаева выяснить, с кем будет встречаться сегодня вечером Аристарх Антонович:

— У этого Аристарха вся квартира иконами завешана. Не исключено, что у него с погибшим не только общие автомобильные интересы были.

8

В контору на Владимирской Лебедев опоздал. Там уже кончали работу. Ничего не оставалось, как ехать в управление и пытаться разыскать Петра Никитича Гулюкина через справочное. Не так, наверное, и много в Ленинграде Гулюкиных, да еще живущих в Гавани, решил Лебедев. В половине восьмого у старшего лейтенанта уже имелся точный адрес старика — Шкиперская улица, тридцать один, квартира один. «Небось живет Никитич на первом этаже. Подниматься не надо,— с удовлетворением подумал он. — Отправлюсь к Гулюкину через полчасика, а

пока загляну в буфет. А то на голодный желудок тяжело будет с пьяным стариком разговаривать». Лебедев помнил слова парня из мастерской о том, что Гулюкин запил.

Но все обернулось иначе. Лебедев еще доедал свою яичницу в буфете, когда динамик хрипло выдавил: «Старшего лейтенанта Лебедева к дежурному по городу».

Лебедев залпом выпил стакан чая и с сожалением бросил взгляд на аппетитную ватрушку, оставшуюся на тарелке.

— Говорят, вы мастерские металлоремонта объезжали? — спросил дежурный, майор Загладин.

— Я, товарищ майор. Что случилось?

— Из Василеостровского управления позвонили, к ним старик какой-то пьяненький пришел. Говорит, был у него в мастерской краснощекий опер, про замок допытывался...

Лебедев густо покраснел и насупился.

— Так передали,— заметив это, сказал майор, пряча улыбку. — Вы, значит, были? Старик, похоже, хочет признание сделать. Поезжайте.

Петр Никитич сидел в комнате дежурного и что-то рассказывал лейтенанту и старшему сержанту. Судя по их улыбкам, что-то смешное. Он был явно подшофе. Увидев Лебедева, старик показал на него рукой и сказал:

— Ну, вот явился — не запылился, а вы говорили.

Поздоровавшись, старший лейтенант сел.

— Может, в пустой кабинет пройдете? — спросил лейтенант.

— Да зачем нам пустой кабинет? — запротестовал Гулюкин. — У нас с молодым человеком секретов нет.

«Ну и нахал дед,— подумал Лебедев, с обидой вспомнив, что тот окрестил его «краснощеким опером», но сказал весело, подыграв Гулюкину:

— Нету, нету секретов. Здесь поговорим с дедушкой.

— Петр Никитич задушевный человек,— подмигнул Лебедеву лейтенант. — Столько нам нарассказал...

— Ты на меня обиду не держи, товарищ,— сказал Гулюкин Лебедеву. — Я дед занозистый. Люблю, когда со мной душевно, а ты забубнил, как радио. Слышать тебя слышу, а не вижу. Не могу понять, что ты за человек...

Лебедев вздохнул. Чего он мелет?! В присутствии сотрудников из района. Но приходилось терпеть. Не зря же пришел дед в милицию?

— Я думал, что ты насчет левой работы придираться будешь. Ну бывает, бывает. Нам-то со старухой много не надо, а внукам хочется чего-нито прикупить. Штаны, вон, американские двести рубчиков стоят, а глядеть не на что. Купил я внучке, она их мочить стала, чтоб сели, так восемь раз воду меняла — все линяли те штаны. Покрасить как следует не могут! — Дед развел руками и скорчил уморительную гримасу. — Такие вот дела, товарищ опер. Замок-то я делал. Может, я не вспомнил бы, да заказчик один ключ потерял — приходил через полгода, просил запасной выточить. Я и запомнил. Ну а после наших с тобой переговоров загрустил я. Думаю, ведь без дела не спрашивал бы. Поехал домой. Выпил. Это было, скрывать не стану. Загрустил еще боле. Ну прямо тоска заела. Со старухой поделился. У меня после семидесяти секретов от нее нет. Старуха и говорит: «Иди, Петя, в милицию, покайся. Больше десяти суток тебе не дадут за то, что нетверезый». Я и пошел. Старуха у меня умная, голова что Дом Советов. — Старик посмотрел на Лебедева. Глаза у него были добрые, беспомощные, чуть слезились. — Как на духу.

— Заказчика вы запомнили?

— А как же! По всей форме. Молодой, красивый. Зовут Олегом.

У Лебедева радостно екнуло сердце.

— Ну а фамилию?

Старик виновато мотнул головой.

— Тот-то и оно. Я ему левый заказ делал, квитанций не писал, фамилий не спрашивал. Да на такие сложные замки у нас и расценок нет!

— Эх! — не сдержав разочарования, выдохнул старший лейтенант.

— Если хочешь, могу дом показать,— сказал старик. — Это я помню. Штаны-то американские Олег мне продал. Я с ним поделился внучкиными заботами, а он говорит: «Садись в «Жигуль», заедем ко мне — будут твоей внучке клевые штаны». Фартовые то есть. Какой-то там супер.

— Помните адрес?

— Сказать не могу, а на глаз можно. Гдей-то в Парголове. Я еще заметил — у него в саду яблоки осыпавши, и никто не собирает.

— Поехали, Петр Никитич,— вскочил Лебедев. — Так меня выручите!

— Сорок рублей и бутылка,— дурашливо сказал старик. — Бутылка сейчас! — и подмигнул Лебедеву.

Лейтенант и старший сержант засмеялись.

Заметив, что Лебедев нахмурился, Гулюкин улыбнулся и встал.

— Не бери в голову, молодой человек. Это у меня присказка такая. Сказка будет впереди. Поехали, поехали.

«Ничего себе присказка,— думал Лебедев, усаживаясь в машину. — Наверно, придется на коньяк раскошеливаться. Водку-то после семи не продают».

Старик будто читал мысли старшего лейтенанта.

— Башка моя болит от дум и разговоров! Ой, болит — словно у меня там трамваи ездят. Где бы это хоть пива выпить?

— Выпьем, Петр Никитич, выпьем. Только дом покажете, найдем пиво.

9

Бугаев остановил машину на Зверинской наискосок от большого серого дома, в котором жил Аристарх Антонович Платонов. На улице было тихо и

пустынно. Только на скамейке рядом с маленьким садиком вели неторопливую, нескончаемую беседу четыре старухи. У кафе, привязанный к ограждению витрины, сидел, склонив голову набок, щенок эрдельтерьер. Наверно, он дожидался своего хозяина давно, потому что радостно кидался навстречу каждому выходящему, а потом разочарованно поскуливал. Близость кафе навела капитана на мысль о том, что сегодня он рискует остаться без ужина. Семен достал из «бардачка» полиэтиленовый пакет и, закрыв машину, пошел в кафе. Эрдельтерьер с надеждой посмотрел на него.

В пустом зале высокая стройная девушка в вельветовых брючках и кожаной куртке о чем-то шепталась с молодой буфетчицей. Бугаев взял из вазы, стоявшей на прилавке, две сдобные булочки и спросил у девушки:

— Это не ваша собачка была привязана у дверей?

Девушка резко обернулась. Глаза у нее были большие, голубые, чуть испуганные.

— Почему это была? — В ее голосе прозвучал вызов.

— Собачка ушла в неизвестном направлении.

— Ой, Галка! — вскрикнула девушка. — Микки опять перегрыз поводок! — И побежала к выходу.

— Галя,— сказал, подавая буфетчице деньги, Бугаев,— получите за две сдобные. А Микки на месте. Мне просто стало его жаль.

Буфетчица улыбнулась. В это время вернулась ее приятельница.

— Это что, новый способ знакомиться? — строго спросила она Бугаева.

— Старый, совсем старый,— усмехнулся Семен. Девушка ему была симпатична, и он чувствовал, по чуть дрогнувшим уголкам ее губ догадался: она готова простить ему шутку. На улице Бугаев остановился перед эрделем, отломил кусочек булочки и положил рядом. Но пес, не обратив внимания на еду, проникновенно смотрел на Семена и жалобно скулил.

— Суровая у тебя хозяйка,— сказал капитан. Он сел в машину, опустил стекло и внимательно осмотрел дом, в котором жил Платонов. В окнах его квартиры на третьем этаже горел свет. В окошке рядом висела авоська с крупными красными яблоками. Бугаев вытащил из кулька мягкую ароматную булочку и, откусив, обернулся к эрделю. Укоризненно покачал головой. Такой булочкой пренебрег.

Из подъезда вышел мужчина с маленьким чемоданом в руке, посмотрел на часы и прыгающей походкой пошел в сторону улицы Горького. Бугаев, с аппетитом уплетая булочку, рассеянно смотрел ему вслед. Его интересовал другой мужчина — «коренастый шатен с выраженьем на лице». Да уж умел подполковник Корнилов, не вдаваясь в долгие объяснения насчет цвета глаз и формы подбородка, дать словесный портрет человеку, словно припечатать. Бугаев хорошо усвоил его характеристики, научился видеть людей глазами Корнилова, и никогда не ошибался.

Радостно тявкнул пес. «Дождался свою хозяйку»,— подумал Семен и бросил взгляд в сторону кафе. Эрдель радостно прыгал вокруг девушки. «Фигура-то какая. Ай-яй-яй. А я при деле». Девушка заметила Бугаева, улыбнулась и, наверное, тут же осудив себя за проявленное мягкосердечие, насупилась и гордо прошагала мимо.

— Микки! — позвал Бугаев. Эрдель обернулся и натянул поводок. Девушка сердито посмотрела на Бугаева.

— Я хотел его подкормить,— смиренным голосом сказал Семен, вылезая из машины. — А он у вас привереда. Ему, наверное, колбасу подавай. А колбасы я и сам бы съел.

— На колбасу у вас денег не хватает? — сказала девушка. — Все на машину потратили?

— Конечно! Бензин-то нынче дорогой. — Бугаеву хотелось подольше задержать девушку. Поговорить с ней. Так было полезнее для дела. Кому придет в голову, что любезничающий с девушкой мужчина торчит здесь по службе.

Девушка помедлила, внимательно глядя на Бугаева, потом, словно решившись, вынула из сумки пакет молока.

— Запейте. — Она протянула пакет Семену. — Или вы молоко не употребляете?

— Употребляю,— весело отозвался Бугаев и тут увидел, как из подъезда вышел Аристарх Антонович. Шатен он или нет, капитан не разобрал,— на голове Платонова красовалась светло-серая шляпа,— но по сосредоточенному, смятому волевой гримасой лицу, по всему облику Бугаев понял, что не обознался.

— Если вы еще и улыбнетесь,— сказал капитан девушке,— я буду считать сегодняшний ужин самым счастливым.

Девушка не выдержала и улыбнулась. «Какая у нее добрая улыбка»,— отметил Семен.

Платонов уверенной, самодовольной походкой подошел к красным «Жигулям», достал из кармана светлого плаща ключи и открыл дверцу. Прежде чем сесть в машину, он оглянулся по сторонам. По тому, как он это проделал, Бугаев понял, что у Аристарха Антоновича оглядывание — обычный ритуал самодовольного человека. «Я сажусь в свои новенькие «Жигули». Видят ли это прохожие?»

Он заметил девушку и поклонился ей. А она ответила на приветствие небрежным взмахом руки.

«Э-э, да они знакомы»,— отметил капитан, еще не представляя, хорошо это или плохо и как такой факт можно будет использовать в будущем.

— Не предлагаю вас довезти до дому. За молоком не ездят в другой район,— сказал Бугаев девушке, внимательно следя за тем, как Платонов усаживается в машину, вставляет зеркало. — За угощение — спасибо. Завтра я верну шестипроцентным... Вашей подруге Гале. И у нее узнаю ваш телефон.

Бугаев сел в машину, включил зажигание и, отпустив метров на двести вперед красные «Жигули» Платонова, двинулся следом. Девушка и эрдель с недоумением смотрели на отъезжающий автомобиль.

Платонов ехал не спеша, соблюдая правила. Бугаеву даже показалось, что при виде инспекторов ГАИ он сбавляет скорость. Он проехал Большой проспект, свернул на Кировский. Машин было уже не-

много, и капитан, чтобы Аристарх Антонович не заподозрил недоброе, отпустил его довольно далеко вперед. На Каменном острове Платонов остановился у телефонной будки. Проехав чуть вперед, затормозил и Бугаев. Или нужный номер был занят, или Платонов долго говорил. Ждать пришлось порядочно. А когда Аристарх Антонович вышел из будки, подошел к своим «Жигулям», его ожидал инспектор ГАИ. «Чего он там нарушил? — с неудовольствием подумал Семен. — Такой дисциплинированный водитель». Платонов что-то долго объяснял инспектору, смешно жестикулируя, пока инспектор не отвел его шагов на двадцать назад и не показал на какой-то знак. «Стоянка запрещена,— догадался Бугаев. — Сейчас и до меня очередь дойдет». Искушать судьбу он не стал и, пока Платонов платил штраф, отъехал, поджидая его за Ушаковским мостом.

Когда они миновали Поклонную гору, капитан забеспокоился. Похоже было, что Аристарх Антонович собрался на ночь глядя за город, а у Бугаева было меньше чем полбака бензина. Но в Парголове Платонов свернул с шоссе на тихую зеленую улицу. Выждав немного и выключив огни, Семен направился за ним. Габаритные огоньки платоновского автомобиля виднелись уже в конце улицы. Наконец мигнули тормозные. Видно, Аристарх Антонович прибыл на место. Бугаев тоже остановился, чуть не съехав в канаву, осторожно закрыл дверцу и легко побежал по тропинке туда, где только что светились огни автомобиля. Было совсем темно. Лишь редкие неяркие фонари высвечивали неровную, заросшую подорожниками дорогу. В редких домах светились окна, прохожих не было. Не доходя до машины, Бугаев остановился и прислушался. Шагов не было слышно.

«Что же он, решил в машине заночевать? — подумал Семен. — Или уже зашел в дом?» Но, приглядевшись как следует, Бугаев заметил, что Платонов поставил машину там, где никакого дома не было. Напротив пожарного водоема. Капитан решил не торопиться. «Не увидел, куда зашел, увижу, откуда выйдет, а так спугнуть можно». Но в это время осторожно открылась дверь «Жигулей» и так же осторожно закрылась. Слышно было, как царапнули по металлу ключи, не попав сразу в замочную скважину. Потом послышались шаги. Бугаев тихо двинулся следом. Около одного из фонарей он разглядел Платонова. Тот шел спокойной, уверенной походкой, держа в руке довольно большой чемоданчик-«дипломат», тускло поблескивающий металлической окантовкой. Мягко пружинила под ногами земля. Трава уже стала мокрой от росы. Легкий ветерок доносил из садов одуряющий запах цветущего табака и еще каких-то сладко пахнущих цветов. Неожиданно Платонов остановился. Замер и Бугаев. Аристарх Антонович стоял минуты две, очевидно прислушивался. Потом Бугаев услышал шорох, негромкое дребезжащее постукивание — наверное, Платонов подергал калитку. Семен придвинулся поближе, чтобы не пропустить, куда он войдет. Теперь он различал темный силуэт Платонова, припавшего к забору и пытавшегося что-то сделать с замком. Похоже, что калитка никак не открывалась. Аристарх Антонович поднял над забором «дипломат». Бугаев услышал, как, скользнув по кустам, чемоданчик глухо ударился о землю. Громко сопя, Платонов полез через ограду. Семен затаился, ожидая, что штакетник обломается, но Аристарх Антонович ухитрился ничего не сломать и, грузно перевалившись через забор, стал шарить в кустах, отыскивая «дипломат». Потом кусты прошелестели в направлении к темневшему в глубине участка дому. Ни одного огонька не светилось в окнах.

Бугаев осторожно подошел к калитке и с трудом прочитал на проржавевшем номерном знаке: «Озерная ул., дом 6». Рядом висел почтовый ящик, в котором белели газеты.

Собственно говоря, делать здесь Бугаеву было больше нечего. Он выполнил задание подполковника, выяснил, куда отправился на ночь глядя заинтересовавший уголовный розыск Аристарх Антонович Платонов. Но сомнительный способ, с помощью которого Аристарх Антонович проник на дачу, весьма заинтересовал капитана. «Тут что-то не то! — подумал он. — К себе на дачу люди через забор не лазают!» Он прошелся вдоль забора, слегка подергав штакетины. В одном месте они свободно раздвинулись, открыв лаз, которым, наверное, пользовались местные мальчишки. «Могли бы вы, Аристарх Антонович, и поберечь свои штаны, не лазать через забор»,— ухмыльнулся Бугаев. Его так и подмывало нырнуть в сад и проверить, чем там занят его подопечный, но это уже было нарушением закона. А если дача принадлежит самому Платонову и он просто забыл дома ключи? «Хорош же я буду, если он обнаружит меня в своем собственном саду». Но и уехать капитан не мог. Чтобы не маячить у забора, он перешел на другую сторону улицы. Отсюда дом, куда приехал Платонов, был виден лучше: не мешали кусты, разросшиеся вдоль забора. Окна в доме были по-прежнему темные, но через несколько минут где-то в глубине дома появился свет, видно, включили лампочку в прихожей, а дверь в комнату оказалась приоткрытой. На мгновение света стало больше, в дверном проеме мелькнула фигура человека, и дверь плотно прикрыли. «Сейчас задернет занавески»,— подумал Бугаев и не ошибся — скоро в двух окнах появились слабые отблески, пробивающиеся сквозь узкие щели плотных штор.

За спиной у капитана с громким стуком открылось окно.

— Позакрывала все окна! Не продохнуть! — донесся ворчливый бас, а потом Бугаев услышал приглушенную музыку. И голос популярного актера: «До чего точен этот плут! Приходится говорить осмотрительно, а не то мы погибнем от двусмысленности».

И тут же резкий женский голос заставил капитана вздрогнуть:

— Опять зарплату не принес! Пьянь несчастная. Что пялишься? Залил глаза водкой!

«Увы, бедный Йорик! Я знал его, Горацио»,— прошептал артист. Потом его слова утонули в бубнящем голосе мужчины.

— Ты мне сердце не рви. Уймись! Хуже будет.

Заплакал ребенок, и тут Бугаев услышал шум приближающейся автомашины. Яркий свет фар высветил все колдобины и лужи на дороге. Недалеко от того места, где стоял капитан, машина остановилась. Хлопнули дверцы.

— Где-то здесь,— сказал мужской старческий голос. — Темно, как... — мужчина выругался. — Не могли до утра подождать.

— Ничего, Петр Никитич,— успокоил молодой звонкий голос. — Сейчас пройдемся, вы и вспомните.

Голос этот Бугаеву был хорошо знаком.

«Володька Лебедев,— удивился капитан. — Чего он тут делает?» — Семен перепрыгнул через канаву и кинулся к машине.

— Лебедев! — тихо позвал он.

— Я,— отозвался молодой голос. — Кто здесь?

— Да не ори ты! — одернул Бугаев.

— Семен, ты? — узнал старший лейтенант.

Бугаев подошел к машине и сказал шоферу, выглядывавшему через опущенное стекло.

— Свет выруби.

Улица снова погрузилась во мрак.

— Вы чего приехали? — спросил Семен у Лебедева.

— Петр Никитич ключ опознал,— прошептал Лебедев. — От дома погибшего...

— Значит, сошлось. Платонов туда залез.

— Какой... — начал Лебедев.

— Аристарх. Ну что ж, теперь нам сам бог велел. Сажай своего Никитича в машину. Пусть сидит тихо и не вылазит,— скомандовал капитан.

— А дом? — удивился старик. — Дом будем искать?

— Садитесь и сидите молча. И не курить. — В голосе Бугаева старик почувствовал неоспоримую властность и, не проронив больше ни слова, полез в машину. Бугаев тихонько притворил за ним дверцу.

— Давай за мной,— сказал он Лебедеву, и, перескочив через канаву, они подошли к забору. Семен нашел лаз и нырнул в него.

В боковом окне щель между шторами была побольше. Схватившись руками за наличник, Бугаев влез на уступ фундамента. Лебедев поддерживал его сзади. Комната была большая, плохо освещенная. Скорее всего Платонов включил только настольную лампу. Сам он стоял около стены, завешанной иконами, и, держа в руках, рассматривал одну из них. Потом потянулся вверх и повесил ее на место. И тут же снял другую. Перевернув, он внимательно посмотрел на обратную сторону. Бугаеву даже показалось, что Платонов ласково провел по ней рукой. Эту икону Аристарх Антонович осторожно поставил на пол. Семен заметил, что так уже стоят, прислоненные к стене, несколько икон.

Аристарх Антонович между тем прошелся вдоль стены, внимательно разглядывая иконы. Наверное, он что-то искал и не мог найти, потому что, скрывшись на несколько секунд из поля зрения капитана, появился, держа в руке маленькую настольную лампу, и стал светить на иконы. Косые лучи прыгали по ним, и казалось, что святые ожили — выражения их лиц судорожно менялись в игре света и тени. Наконец Платонов снял еще одну икону и поставил лампу на место. Потом принес «дипломат» и стал складывать туда иконы.

«Сейчас выйдет,— подумал капитан. — Тут мы и возьмем его с поличным. Надо же — ведь самый настоящий ворище!» Он тронул Лебедева за плечо и осторожно слез на землю.

— Будем брать на выходе. А то скажет, что влез из чистого любопытства,— прошептал Семен старшему лейтенанту. — Он тут крупно прибарахлился.

Инспекторы затаились у крыльца, но в доме по-прежнему была тишина.

— Что он там, спать улегся? — сердито шепнул Бугаев и снова приладился к окну.

Аристарх Антонович, открыв дверцу бара, наливал в стакан коньяк. Наполнив до половины, он посмотрел на стакан, смешно оттопырив губы, и долил еще.

«Вот живоглот! — подумал Семен, глядя, как Платонов с удовольствием пьет из стакана. — И коньяк-то марочный выбрал!» Платонов поставил пустой стакан на полочку, внимательно осмотрел бар, взял три пачки сигарет—Бугаев не разглядел, каких,—и закрыл бар. Потом, словно спохватившись, снова открыл и, вынув из кармана носовой платок, тщательно вытер им бутылку, стакан, потом дверцу бара. Бугаев спрыгнул и подошел к Лебедеву, присевшему на крыльце.

— Что там? — спросил старший лейтенант.

— Цирк. Сейчас будет весь дом носовым платком обтирать.

Но огонь в окне погас, негромко стукнула дверь в глубине дома. Платонов, неслышно ступая, появился на крыльце. Со света он не заметил сотрудников и, повернувшись к ним спиной, прикрыл дверь и сунул ключ в замок...

— Гражданин Платонов! — строго сказал Бугаев.

— А-а-ай! — дернулся Аристарх Антонович, словно ужаленный, и, пригнувшись, кинулся от дверей, угодив Лебедеву головой в живот. Каким-то чудом Володя удержался, а Платонов свалился с крыльца, ломая кусты.

Понятыми пригласили старика Гулюкина и соседку, молодую женщину, которая и сообщила, что дом принадлежит Олегу Анатольевичу Барабанщикову. Лебедев сел писать протокол. Бугаев открыл на столе «дипломат» Платонова. Там лежали три небольшие иконы. Аристарх Антонович на вопросы отвечать отказался.

— В чемодане «дипломат», изъятом при задержании гражданина Платонова Аристарха Антоновича, обнаружены три иконы с изображением святых,— продиктовал капитан Лебедеву.

Гулюкин, с любопытством разглядывавший иконы, сказал:

— «Георгий Победоносец», «Спас на престоле» и «Положение во гроб».

— Вы точно знаете? — спросил Бугаев.

— Точно, товарищ начальник.

— Так и запишите, товарищ Лебедев,— официальным тоном сказал капитан.

— Врет! — вдруг подал голос Аристарх Антонович, пришедший в себя после испуга и сидевший с каменным лицом. — Старый человек, а врет! Какой же тут «Спас на престоле»? Нечего приписывать мне чужие иконы.

— Немой заговорил,— тихо, себе под нос, буркнул капитан и, повернувшись к Аристарху Антоновичу, спросил: — А что же это за икона?

— Принадлежащая лично мне икона «Спас в силах».

Гулюкин смущенно махнул рукой — пишите, мол, что хотите.

Бугаев открыл второе отделение «дипломата» и вынул оттуда большой синий конверт. В конверте лежала старинная книга в бежевом, телячьей кожи, переплете.

— Библия, что ли? — Капитан раскрыл ее и увидел, что желтые, кое-где истлевшие страницы исписаны красивой старинной вязью, а заглавные буквы раскрашены.

— Библия толще,— вставил Гулюкин.

— Э-э... — Аристарх Антонович издал какой-то нечленораздельный звук.

— Вы хотите сделать заявление, гражданин Платонов? — поинтересовался Бугаев. У него никак не выходил из головы Платонов, пьющий чужой коньяк.

Аристарх Антонович не сводил глаз с книги.

— Нет, не хочу,— наконец выдавил он.

— Запишем: старинная книга. — Бугаев сунул руку в конверт и достал оттуда железнодорожный билет с фирменным посадочным талоном на «Стрелу».

— Поезд номер один, вагон шестой, место тринадцатое,— сказал он. — А поезд-то ушел, Аристарх Антонович! Билет-то вчерашний! Что же вы не уехали? Неотложные дела задержали?

Платонов молчал.

— По каким делам вы оказались в доме гражданина Барабанщикова? — спросил Бугаев. — И откуда у вас ключ от чужих дверей? — Он положил на стол длинный ключ с заковыристой бородкой — чудо кустарного производства. Точно такой же, что нашли в кармане погибшего хозяина дома.

— Мое изделие! — гордо сказал Гулюкин. — Точно. — И требовательно уставился на Аристарха Антоновича, словно хотел поскорее услышать, каким образом его произведение оказалось в руках Платонова.

Но Платонов больше не произнес ни слова. Он сидел с таким видом, словно все происходившее в доме совсем его не касалось. Лицо Аристарха Антоновича снова приобрело выражение значительности и превосходства.

Бугаев махнул рукой:

— Ладно. Еще наговоримся. Время будет.

Понятые подписали протокол, дверь опечатали.

В машине Гулюкин с сожалением, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Время позднее, пивком уже не разжиться. Ну да ладно. Вижу, и без меня бы вы обошлись, соколики...

10

На следующий день утром Лебедев выяснил в домоуправлении, что Олег Анатольевич Барабанщиков работал на станции Ленинград-Товарный, в военизированной охране.

Начальник охраны, пожилой плотный мужчина, похожий на офицера-отставника, только что вскипятил чай и разложил на столе бутерброды, поэтому появление Лебедева его не слишком обрадовало. Он отвечал неохотно, хмурился, то и дело дотрагивался широкой загорелой ладонью до чайника, словно хотел намекнуть о необходимости поскорее закончить разговор.

— Барабанщиков? Работает такой. Есть ли замечания? Замечаний нет. Все у него тихо, никто не балует.

— Как же вы говорите — работает,— не вытерпел Лебедев,— когда он три дня назад погиб.

— Погиб? — удивился начальник и открыл серую, залапанную не слишком чистыми руками амбарную книгу, словно в ней должны были появиться сведения о гибели Олега Анатольевича.

— Вот как?! Погиб,— шептал начальник, выискивая что-то в многочисленных графах. Найдя, сказал: — Он сегодня в ночь должен выйти. Но, кажись, с кем-то еще менялся дежурствами. Сейчас выясню. — Открыв дверь в соседнюю комнату, он спросил: — Григорьева, Барабанщиков ни с кем не менялся сменами?

— Менялся, Петр Петрович,— ответил приятный женский голос. — С Брейдо он менялся. Говорил, в Москву надо.

— В Москву, говорил, надо,— снова усевшись за стол, повторил начальник и приложил ладонь к чайнику. Наверное, чайник катастрофически остывал, потому что Петр Петрович, вдруг решившись, сказал: — А вы, товарищ, может, со мной за компанию по чайку ударите?

Ничего нет лучше для выяснения каких-либо обстоятельств, получения необходимых сведений, как серьезное, с глазу на глаз чаепитие. Исчезают натянутость первых минут знакомства, настороженность. Ничего не значащие реплики, вроде «эх, чаек, всем напиткам королек» или сообщение друг другу «чайных» секретов, помогают найти общий язык и завести душевную беседу.

Бутерброды Петр Петрович разделил по-братски, чай заварил со знанием дела. Да и беспокоился он напрасно — кипяток был еще что надо.

— У нас ведь народ сложный, товарищ Лебедев,— рассказывал он, с удовольствием прихлебывая чай. — Из-за денег к нам не идут, зарплата с гулькин нос. Нанимаются лоботрясы, к любому другому делу непригодные, или те, кому время свободное нужно. Так что вахтеры наши на всяк манер. В душу-то человеку не залезешь, но я ведь чувствую — есть такие ловчилы! И калымят где-нибудь, и еще черт-те чем занимаются.

Лебедев слушал внимательно, не донимал Петра

Петровича вопросами. Ждал, когда дело дойдет до Барабанщикова.

— Вот есть такой вахтер — Плошников. Мужик двужильный. Так он в свободное время у себя в гараже машины чинит. Когда-то на станции техобслуживания работал. Мастер! Так этот Плошников на своей починке в десять раз больше заработает, чем у нас. Но человек он тихий, не запивает, не прогуливает. А есть и умственные люди. Два молодых парня-художника работают. Ну, не могу сказать, что известные. Но хорошие художники. — Он достал из стола книжку в зеленой суперобложке. Лебедев не успел прочитать название. Раскрыл титул:

— Вот видите — оформление художника Бунчакова. Саня у нас работает... А вот Барабанщик... — Он машинально сказал «Барабанщик», так, наверное, как привыкли звать Олега Анатольевича между собой, но тут же поправился: — А вот Барабанщиков был мне мало понятен. Человек добрый, приветливый, для каждого нужное слово найдет, но не мог я понять — в чем его стержень. Заглянет в контору — все у него хиханьки да хаханьки. Кому среди зимы гвоздичку подарит, кому пачку сигарет американских. А начнешь с ним про житье-бытье говорить, он словно налим, не дается в руки. — Петр Петрович вздохнул, потом спросил: — Он что ж, в аварию попал?

— Нет. Ездил за город, проник в полуразрушенную церковь. Ну и... То ли с высоты сорвался, то ли еще что. Разбился, в общем.

— Вот так-так! — удивился начальник. — Чего это он полез в церковь? Такой осторожный человек.

Лебедев промолчал.

— Да, знал бы, где упасть,— покрутил головой Петр Петрович.

— Он дружил с кем-нибудь из сотрудников?

— У нас особо не раздружишься. Отдежурил сутки и гуляй. Как собрание запланируем провести, прямо бедствие, аврал объявляем. Не соберешь ведь наше войско. — Он подумал немного. — А Барабанщиков-то со всеми ласков был. Дружить не дружил, но ни с кем не ссорился. Подмениться был всегда готов. — Петр Петрович вдруг неожиданно засмеялся и закрутил головой: — Не пойму только, почему его собаки не любили! Ведь сколько раз кусали.

— Какие собаки? — удивился Лебедев.

— Да наши. Сторожевые. Вахтер, когда на дежурство идет, собак во двор выпускает. Да и кормит их он.

Приехав в управление, Лебедев на всякий случай поинтересовался в ОБХСС, не было ли за последние годы случаев воровства на станции Ленинград-Товарный. Ему ответили, что с тех пор, как там поменяли начальника охраны, хищения прекратились. «Молодец Петр Петрович,— подумал Лебедев с теплотой,— наладил дело».

И еще одну новость узнал старший лейтенант в управлении. Олег Анатольевич Барабанщиков, сорокового года рождения, кличка Барабан и Фокус, дважды судимый, один раз — за мошенничество, второй — за покушение на убийство, значился в картотеке Министерства внутренних дел Союза.

11

Вид у Аристарха Антоновича был насупленный. Четыре морщины на лбу залегли особенно глубоко. Не чувствовалось, что неожиданное задержание на чужой даче поколебало его самоуверенность.

«Кого же он мне напоминает?» — подумал Игорь Васильевич, но вспомнить так и не мог.

— Ну что ж, Аристарх Антонович, вчера я у вас гостил, сегодня вы ко мне с ответным визитом...

Платонов шутки не принял, только сердито скосил на Корнилова холодные голубые глаза.

— Вам, конечно, понятна причина задержания? — продолжал подполковник.

— Нет. Совсем непонятна,— отрубил Платонов.

— Я объясню еще раз. Вы были задержаны в доме, принадлежащем гражданину Барабанщикову Олегу Анатольевичу, при попытке вынести оттуда три старинные иконы... — Корнилов перелистал протокол задержания. — Ценность икон определит экспертиза...

— Все не так!

— Вот и объясните, как было на самом деле. — Корнилов достал сигареты, закурил. Протянул пачку Аристарху Антоновичу. — Не хотите? — Тот мотнул головой.

Несколько минут они сидели молча. Платонов то сдвигал брови, то выпячивал нижнюю губу, то принимался быстро-быстро барабанить пальцами по подлокотнику кресла. Корнилов не торопил. Наконец Аристарх Антонович сделал глубокий вдох, как перед прыжком в воду, громко выдохнул воздух и сказал:

— Вам известно, что я старший инженер конструкторского бюро?

— Да,— кивнул Игорь Васильевич и включил магнитофон. — Это записано в протоколе задержания.

— К тому же я кандидат технических наук. В кругу моих коллег — ученых и инженеров — мой арест вызовет недоумение... — Он на секунду замолк, подбирая слова. — И возмущение произволом...

— Мы заинтересованы побыстрее разрешить все проблемы,— благожелательно сказал Корнилов. — Вы хотели объяснить, как оказались в чужом доме?

— Ну хорошо,— согласился Платонов. — Объ-ясняю: Барабанщиков — мой знакомый. Не приятель, не друг — просто знакомый. У-точ-няю: несколько раз он оказывал мне услуги — реставрировал иконы. У меня большая коллекция...

Корнилов кивнул.

— Вот-вот. Вы имели честь... Несколько месяцев назад я дал Барабанщикову на реставрацию три редких экземпляра. — Он подумал немного и добавил: — Нет, прошло уже больше времени. Больше года.

Игорь Васильевич пометил на листке бумаги: «3 иконы?»

— Вчера вы приходите ко мне и показываете фотографию Олега Анатольевича. Так сказать, мертвого... — Он свел морщины на лбу. Откашлялся. — Понимаю ваше недоумение, но на фото Барабанщикова я сразу не узнал. Потом, когда вы ушли, меня вдруг

осенило... Я решил проверить — это так естественно. Не правда ли?

— Продолжайте, продолжайте,— кивнул Игорь Васильевич. «Не прост Аристарх Антонович, не прост! — подумал он. — Логично излагает».

— Телефона у Барабанщикова нет. Я поехал на машине. Ключ от дома Олег мне дал давно. Иногда я приезжал в его отсутствие отдохнуть. Увидев, что дом пустой,— понял, случилось несчастье. Я не обознался — на фото Олег мертв? Вы понимаете, товарищ...

— Корнилов.

— Товарищ Корнилов. Когда начинаешь волноваться, всегда делаешь ошибки. Олег умер, подумал я. Приедут родственники. Они живут у него в Пензе. Имущество разделят. Иконы выбросят или продадут. Как я докажу, что это мои иконы? Как? — Он развел руками. — Ну вот! Я решил их забрать. Мои иконы. В это время приехали ваши товарищи.

— Иконы отреставрированы?

— Что? Ах да! Иконы. Уже отреставрированы. Я могу заплатить родственникам за работу Олега Анатольевича.

— Аристарх Антонович, у вас с Барабанщиковым есть общие знакомые?

— Кого вы имеете в виду?

— Общих знакомых. Людей, которые бы знали и вас и Барабанщикова.

— Есть, конечно.

— Кому-то из них можно сейчас позвонить?

— Сейчас? — Платонов посмотрел на часы. — Можно. Только я...

Корнилов протянул ему записную книжку, изъятую во время задержания. Аристарх Антонович начал листать.

— Вот, хотя бы Рассказов Петр Горемирович... Доктор наук. Коллекционер. Вас соединить с ним?

Платонов потянулся к телефону. Корнилов остановил его.

— Звонить не надо.

— Тогда зачем же... — удивился Аристарх Антонович.

— Почему же вы вчера не позвонили Рассказову? Не поинтересовались у него, не случилось ли чего плохого с Барабанщиковым, а поехали сразу к нему домой?

— Понимаете ли...— Аристарх Антонович опять выпятил губу, и Корнилов подумал, сдерживая улыбку: «За хороший крючок ты зацепился своей толстой губой, милый».

— Все-таки иконы мои! — выдохнул Платонов энергично.

— Ну хорошо. Ваши так ваши,— согласился Игорь Васильевич. — Вам хотелось потихоньку забрать свои иконы,— он нажал на слово «свои»,— без лишней огласки.

Платонов кивнул.

— Но вот фотографии, которые сделали сегодня утром наши сотрудники в доме Барабанщикова,— он положил перед Платоновым несколько больших фотографий коллекции икон, развешанных на стене. Среди икон явно выделялось шесть пустых мест. В самом центре стены. «А, кстати, почему пустых мест шесть? — подумал подполковник. — Ведь в «дипломате» их было три?»

— Видите, Аристарх Антонович, не хватает шести икон. Там, где они висели, даже обои потемнее. Не выгорели. А по размеру как раз подходят те, что изъяли у вас. Неужели Барабанщиков развесил бы чужие иконы? И потом... Вы не знаете, куда делись еще три иконы? Может быть, не только вы приходили за своим имуществом?

— Он был бесчестным человеком,— упрямо сказал Платонов. — Он присвоил три моих иконы. Три я и взял!

— Аристарх Антонович, не нужно ухудшать свое положение. Чем дальше в лес... А вдруг отыщутся люди, которые видели эти иконы у Барабанщикова? Я не исключаю, что найдем мы и людей, у кого он их купил. Вот с этим ключом тоже... — Игорь Васильевич взял в руку длинный ключ со сложной бородкой. — Вы говорите, что Барабанщиков дал вам его в пользование. Приезжай отдыхай... А ключ от калитки он почему вам не дал? Через забор-то неприлично старшему инженеру лазить.

Платонов опустил голову на ладони, с силой провел ими по лицу. Глаза у него сделались затравленные. Но Корнилов увидел и другое — напускное величие, многозначительность ушли с лица, оно разгладилось, стало как-то мягче, проще. Человечнее. Только четыре глубокие морщины так и остались на лбу. «Вот так-то лучше»,— подумал Игорь Васильевич.

— Дело дойдет до суда? — спросил Аристарх Антонович.

Корнилов пожал плечами:

— Будущее покажет.

— Все пропало. Столько лет труда... А если чистосердечное признание? — с надеждой спросил Платонов. — Я дам подписку, что это никогда не повторится. Вы должны понять — я же старший инженер, ученый, интеллигентный человек.

— У вас есть семья?

— Да. То есть практически нет. Я в разводе. Жена с сыном живет у матери, в деревне.

Чувство жалости, шевельнувшееся было в душе подполковника, угасло.

— Не знаю, как решит следователь, но даже в том случае, если вы докажете, что иконы принадлежали вам, вы, Аристарх Антонович, совершили преступление — проникли в чужой дом,— сказал он. — Конечно, будут учтены и обстоятельства преступления, и личность подсудимого... — Он хотел добавить: «и уровень его интеллигентности», но сдержался. — Если вы хотите помочь следствию, напишите подробно обо всем. Только честно. Неудобно человека, считающего себя интеллигентным, уличать во лжи...

— Да, да. Я напишу,— кивнул Платонов.

— Перечислите людей, которые знали Барабанщикова. Подробно опишите, что вы делали в ночь с третьего на четвертое сентября.

— А это зачем? — насторожился Аристарх Антонович.

— Это важно для нас обоих. И обязательно напишите, как попал к вам ключ от дома погибшего.

Платонов согласно кивал.

— Теперь можете ехать домой. Завтра в десять я жду вас с подробными объяснениями.

— Я могу уйти? — на лице Платонова мелькнула надежда.

— Да. Следователь, который будет вести дело, избрал мерой пресечения для вас подписку о невыезде. Пока идет следствие, вы не должны покидать город. — Корнилов подвинул Платонову лист бумаги, тот внимательно, слегка шевеля губами, прочел и расписался красиво, с кудрявыми завитушками.

Когда Аристарх Антонович подходил к двери, подполковник окликнул его. Платонов вздрогнул и обернулся.

— Вы никогда не видели у Барабанщикова оружие?

— Оружие?

— Да. Пистолет, например?

— Нет, не видел.

«Спокойней было бы оставить его «погостить» у нас,— подумал Игорь Васильевич, когда за Платоновым закрылась дверь,— но раз уж следователь так решил... Может быть, на доверие Платонов ответит откровенностью?»

Правда, не очень-то верил подполковник в откровенность людей такого склада, как Платонов. Слишком много было в нем напускного, неискреннего. «Лицедей,— неприязненно думал Корнилов. — Только мои эмоции к делу не пришьешь, как говорил когда-то Мавродин».

Майор Мавродин, умерший в прошлом году, был первым наставником Игоря Васильевича в уголовном розыске.

12

Телефонный звонок разбудил Корнилова в шесть утра. Дежурный по городу доложил, что ночью на Озерной улице в Парголове сгорел дом Барабанщикова.

Когда Корнилов приехал на Озерную, пожарище еще дымилось. Пахло мокрой золой и почему-то печеной картошкой. Трава, кусты, яблоки — все было засыпано пеплом. Выгорело почти все внутри дома. Стояли обгорелые стены да чудом не обрушившиеся стропила. Пожарные машины уже уехали, осталась только их красная «Волга» с экспертами. Несколько женщин стояли, перешептываясь, и с любопытством разглядывали копавшихся на пепелище экспертов и следователя. Чумазый милиционер потерянно бродил рядом.

— Вы дежурили ночью? — спросил у него Корнилов.

— Я. — Милиционер почувствовал, что перед ним начальство, и совсем стушевался. — Кто же его знает, чего он вдруг загорелся. Тихо было совсем. Спокойненько. Вдруг — жах! Как полыхнет.

— Покажите, где вы были, когда заметили огонь? — попросил подполковник.

Милиционер вышел из калитки на улицу.

— Не надо было отпускать этого Аристарха! — сердито зашептал подошедший Бугаев. — Наверняка его рук дело!

— Спокойно, капитан,— одернул Семена Корнилов. — Лучше вспомни как следует, не оставили ли вы с Лебедевым включенными электроприборы во время обыска. И как с куревом у вас было?

— Все в порядке, товарищ подполковник,— обиженно сказал Бугаев. — Что ж мы, в первый раз?

Милиционер перешел дорогу, остановился у скамеечки...

— Вот здесь я и сидел. У Молевых на скамейке. Все отсюда видно. Дом Барабанщикова как на ладони. Вдруг полыхнуло. Я калитку вышиб и к дому. Да куда там! Стекла уже посыпались. Черепица ровно как пулемет трещит. Побежал звонить пожарникам. Тут автомат на углу...

— Хорошо, сержант. Все сделали правильно,— сказал Корнилов.

Они вернулись на пепелище.

— Скорее всего поджог. Эксперты, конечно, точнее все доложат, но у меня сомнений нет,— сказал капитан из пожарной охраны. — Все внутри дома было облито бензином. И канистра оставлена, поленились даже спрятать. — Он пнул ногой большую обгоревшую банку. — Из сарая притащена. Я место нашел, где она стояла. А сарай взломан.

— Собаку не пробовали пускать? — спросил подполковник у молодого капитана, следователя из районного отдела внутренних дел.

— Пробовали, товарищ подполковник, не берет. Все вокруг пеплом засыпано. Видно, приличная тут жаровня была. Не хотите печеной картошки? Еще горячая. В подвале испеклась.

— Может быть, и картошкой придется заняться,— без улыбки ответил Корнилов. — Если нужда придет. А сейчас другие заботы есть. Бугаев! — позвал он Семена. — Пройдемся еще разок по участку.

С трех сторон к дому Барабанщикова примыкали участки других хозяев. Забор стоял хлипкий, на «живую нитку». Кое-где подгнили столбы, и штакетник завалился. Лежал прямо на кустах. Позади участка в заборе зияла большая дыра. Корнилов внимательно осмотрел ее. Свежая. «Только-только ломали»,— определил он.

— Не проверяли? — спросил подполковник у Бугаева и кивнул головой на дом за забором.

— Проверяли. Когда начался пожар — соседи выломали. Ведрами стали воду таскать, да куда там.

— Если кто-то чужой хотел попасть к дому Барабанщикова незаметно, он скорее всего шел здесь,— сказал подполковник.

— При условии, что сержант с улицы никого не проворонил.

— Ты с ним подробно беседовал?

Бугаев кивнул.

— С той скамеечки ему три дома как на ладони. А вот что на задворках творилось — он не видел.

— Сейчас одна надежда — опросить всех соседей, не видали ли кого чужого,— сказал Корнилов. — Я еще пройдусь по саду и поеду в управление. А ты с людьми беседуй, пока на работу не разъехались. Никого не пропусти.

— Вы считаете, что это не Аристарх поработал? Кто-то другой? — Бугаев с сомнением смотрел на обгорелый дом. Подполковник промолчал, Семен покрутил головой и, вздохнув, пошел через кусты к соседям.

«Нет, это не Платонов,— думал Игорь Васильевич, внимательно, штакетину за штакетиной, осматривая забор. — Он свое уже взял. Хотел бы поджечь — поджег бы вчера. А возвращаться сюда, после того как тебя милиция задержала... Надо решительным человеком быть. А вся его решительность — одна видимость: четыре морщины на лбу да волевой подбородок».

Осмотр ничего нового Корнилову не дал. Повсюду: на траве, в кустах, на заборе — валялось столько всякого хлама — каких-то тряпок, полуобгорелой бумаги, старых корзинок, обуглившейся мебели, что поиски здесь следов преступника теряли всякий смысл. «Бедлам какой-то,— раздражаясь оттого, что ничего не сумел прояснить, думал подполковник. — С чем приехали, с тем и уезжаете, товарищ начальник. Что о вас районные милиционеры подумают?» Он сел в машину и сразу же набрал номер управления. Ответил Белянчиков, которого подполковник, узнав о пожаре, посылал на квартиру Платонова.

— Ну как там наш инженер? — спросил Корнилов. — Написал сочинение?

— Платонов дома не ночевал,— доложил майор. — Соседи видели, как он поздно вечером погрузил в машину чемодан и уехал.

— Этого еще не хватало! — вырвалось у Корнилова. — Розыск объявили?

— Объявили. В доме дежурит Степанов.

«Ну и ну! Ну и Аристарх! — раздражаясь все больше и больше, думал Игорь Васильевич. — Преподнес сюрприз. На что ж он надеется?! Удрал и все свои любимые иконы оставил!» Корнилов вдруг заулыбался. Шофер покосился на него с тревогой.

— Ничего, Саша, ничего. С ума я не сошел,— продолжая улыбаться, успокоил его Корнилов. — Вспомнил я этого Аристарха. Никуда он не убежит, миленький. — Подполковник посмотрел на часы. Было половина десятого. Он снова набрал номер Белянчикова.

— Ты, Юрий Евгеньевич, пропуск Платонову все же закажи.

Когда они подъезжали к Главному управлению, Игорь Васильевич попросил шофера:

— Заверни, Саша, на Каляева, к автомобильной стоянке.

Красные «Жигули» Аристарха Антоновича, забрызганные подсыхающей грязью, красовались в сторонке. Корнилов удовлетворенно хмыкнул.

Платонов, понурясь, сидел в приемной. Увидев Корнилова, Аристарх Антонович встал, поздоровался, чуть наклонив голову.

— Здравствуйте, товарищ Платонов. — Игорь Васильевич скосился на его ботинки — они тоже были в грязи. — Через две минуты я вас приму.

В кабинете, усевшись за стол, Корнилов мельком пробежал сводку происшествий за сутки и, включив селектор, сказал секретарю:

— Варвара Никитична, пусть зайдет гражданин Платонов.

Лицо у Аристарха Антоновича было измученным, отечным. Под глазами залегли густые сине-зеленые тени. От вчерашней фанаберии и следа не осталось.

— Не выспались, Аристарх Антонович?

— Какой уж тут сон...

— Далеко ли ездили?

— Никуда не ездил.

Корнилов снял трубку с телефонного аппарата. Набрал номер Белянчикова.

— Снимите пост на Зверинской у дома тридцать три. Пусть Степанов возвращается в управление.

Посмотрел внимательно на Аристарха Антоновича. Платонов отвел глаза.

— Вы знаете, гражданин Платонов,— жестко сказал подполковник,— дела ваши очень плохи. Очень.

— Но объяснение я принес. — Аристарх Антонович испуганно посмотрел на Корнилова. — Как договорились. Я все написал...

— Сегодня ночью сгорел дом Барабанщикова. Не просто сгорел — его подожгли. Мы подумали: qui prodest? Вы человек ученый, латынь, наверное, понимаете?

— Нет,— мотнул головой Аристарх Антонович.

— Что же вы так? А говорили мне вчера, что кандидат наук. Мы, кстати, проверили — никакой вы не кандидат. Не защитились. А теперь вас другая защита ожидает. Qui prodest — значит: «Кому выгодно?»

Платонов не шелохнулся. Сидел бледный как полотно, ожидая, что еще скажет подполковник.

— Мы решили, что в первую очередь это выгодно вам. Приехали на Зверинскую, а вас нету дома. И соседи говорят — не ночевал. Машина у вас грязная, ботинки тоже... Что прикажете думать? Там, в Парголове, на Озерной, грязи хватает.

Платонов инстинктивно посмотрел на свои ноги.

— А ведь вы, Аристарх Антонович, давали подписку о невыезде. И говорили мне хорошие слова об интеллигентности. Вы знаете, что по моему, милицейскому, разумению отличает человека интеллигентного? Чувство порядочности. — Корнилов смотрел, как розовеют большие, чуть оттопыренные уши Платонова.

— То, что вы написали, я сейчас даже и смотреть не буду. Чтобы не ставить вас в неловкое положение. Мы вас задерживаем. По закону имеем право на семьдесят два часа. До того, как предъявлено обвинение. А новое объяснение я хотел бы получить от вас через час. Успеете?

Платонов кивнул.

Когда его увели, Корнилов вызвал секретаршу:

— От Бугаева нет сообщения?

— Нет, Игорь Васильевич.

— Тогда попроси зайти Белянчикова.

Вся история с погибшим в Орлинской церкви мужчиной получила неожиданный и зловещий поворот. Вначале Игорю Васильевичу казалось, что достаточно найти точки соприкосновения Николая Михайловича Рожкина, убитого из найденного у Барабанщикова пистолета, и самого Барабанщикова, как все станет ясно. Отыщутся скрытые пружины убийства, найдутся люди, знавшие обоих, скрестятся интересы. Но обернулось все по-иному. Существовал еще один человек, решительный и осторожный одновременно, и потому вдвойне опасный, человек, которому не хотелось, чтобы милиция обыскивала дом Барабанщикова, копалась в его вещах. А может быть, это какой-нибудь маньяк или проходимец вроде Аристарха Антоновича? Человек, который решил уничтожить коллекцию погибшего? Чтобы не досталась ни государству, ни родственникам. Решился ведь Платонов залезть в чужой дом за иконами. Корнилов посмотрел на часы — приближался полдень. Подполковнику не терпелось поскорее узнать, что выходил в Парголове Бугаев, хотя он и подозревал, что никакой сенсационной информации капитан не привезет. Все там проделано опытной рукой.

— Ну что? Пишет ученый? — спросил Игорь Васильевич у Белянчикова, когда тот вошел в кабинет.

— Пишет. Почерк, я вам скажу, у него каллиграфический. Нам бы его на полставки протоколы оформлять.

— А по мне, так следовало ему в колонии месяцев шесть стенгазету выпускать «Солнце всходит и заходит»,— проворчал Корнилов. — Только ничего ему не будет. Скорее всего он действительно свои иконы с Озерной унес.

— Чьи бы ни были, а выходит, что он их спас,— сказал Юрий Евгеньевич. — Сгорели бы они за милу душу.

— Это ты, Юрий Евгеньевич, правильно заметил,— усмехнулся подполковник. — Коловращение жизни, как писал О'Генри.

— Игорь Васильевич,— спросил Белянчиков,— а почему ты решил, что Платонов не сбежал, а придет к нам?

— Стереотип мышления... Увидел Аристарх у меня фотографию мертвого Барабанщикова — воспользовался случаем и украл иконы. — Корнилов поморщился. — Свои не свои, но украл! Разницы-то почти никакой — способ преступный. Поймали его с поличным. Платонов понял: не сумеет доказать, что иконы ему принадлежат,— попадет под суд. Я ему на это намекнул. Ну и подумал Аристарх Антонович, а если посадят? Пропала коллекция! Или реквизируют, или кто-нибудь из «друзей» утянет. Он же наверняка и друзей по своей мерке меряет. А тут возможность подвернулась коллекцию «спасти» — отпустили домой. Я думаю, он свои лучшие иконы погрузил в машину и отвез в надежное место. Скорее всего в деревню. Я видел, машина у него вся в грязи.

— Так это только твои догадки? — разочарованно протянул Белянчиков.

— Догадки мои, товарищ майор, имеют реальное основание. Через час прочитаем опус Аристарха Антоновича — убедимся. А у тебя догадок никаких нет?

— Думаю, что ты меня снова к Рожкиной пошлешь.

— Правильно думаешь. Ее надо еще раз подробно расспросить. И про Барабанщикова, и про Аристарха Антоновича.

Белянчиков кивнул.

— На фото она Барабанщикова не признала, а фамилию могла слышать...

— Кстати, а где она живет? — вдруг спросил подполковник.

— В Озерках... Ну-ка, ну-ка! — спохватился Юрий Евгеньевич. — А Барабанщиков в Парголове. Соседи.

— Вот видишь. Еще одна деталь.

13

Объяснительная записка, которую Аристарх Антонович положил на стол Корнилову, начиналась словами: «Серьезно продумав свое поведение за последние сутки, я пришел к выводу, что непреднамеренно совершил ряд неэтичных поступков. Прежде всего, воспользовавшись имевшимся в моем распоряжении ключом от дома гражданина Барабанщикова, я пытался забрать оттуда принадлежавшие мне редкие иконы XVII века. Кроме того, я нарушил данное представителям милиции слово о невыезде из города. Совершил я эти поступки, находясь в стрессовом состоянии, вызванном беспокойством о возможной утрате для общества уникальных произведений древнерусского искусства...» Подполковник читал объяснение Платонова со смешанным чувством удовлетворения и горечи. Удовлетворения от того, что он не ошибся в оценке характера этого человека, его действий. Платонов писал, что, опасаясь за свою коллекцию, решил отвезти иконы на сохранение к своей бывшей жене, в поселок Вырица. И горечь испытывал Игорь Васильевич из-за неискренности, полуправды, стремления вывернуться, которыми дышало каждое слово в записке. «Сообщаю Вам, что все случившееся явилось для меня горьким нравственным уроком. Готов понести любое моральное наказание».

«Согласен только на моральное наказание,— усмехнулся подполковник. — А на большее не согласен. Ну и фрукт! Долго же придется из него правду вытягивать».

Дальше в записке Платонов опять писал о том, что он интеллигентный человек, пользуется уважением в НИИ и много делает для страны и народа. Сплошная лирика — как называл Корнилов такие пустые словоизвержения, и только один конкретный факт. Платонов указал фамилии и адреса двух человек, которые знают историю приобретения им икон, отданных на реставрацию и присвоенных Барабанщиковым.

— Значит, инженер Кузовлев и реставратор Мокшин могут подтвердить, что иконы, изъятые из вашего чемодана, принадлежали раньше вам? — спросил Корнилов, закончив чтение объяснительной записки.

— Да,— кивнул Платонов. — Я же написал. Они все подтвердят. Мокшина я приглашал к себе домой, показывал иконы. Просил отреставрировать.

— Он отказался?

— Да, сказал, работы невпроворот.

— А где вы приобрели их?

Платонов насупился.

— Аристарх Антонович, вы же обещали быть откровенным.

— Я купил их у Барабанщикова.

— За сколько?

— Я уже не помню. — Откровенность у Аристарха Антоновича получилась урезанной, но Корнилов хотел узнать, на какой основе строились отношения этих двух людей — погибшего и ныне здравствующего.

— Постарайтесь вспомнить.

— Я купил иконы несколько лет назад,— морщась, словно у него разболелся зуб, стал рассказывать Платонов. — В то время я еще не увлекался коллекционированием. Купил просто так. Олег предложил, я и купил. За двести рублей все три.

— Почему он предложил их вам?

— Он принес импортные лезвия и джинсы. Открыл портфель — я увидел, что у него там иконы. Выглядели они как рухлядь. Я спросил, что он собирается с ними делать. Барабанщиков говорит — купите. Сейчас это модно.

— А джинсы? Лезвия... Почему он их принес? Вы просили?

— Ну да! Этот Барабанщиков — типичный доставала. Его хаусмайором называют.

— Как, как?

— Хаусмайором. Ну... знаете, домашним майором. Он мог все достать, все дефицитные вещи. Импортные сигареты, кассеты к магнитофонам, даже хорошие стереосистемы. Имел, конечно, свой интерес, но зато удобно — не надо гоняться по городу в поисках дефицита. Приносит прямо на дом...

— Хаусмайор,— пробормотал Корнилов. — Действительно, удобно. А где же он доставал вам дефицит?

Платонов пожал плечами.

— И многие пользовались его услугами?

— Многие.

— Перечислите мне всех, кого знаете.

Платонов поморщился:

— Это, знаете ли, неудобно. Среди них есть мои друзья, солидные люди. Получится сплетня.

— Называйте, называйте. Преступление уже получилось, чего вам бояться сплетен.

Аристарх Антонович вздохнул и начал перечислять...

Фамилии Рожкина среди названных не было.

— Аристарх Антонович, а как вы все-таки объясните, что в вашем «дипломате» оказались чужие билеты в Москву? И эта древняя книга? — Корнилов подвинул Платонову томик Евангелия, но Аристарх Антонович только искоса взглянул на него и отвернулся.

— Это необъяснимо,— сказал он. Выражение значительности, так раздражавшее Корнилова вчера, снова мелькнуло на его лице. Мелькнуло и исчезло. — Я не знаю. Что вы от меня хотите?! Который уже час вы мучаете меня своими вопросами!

Корнилов подумал: «Ну вот, он еще истерику мне закатит», и сказал:

— Ладно, прервемся. А вы, Аристарх Антонович, время даром не теряйте. Думайте, думайте. Вспоминайте. От этого многое в вашей судьбе зависит. И время свободное у вас пока есть.

14

Бугаев приехал из Парголова злой. Корнилов не раз замечал, что когда капитан сердит, то голос у него садится, становится совсем глухим.

— Маковой росинки с утра не перепало,— ворчал Семен. — Перепачкался, как чушка, а результатов — с гулькин нос...

— Ничего, химчисток у нас настроили. Через сутки будешь как огурчик,— утешил его Корнилов. — И пообедать у тебя еще время есть.

— У меня сегодня свидание, товарищ подполковник,— поплакался Бугаев. — Я должен одной даме с собачкой пакет молока отдать. Позавчера, пока Аристарха Антоновича караулил, познакомился. Такая девушка...

— Капитан,— прервал его Корнилов. — Ты мне дело докладывай. — Но, заметив, что Семен обиделся, он добавил: — Про девушку потом расскажешь.

— Да я, кроме шуток, Игорь Васильевич, к девушке заехать хотел. Она с Платоновым знакома, когда Аристарх в машину садился, то с девушкой раскланялся. Хорошо бы побеседовать...

— Сейчас бесед у нас будет — на год вперед набеседуешься,— усмехнулся Корнилов.

Сказав вначале, что результатов «с гулькин нос», капитан немного слукавил. Результат был, и очень серьезный.

Опросив человек пятнадцать соседей Барабанщикова и ничего не узнав нового, Бугаев наткнулся наконец на женщину — работницу прядильной фабрики «Возрождение», которая рассказала ему кое-что новое. Вчера, возвращаясь домой с вечерней смены, Евдокия Ивановна Певунова, так звали прядильщицу, увидела, как на Лесной улице из автомашины вышел мужчина и пошел метрах в двухстах впереди нее. Шел он довольно быстро. Евдокия Ивановна подумала, чего же он машину оставил, а сам пешком? Дорога-то у нас хорошая. И еще подумала — к кому такой поздний гость? В это время мужчина остановился у забора, подтянулся на руках и был таков...

— За забором этим живут Флорентьевы. Участок и задами соприкасается с участком Барабанщикова. — Бугаев взял лист бумаги и быстро начертил

план. — Вот, видите, товарищ подполковник? Мы с вами здесь еще у лаза стояли. Натоптано тут...

Корнилов кивнул.

— Евдокия Ивановна отнесла позднего визитера на счет младшей дочери Флорентьевых, Алевтины. Ну, знаете... У них там свои, женские счеты. Но когда я заглянул еще раз к Флорентьевым да поподробнее порасспрашивал их, оказалось, что никто в эту ночь к ним не приходил. Верить им можно. А сама Алевтина, студентка гидрометинститута, не вернулась еще с Ладоги, где проходит практику на метеостанции. Да и калитка в доме Флорентьевых на ночь не запирается. Незачем и лазать через забор...

Евдокия Ивановна показала Бугаеву место, где она видела ночью автомашину. Там, на сырой земле, остались прекрасные отпечатки протекторов.

— Отпечатки — высший класс,— сказал Семен. — И слепки сделали. И «живьем» кусок земли я привез.

— Какая машина?

— «Волга» темного цвета. Двадцать четвертая модель. Судя по протекторам, резина совсем новая. А может быть, и машина новая...

15

Корнилов часто повторял своим сотрудникам, что главное оружие сыщика — умение говорить с людьми. Даже закоренелому уголовнику, засевшему с оружием где-нибудь на чердаке, можно доказать, что ему некуда деться... Но только в том случае, если хорошо знаешь его психологию, тут же добавлял подполковник. Работа сотрудника уголовного розыска на восемьдесят процентов состоит из разговоров. С потерпевшим, со свидетелем, с экспертами и разного рода специалистами, с бывалыми людьми. С преступниками, в конце концов. И от того, как направить беседу, какие найти слова, от уменья слушать часто зависит успех или провал операции. Эти принципы, не раз проверенные Игорем Васильевичем Корниловым за долгие годы службы в милиции, давно усвоили все сотрудники. Поэтому на совещаниях оперативных групп, когда прорабатывался план действий, Корнилову незачем было напоминать о них. Но сегодня подполковник сделал исключение. Во-первых, вся надежда была на то, что в разговорах с множеством клиентов Барабанщикова, которых назвал Аристарх Антонович, вдруг выплывет еще один его знакомый — разъезжающий на «Волге». И во-вторых, беседовать предстояло с самыми разными людьми, вся «вина» которых состояла в том, что они были не слишком разборчивыми в выборе своего фуражира, хаусмайора Барабанщикова. Эти люди могли быть обидчивыми и неразговорчивыми, заносчивыми и хамоватыми. Могли быть снобами, могли быть лжецами. Но к каждому следовало найти подход, с каждым поговорить, не вызвав у них ни обид, ни раздражения.

Обо всем этом Корнилов напомнил своим сотрудникам, давая им на завтра задание отправиться по адресам клиентов хаусмайора Барабанщикова.

Когда, получив задания, все разошлись, Корнилов позвонил своему старому знакомому — художнику Новицкому.

— Николай Николаевич! Милиция беспокоит...

— Игорь Васильевич! — узнал Новицкий. — Рад тебя слышать, дорогой. — Голос художника был какой-то тусклый, усталый. — Забыл ты меня. Не поинтересуешься, жив ли, умер...

— Вот видишь — звоню. Интересуюсь,— усмехнулся Корнилов. — Как жив-здоров?

— Нету жизни. Одна работа. Вкалываю, как грек на водокачке, никто доброго слова не скажет...

Игорь Васильевич знал Новицкого уже лет пять и всегда, когда звонил художнику или встречался с ним, слышал и про «грека на водокачке», и про то, что никто не говорит доброго слова о его работе. Это у Николая Николаевича было как заклинание, чтобы не сглазить успехи и то хорошее творческое состояние, в котором он находился.

— Ну, коли одна работа, то не мешало бы и развеяться. Хочу пригласить тебя за город, в деревню...

— Нет, нет! —энергично запротестовал Новицкий. — Какая деревня, мне надо на хлеб зарабатывать. Мне, как в милиции, за звездочки деньги не платят. Мне надо продукцию выдавать. Осенью выставка, а в выставкоме бездарь окопалась, через них даже лауреату трудно пробиться...

— Жаль,— сказал Корнилов. — А я думал, съездим с тобой в село Орлино, там старая церковь полуразрушенная, древний иконостас...

— Знаю, знаю. Церковь Николы-угодника. Построена в конце девятнадцатого века. Ничего интересного иконостас представлять не может.

— А вот грабителей иконостас заинтересовал.

— Какие сейчас грабители. Шантрапа небось без понятия...

— Серьезные грабители,— на всякий случай сказал Игорь Васильевич. Уж очень хотелось ему вытащить Новицкого в Орлино. — А иконостас мог от старой церкви остаться. Ведь была же и раньше в Орлине церковь?

Новицкий молчал. Раздумывал. «Думай, думай,— улыбнулся Корнилов. — Небось на такую приманку клюнешь. А там разберемся».

— Если б уж заодно там пару этюдов сделать,— наконец сказал Николай Николаевич. — Да ведь ты, наверное, все впопыхах. С сиреной.

— Два часа тебе хватит?

— Два часа? Да это роскошь! Я...

— Знаю, знаю,— перебил художника Игорь Васильевич. — Ты в цейтноте. Тебе на жизнь надо зарабатывать. Завтра в восемь заеду. Жди у подъезда. — Он нажал рычажок аппарата. Усмехнулся подоброму. «Вот так с вами, с вольными казаками, надо. По-военному!»

Прикинув, сколько потребуется времени на дорогу, Корнилов набрал номер управления, попросил дежурного связаться с орлинским участковым уполномоченным, предупредить, чтобы ждал в половине десятого у церкви.

С Новицким Игорь Васильевич познакомился при обстоятельствах не слишком приятных. У художника украли новенькую — только что из магазина — «Волгу», и начальник Главного управления попросил Корнилова взять это дело под личный контроль. Как-никак народный художник, лауреат Государственной премии. «Волгу» нашли в тот же день. В лесу под Зеленогорском. В машине кончился бензин, и похитители, наверное, испугавшись кого-то, бросили ее, даже не разграбив. Корнилов возил художника в лес, туда, где обнаружили машину. Новицкий был восхищен оперативностью милиции.

— Надо же! Так быстро! — шептал он, внимательно осматривая «Волгу». Заглянул в багажник, в мотор. Особенно умилило его то, что в багажнике оказалась целой и невредимой коробка с красками.

— Домой повезу я вас сам! — заявил он Корнилову, и как Игорь Васильевич ни отнекивался, пришлось ему сесть в машину Новицкого, попросив предварительно водителя своей машины одолжить художнику бензина.

— Буду писать ваш портрет,— сказал Николай Николаевич, когда они выехали на Приморское шоссе. — У вас лицо характерное...

— Характерное для милиционера? — усмехнулся Игорь Васильевич.

— Ну почему же? — обернулся к нему Новицкий. — Прежде всего мне понравились глаза. Они у вас задумчивые и грустные...

Что еще понравилось художнику, Корнилов в тот раз не узнал, потому что их спасло только чудо. Художник, заговорившись, выехал на левую сторону дороги, и встречный самосвал, дико завизжав тормозами, съехал на обочину, подняв тучу пыли. Новицкий тоже затормозил и минут десять приходил в себя, понуро выслушивая отборный матерок водителя самосвала. Корнилов видел, как художник полез в карман и, наверное, предлагал водителю деньги, но тот замахнулся на художника кулаком и, зло сплюнув, пошел к своему самосвалу.

«Вот ведь как бывает,— отрешенно думал Игорь Васильевич, наблюдая за Новицким. — Нашел человек машину и тут же чуть не расстался с жизнью. Да я-то, дурак, дал себя уговорить. На своей давно уж был бы дома».

До города они ехали молча. Лишь только Новицкий начинал разговор, подполковник показывал ему вперед, на дорогу, и художник, сердито покрутив головой, замолкал. Вел он машину плохо, рассеянно. То шарахался от обгонявших автомобилей, то сам принимался обгонять там, где это было опасно.

— Вы меня у Петропавловской крепости высадите,— попросил Игорь Васильевич, когда слева мелькнули минареты татарской мечети. — Мне тут рядом.

Прощаясь, Новицкий протянул подполковнику визитную карточку.

— Буду рад показать вам свои работы. Заходите в мастерскую. И портрет я ваш сделаю. Не отступлюсь...

— Николай Николаевич, я многие ваши работы знаю,— Корнилов задержал в своей руке руку художника. — Они мне по душе. Вот только...

— Что только? — насторожился Новицкий.

— Водить машину вам противопоказано, Николай Николаевич. Бросьте вы это дело. Слишком рассеянны — думаете за рулем на отвлеченные темы.

— Спасибо за совет,— холодно ответил Новицкий. И, словно спохватившись, добавил мягче: — И за то, что машину нашли, спасибо.

Через три дня Новицкий позвонил подполковнику на службу и веселым голосом сообщил, что отвез «Волгу» в комиссионный магазин.

— Жена на радостях обещала купить мне ящик марочного коньяка. Пока не раздумала, жду вас в мастерской.

С тех пор они подружились.

— Миленький, разве ж я упомню всех, кто к нам ходит,— сказала Володе Лебедеву пожилая, еще очень красивая дама, жена актера Солодовникова. Актер уже месяц пребывал на гастролях. Солодовникова усадила Лебедева в старинное кресло, а сама взобралась на маленький, тоже старинный, диванчик с затейливой изящной спинкой.

— Когда Солодовников в Ленинграде, у нас не дом, а содом и гоморра! Все время люди. И идут, и идут. И по делу, и без дела. Я только и знаю, что пою их чаем. Раньше в этой вазе,— она кивнула на огромный хрустальный ковчег, стоявший на круглом красного дерева, столе,— всегда лежали шоколадные конфеты, но попробуй напасись на такую ораву. Теперь я покупаю карамель...

Лебедев вежливо кивал, исподволь разглядывая огромную, с фонарем, комнату. Красивая старинная мебель, картины на стенах. Кажется, в этом доме иконы не коллекционировали.

— Наталья Борисовна,— он вытащил из кармана несколько фотографий,— вы не помните фамилии всех, кто приходит в ваш дом, но, может быть, кого-то узнаете в лицо?

— Как интересно! — улыбнулась Солодовникова. — Я так люблю смотреть детективы. Сколько раз говорила Солодовникову — уговори Пимена поставить Сименона. И сыграй комиссара Мегрэ. Пимен — это главреж Островерхов. Ах, ну конечно, я знаю Олежку,— воскликнула она с восторгом. — Ну, конечно, знаю. Очень, очень милый мужчина. Солодовников зовет его хаусмайором. — Наталья Борисовна весело засмеялась, протягивая Лебедеву фотографию Барабанщикова, найденную Бугаевым в парголовском доме.

— Что вы можете сказать о нем?

— Милый, очень внимательный человек. С большими связями. Он так выручает меня с косметикой. Ну... понимаете,— Наталья Борисовна кокетливо улыбнулась,— я женщина немолодая, мне нужна хорошая косметика, французская. Да! — вспомнила она. — Когда Солодовников болел, Олежек доставал ему самые дефицитные лекарства.

— И много он брал... так сказать, за комиссию? — не утерпел и спросил Лебедев, нарушив предупреждение шефа — не уклоняться от главного и не затрагивать до поры до времени щекотливые темы.

— Ах, вы об этом? — Наталья Борисовна поскучнела. — Милый мой, кто же будет вдаваться в такие детали, когда человек приходит к вам в дом и приносит как раз то, чего вам так недостает?

— Простите. Меня сейчас интересует другое. Этот Олежек. Его фамилия Барабанщиков.

Солодовникова равнодушно пожала плечами, показывая, что фамилия ей незнакома.

— Барабанщиков не предлагал купить иконы?

— Нет. Он помог нам купить кое-что из мебели. Этот милый диванчик. — Наталья Борисовна нежно провела рукой по спинке дивана, на котором сидела. — И самое главное — муж не имел хлопот со своей машиной. Олежек устраивал ему все эти осмотры, проверки, запчасти, колеса. — Она взмахнула руками, словно хотела показать безбрежность автомобильных услуг, оказываемых Барабанщиковым.

— У вас какая машина?

— «Волга».

— Стоит в гараже?

— Нет. У дома. Вы, наверное, видели, когда шли к нам. Белая «Волга». А что, держать около дома опасно?

Лебедев хотел сказать, что не опасно. Но язык не повернулся — вспомнил недавнее «автомобильное» дело.

— Это как повезет.

— Ну вот, а Олег обещал нам подыскать гараж. Теперь вы им так заинтересовались, что я, наверное, долго его не увижу.

— Барабанщиков погиб,— сказал Лебедев. — Несчастный случай. Этим и вызван мой интерес. Хотелось бы знать всех его знакомых, друзей.

— Погиб,— искренне огорчилась Наталья Борисовна. — Бедный человече. Автомобильная катастрофа?

— Нет. Упал неудачно. — Лебедеву не хотелось говорить подробно. — Кому-то из ваших друзей Барабанщиков тоже помогал?

— Да, конечно. У зятя «Жигули» — Олег помогал ему с ремонтом. Приятелям мужа, актерам, тоже кое-что доставал. — Она перечислила несколько фамилий. Лебедев записал, подумав, что перечню людей, связанных с Барабанщиковым, не будет конца.

— Наталья Борисовна, когда вы видели в последний раз Олега, он не говорил вам, что собирается в Москву?

— Нет. Вообще-то он в Москву часто ездил.

— Он один... — Лебедев хотел сказать «занимался снабженческими делами», но сдержался и спросил: — У него не было помощников?

— Не знаю. Никогда об этом не слышала,— холодно сказала Солодовникова. — Вы не выпьете чашечку чая?

Лебедев понял, что ему пора уходить.

С Георгием Степановичем Озеровым, кандидатом филологических наук, старший лейтенант встретился только к вечеру. Встретился в институте, где Озеров состоял старшим научным сотрудником. Лебедев пытался дозвониться до него и утром и днем. Но все было напрасно. Домашний телефон не отвечал, в институте трубку снимала все время одна и та же женщина и скороговоркой говорила: «Георгий Степанович на совещании у завсектором», «Георгий Степанович на совещании у директора», «Георгий Степанович проводит совещание».

— Ну и дела! — удивлялся Лебедев. — Что они там, только и делают, что заседают?

Только один раз дама сказала: «Георгий Степанович вышел в буфет». Это все-таки был намек на то, что Георгий Степанович — живой человек.

А в пять трубку взял сам Озеров. На просьбу о встрече он заявил категорично:

— Нет, нет! У меня вся неделя расписана! Только в следующий вторник.

— Нам необходимо встретиться сегодня,— сказал Лебедев. — Любое время.

— Как некстати, как некстати! — почти пропел Георгий Степанович. — Что-нибудь срочное?

— Чрезвычайно срочное,— невольно подлаживаясь под тон собеседника, ответил старший лейтенант. — Я не стал бы вас беспокоить по пустякам.

— В шесть у меня ученый совет,— в голосе Озерова появилась задумчивость. — Я мог бы сейчас, но вам до шести не успеть.

— Успею. — Лебедев ковал железо, пока горячо. — Через двадцать пять минут я у вас. Полчаса нам хватит.

— Я встречу вас в вестибюле,— обиженно сказал Озеров. Наверное, из-за того, что ему не оставили выбора. — У нас вахтер очень строгая женщина.

Лебедев приехал на пять минут раньше условленного времени. «Строгая женщина» оказалась маленькой добродушной старушкой. Оторвавшись от книги, которую она читала через большую лупу, старушка спросила Лебедева, к кому он пришел. Услышав фамилию Озерова, сказала:

— Поднимитесь на второй этаж, налево в конце коридора, шестая комната...

— Я подожду,— махнул рукой Лебедев. — А то еще разойдемся.

Старушка снова принялась водить лупой по строчкам, а старший лейтенант уселся в сторонке в старое удобное кресло.

Высокий, с маленькой птичьей головкой мужчина быстро сбежал по красивой мраморной лестнице, остановился посреди вестибюля и огляделся по сторонам. Заметив Лебедева, он подошел и спросил шепотом:

— Вы не из милиции?

Лебедев поднялся.

— Товарищ Озеров? — Они обменялись рукопожатием.

— Очень хорошо, очень хорошо,— сказал Георгий Степанович. — Здесь можно и поговорить,— он показал на кресла. — У меня, понимаете, сутолока. Соби-

раются на ученый совет, курят и прочее. Присядем. — И первый опустился в кресло, поставил рядом коричневый «дипломат» и подтянул привычным движением серые брюки.

— Не пустила? — шепнул он, кивнув на старушку. — Я вам говорил — мегера. Ей все равно, что министр, что милиция.

Лебедев хотел сказать, что все было наоборот, но Озеров ответа не ожидал, посмотрел на часы, озабоченно покачал головой. «Сейко» носит»,— машинально отметил старший лейтенант и спросил о Барабанщикове.

Георгий Степанович откинулся назад и несколько секунд задумчиво смотрел на Лебедева, медленно потирая руки.

— Да, да,— наконец сказал он. — Я знаю Барабанщикова. Я даже знаю, что вы можете мне сказать об этом знакомстве. Но проблему надо рассматривать комплексно. Взвешивать все «за» и «против». Барабанщиков — дитя эпохи дефицита. Да, да! Именно! Мы не скрываем, что у нас есть дефицит: дефицит времени, дефицит некоторых товаров. Народ стал жить богато. Никто не хочет носить штиблеты фабрики «Скороход».

Лебедев украдкой скосил глаз на свои скороходовские сандалии.

— А вспомните, что было раньше — за ними гонялись! — Озеров снова посмотрел на часы. — Я занятой человек. Моя жена работает на полторы ставки в поликлинике. И у меня нет тещи, которая стояла бы в очереди за штиблетами фирмы «Топман». А если бы и была — она не смогла бы отвезти мою машину на станцию техобслуживания и проторчать там целый день. Но вот ко мне домой приходит Барабанщиков...

— Вам его кто-то порекомендовал? — прервал Лебедев Георгия Степановича.

— Наверное. Но кто, не помню. Прошло уже года три. И вот приходит Барабанщиков и предлагает свои услуги. Приносит костюм, приносит импортные штиблеты, приносит кассеты для магнитофона. Он не рвач, он берет лишнюю десятку-две, и все. Но ведь он выстаивает очереди! Он воюет с мастером на станции техобслуживания, чтобы тот как следует отремонтировал мою машину. Кто от этого выигрывает? И он, и я, и прежде всего государство. Я не теряю рабочий день...

— Можно ведь потратить на свой автомобиль и субботу... — как бы между прочим сказал Лебедев.

— Товарищ Лебедев, у вас есть автомобиль? — В голосе Озерова было столько иронии, что Лебедев понял — не стоит перечить, пускай высказывается. — Вот то-то! — Георгий Степанович молчание старшего лейтенанта понял по-своему. — Придет время — Барабанщиковы исчезнут, как исчез в свое время нэп. Отомрут, как отомрет само слово «дефицит». Но я с вами согласен,— продолжал он, хотя Лебедев еще ничего не успел сказать. — Я с вами согласен, есть этическая сторона вопроса. Есть! Но как быть между этими Сциллой и Харибдой? Отказаться от услуг Барабанщикова и терять массу времени? Своего личного и служебного?

«Ходить в скороходовских штиблетах,— подумал Лебедев,— очень даже неплохо. И не жмут, и легкие». Но высказываться уже поостерегся. Не хотел затевать спор — времени до ученого совета оставалось немного.

— Или пойти на маленький компромисс? — почти задушевно сказал Озеров. — Барабанщиков не афиширует свою деятельность. Он оказывает услуги не каждому. Только хорошо знакомым ему людям. Можно сказать — своим друзьям. Ну, естественно, тем, кто имеет возможность чуть-чуть переплачивать. Вы знаете, как, например, строились наши с ним отношения? — Озеров стал потирать руки, словно они у него озябли на морозе. — Олег Анатольевич привозит мне цветной телевизор «Рубин-714». Тоже в некотором роде дефицит. Хорошая трубка и так далее. Привозит и тут же вручает мне чек. Чтобы ни-ни — все только из магазина! И на хрустальную вазу чек, и на французские духи, жене ко дню рождения, тоже чек. Это же совсем меняет характер отношений. Стоимость вещи плюс оплата за хлопоты. Вы со мной не согласны?

— Георгий Степанович, вы, может быть, все-таки постараетесь вспомнить, кто познакомил вас с Олегом Анатольевичем?

— Понимаю, что ваш приход вызван серьезными обстоятельствами,— сказал Озеров. — Вы не рассказываете, у вас свои служебные секреты, но я догадываюсь, что Барабанщиков где-то перешел грань закона. Да-да, я понимаю. — Он предостерегающе поднял ладони, словно хотел удержать Лебедева от разглашения служебной тайны. — Но вспомнить, как я познакомился с Барабанщиковым, не могу.

На вопрос Лебедева, не коллекционирует ли он иконы или другие предметы старины, Озеров ответил отрицательно.

— Сугубо бытовые услуги! Сугубо! И раз в год — техосмотр автомашины. Но это ведь тоже быт? — спросил он, улыбнувшись.

У Георгия Степановича была «Волга». Стояла у дома. С гаражом обещал помочь тот же вездесущий Барабанщиков.

Когда старший лейтенант спросил у Озерова, знает ли он кого-нибудь из клиентов Барабанщикова, Георгий Степанович задумался, чуть прищурив глаза, и сказал:

— Ну как же, знаю! Аристарх Антонович Платонов... Кажется, инженер из какого-то кабэ. Раз или два встречались. Обедали в обществе Олега Анатольевича. Но уж как они там строят свои отношения, не знаю.

Закончив говорить, Озеров вопросительно посмотрел на старшего лейтенанта. Как будто хотел спросить: ну что там еще у вас? Есть вопросы?

О том, почему интересуются Барабанщиковым, Георгий Степанович не спрашивал. «Из деликатности, что ли»,— подумал старший лейтенант, но тут же отбросил эту мысль. Его собеседник не слишком-то деликатничал, развивая свою теорию о дефиците.

Лебедеву показалось, что Озеров не только не хочет спросить его, чем вызван интерес к хаусмайору, но даже не хочет, чтобы он, Лебедев, рассказал ему об этом. Решив так, Лебедев почему-то с неприязнью подумал об Озерове: «Не хочешь знать — и не надо. В мои обязанности не входит тебя знакомить».

— Я бы с удовольствием встретился с вами и вечером,— сказал Георгий Степанович, прощаясь и долго не выпуская из своей руки руку Лебедева,— но после защиты, сами понимаете... товарищеский ужин. Хоть это и осуждается, но куда денешься? Традиция. А завтра опять уйма дел. В субботу — везу машину в ремонт, в воскресенье... — он недосказал, что за дела у него в воскресенье, и отпустил наконец руку Лебедева. Лицо его вдруг стало замкнутым.— Честь имею,— сказал Озеров холодно, словно ему вдруг стало неловко за предыдущую велеречивость, поднял с пола свой «дипломат» и удалился чуть прыгающей походкой.

Подполковник Корнилов учил своих сотрудников анализировать не только факты, которые им удавалось выяснить в ходе розыска, в многочисленных беседах с людьми. Он учил их скрупулезно анализировать ощущения, вынесенные из общения с человеком. «Интуиция не последнее дело в нашей работе,— говорил он. — Это хороший начальный импульс. Вам не понравился человек? Если бездумно с этим согласиться, получится пошлейшая предвзятость. Ей грош цена. От нее только вред. Но если вы постараетесь трезво и глубоко разобраться, почему он вам не понравился, какие черты его характера вас неприятно поразили, какие слова заставили насторожиться, вы на правильном пути. Отбросив шелуху — раздражение, несходство в образе мыслей или манере одеваться,— вы можете обнаружить такие черточки человека, такие детали, которые помогут судить о характере его поведения в экстремальных обстоятельствах».

Старшему лейтенанту Озеров не понравился. Возвращаясь в управление и думая о Георгии Степановиче, он никак немог отделаться от раздражения. Самое неприятное ощущение осталось у него от разительного контраста между бесконечным прощальным рукопожатием, которое, казалось бы, говорило ну если и не о добром расположении, так о некоторой почтительности к представителю закона, и неожиданным холодным «честь имею». Так бывало у Лебедева не раз, когда кто-то, разговаривая с ним один на один, вдруг замечал приближение третьего — своего знакомого, при котором он не хотел даже вида подать, что может так почтительно или дружески разговаривать с милиционером. Но здесь никто не нарушил их интимной беседы — старушка дежурная по-прежнему была занята своей книгой, в вестибюле они стояли одни. Да и Озеров не походил на трусоватого недалекого человека. В чем же причина такой резкой перемены в настроении? Лебедеву надо бы было отрешиться от своего раздражения и на холодную голову прокрутить всю беседу с Георгием Степановичем снова. «Может быть, я сам допустил какую-нибудь бестактность? Обидел чем-то ученого?» — думал он, но погасить раздражение полностью старшему лейтенанту не удавалось.

Преклоняясь перед богатым опытом шефа, умом принимая его рекомендации, Лебедев не всегда мог справиться со своими чувствами. Он был молод. Еще шесть лет назад, заканчивая политехнический, Володя Лебедев и думать не думал о работе в милиции. Уже состоялся разговор с представителем завода «Электроаппарат», он проходил там преддипломную практику, и Лебедева познакомили с начальником лаборатории, в которой ему предстояло работать. Но однажды в институтский комитет комсомола вместе с секретарем райкома приехали два парня из Главного управления внутренних дел. Лебедев был членом комитета, раньше занимался шефской работой, но на последнем курсе отошел от общественных дел. И надо же было в тот час ему заглянуть в комитет. Один из работников управления оказался на редкость красноречивым. Рассказывая на факультетском бюро, куда его привел Лебедев, о непростой, но интересной службе в милиции, он первым сагитировал пойти туда по комсомольской путевке самого Володю.

И вместо лаборатории «Электроаппарата» Лебедев оказался в научно-техническом отделе Главного управления внутренних дел. Принимая решение пойти служить в милицию, Лебедев надеялся на то, что ему придется иметь дело с людьми. И конечно, свою роль сыграла особая романтика, которая в молодости присуща двум понятиям: «следствие» и «уголовный розыск». Ровно год понадобился ему для того, чтобы убедиться — особой разницы между работой в заводской лаборатории и в НТО ГУВД не существует. Лебедев написал заявление с просьбой перевести его в уголовный розыск. И как его ни уговаривал заместитель начальника Главного управления полковник Селиванов остаться в НТО, где его знания в области физики нашли прекрасное применение, Лебедев настоял на своем.

«Тоже мне, деятель,— думал старший лейтенант о кандидате филологических наук Озерове. — Вот как все вывернул — даже политэкономию приспособил к себе. Такой кого хочешь уговорит, заставит белое принять за черное. А что его пресловутый дефицит? Все эти дубленки, батники да финские ботинки? Вопрос престижа и более ничего! Добро бы, какой-нибудь хапуга из мясного магазина так действовал — тогда понятно, ворованные капиталы пристроить надо. А то ведь ученый! Да и с его зарплатой особенно не пошикуешь».

Тут он вспомнил про магнитофонные кассеты, о которых упоминал Озеров. «А на них какие чеки мог приносить Барабанщиков? Их ведь у жучков-перекупщиков добывать надо. Что-то, товарищ Озеров, у нас концы с концами не сходятся. История про чеки — для лопухов. Да и проверь теперь — требовал он от хаусмайора чеки или нет. Барабанщиков мертв. Можно врать сколько влезет. Врать-то врать,— остановил себя Лебедев,— да ведь о его смерти я ни словом не обмолвился. Тут есть закавыка!»

В Управлении уголовного розыска Семена Бугаева называли везунчиком. Не то чтобы у него всегда все получалось, знал капитан и неудачи, но из-за его жизнерадостного, веселого характера, умения подшутить над своей неудачей многие всерьез считали, что ему просто везет. На этот раз Семену действительно повезло. На совещании у Корнилова Бугаев вспомнил, что девушка, с которой он вчера познакомился, раскланялась с Платоновым.

— Товарищ подполковник, в районе Зверинской улицы Аристарх никого не назвал?

Корнилов заглянул в список.

— Назвал. Федоров Петр Иванович, доктор медицинских наук. Зверинская, дом тридцать семь. — Он внимательно посмотрел на Семена. — Молодец, Бугаев. Сосед Платонова может знать о нем больше.

Капитан про себя улыбнулся, но смолчал.

Дом тридцать семь был совсем рядом с платоновским домом. Бугаев постоял несколько секунд в нерешительности возле подъезда, подумал, что неплохо бы захватить с собой пакет молока — эффект был бы стопроцентный, появись он с пакетом в руке перед той девушкой, но потом махнул рукой. Что, если там не живет никакая девушка, а встретит его в дверях сам доктор медицинских наук? Хорош он будет с этим пакетом! Бугаев даже представил себе, как доктор съязвит: вам что, в уголовном розыске молоко дают за вредность?

Когда Семен позвонил в дверь, залаяла собака. «Неужели совпало?» — успел подумать он. Дверь открылась. На пороге стояла та самая девушка. В легком сарафанчике она выглядела совсем по-домашнему. Эрдель тихо рычал у нее за спиной... Некоторое время девушка молча разглядывала Бугаева. У него даже шевельнулась тревога, что она его не узнала. Потом она покачала головой и тихо сказала:

— Ну, Галка, трепуха! — И тут же крикнула эрделю: — Микки, перестань! Он принес тебе молока.

Бугаев развел руками.

— Ах даже так! Микки, он пришел без молока.

Собака опять громко залаяла.

— Вот видите? — сказала девушка. — Он вас растерзает.

— Молоко в машине. А я к вам по делу...

— Это становится совсем интересно,— пробормотала девушка и посторонилась, пропуская Бугаева в квартиру. — Да не бойтесь. Микки никого не трогает.

— Тем более что я однажды пытался кормить его булочкой,— сказал Бугаев.

Они прошли в небольшую комнату, в которой стояли письменный стол, простенький стеллаж с книгами, старинный кожаный диван. Девушка села на крутящееся кресло у письменного стола, показала рукой на диван. Эрдель улегся у ног Семена, внимательно поглядывая на него.

И тут Бугаев вдруг остро пожалел, что вызвался идти по этому адресу. Кто знает, как отнесется девушка к его деловому визиту и расспросам? Отвез бы вечером пакет молока ее подруге Гале в кафе и осталось бы легкое, теплое воспоминание о стройной улыбчивой брюнетке с голубыми глазами.

— Вы дочь Петра Ивановича? — спросил он.

Девушка кивнула.

— Вас зовут...

— Людмила...

— Людмила Петровна,— сказал Бугаев, словно провел какую-то черту между тем легким трепом, который был ранее, и серьезной беседой, которой предстояло начаться сейчас. — А меня зовут Семен Иванович Бугаев. Я старший инспектор уголовного розыска. — Капитан достал удостоверение и протянул Людмиле. Она взяла его и стала внимательно разглядывать. Потом вернула, покачав головой.

— Ну и дела. Что-то случилось?

— Вот, Людмила Петровна. Я должен был проконсультироваться с вашим отцом...

— Папа будет часов в девять вечера. А я не медик. Совсем по другой части...

Бугаев посмотрел на нее вопросительно.

— Учусь в институте Герцена.

— Людмила Петровна...

— Не называйте меня так официально,— попросила девушка, чуть капризно нахмурив брови.

— Люда, в вашем доме бывал Олег Барабанщиков...

— А... а... Этот хлюст! Я всегда говорила, что он плохо кончит. — Она пристально посмотрела на Бугаева. — Но вы! Неужели тогда вы все так ловко разыграли, чтобы... — Лицо у нее сделалось совсем по-детски обиженным.

— Если я начну вам говорить про совпадения, вы мне не поверите,— грустно сказал Семен.

— Не поверю. Таких совпадений не бывает.

Бугаев пожал плечами.

— Что же случилось с Барабанщиковым?

— Он умер.

— При загадочных обстоятельствах?

— Вы читаете много детективов?

— В руки не беру. Предпочитаю романы про любовь.

«До чего же хороша,— думал Бугаев, глядя на девушку. — Даже сердитая».

— Люда, будем считать, что разминка закончена.

— Что-что?

— Это у нас на совещаниях бывает — соберемся, попикируемся, а потом за дело.

— И у вас совещания бывают?

Бугаев улыбнулся примирительно и склонил голову набок.

— Простите. Я готова ответить на все ваши вопросы...

Когда через час Бугаев вышел из квартиры Федоровых, он знал, что Олег Барабанщиков собирался с одним своим приятелем ехать в Москву по очень важному делу. По возвращении он обещал подарить Люде французские духи и принести пару старинных книг. «Используешь в своей дипломной работе и будешь оставлена в аспирантуре». Вот что сказал Люде хаусмайор Барабанщиков. Люда утаила от Бугаева

только одну деталь — фраза не кончалась на «аспирантуре», а имела продолжение: «И выйдешь за меня замуж». Зато она сообщила Бугаеву, что приятель Барабанщикова имел «Волгу», чему Олег очень завидовал. Кроме того, в записной книжке Семена прибавилось два телефона — один Людин, домашний, другой — ее папы, служебный.

Однако разговор с Людиным папой не добавил ничего нового. Люда знала о Барабанщикове значительно больше, чем ее отец, известный в городе хирург.

17

— Вас кто ко мне послал? — Михаил Игнатьевич Новорусский, управляющий строительным трестом, смотрел на капитана Бугаева строгими немигающими глазами. Да и весь он, сухой, поджарый, был напряжен, словно только одно и делал в жизни — отваживал докучливых посетителей.

— Интересы дела,— сдержанно улыбнулся Бугаев, ожидая, когда Новорусский пригласит его сесть.

— Это вы мне бросьте, молодой человек. — Михаил Игнатьевич не скрывал раздражения. — Мне красивые слова не нужны. Кто вам дал мои координаты? Почему вы считаете приличным допрашивать меня о каком-то никому не известном человеке?

— Может быть, вы предложите мне сесть? — вежливо спросил Бугаев.

— Садитесь. — Новорусский резким движением указал на стул. — Только у меня времени в обрез. Завтра уезжаю в Москву, готовлю доклад на коллегию министерства. — Он засунул руки в карманы и остановился перед капитаном.

— Вопрос у меня простой,— начал Семен. — Что вы можете рассказать об Олеге Анатольевиче Барабанщикове? О его образе жизни, о знакомых?

— А скажите мне, пожалуйста, товарищ...

— Бугаев,— подсказал капитан.

— Товарищ Бугаёв. — Новорусский сделал ударение на «е». — У вас есть разрешение на разговор со мной? И почему мне не позвонил ваш начальник, Селиванов? Мы с ним не первый год знакомы.

— Михаил Игнатьевич, я могу дать вам телефон полковника Селиванова. — Бугаев вытащил из кармана записную книжку. — Вы ему позвоните. Может быть, у него появится желание побеседовать с вами в управлении?

— У меня уже не будет времени навестить его,— пробормотал управляющий и сел, положив руки на стол и сцепив пальцы.

«Тоже мне хмырь болотный,— со злостью подумал Семен,— ни слова просто так, один выпендреж».

— Я начну с того, что Барабанщикова я практически не знаю. — Новорусский расцепил пальцы и стукнул костяшками левой кисти по столу. Словно точку поставил. — Я с ним встречался несколько раз. Очень скользкий тип. — Он снова ударил костяшками об стол.

— Могу я узнать о цели ваших встреч?

— Это сугубо личные дела. Я не намерен их обсуждать.

— Хорошо,— согласился Бугаев. — Барабанщиков приходил к вам домой или на работу? Может быть, вы встречались с ним где-то в другом месте?

— Он приходил домой. Никогда не задерживался... Минут пять, не больше.

— Он приезжал на машине?

Михаил Игнатьевич пожал плечами.

— Его никто не сопровождал?

— Нет.

— Он не рассказывал вам о своих клиентах, о знакомых?

— Товарищ Бугаев, у меня создается впечатление, что вы слабо представляете себе, с кем имеете дело.

— Я сегодня полдня беседую с клиентами хаус-майора Барабанщикова,— зло сказал Семен и подумал: «Накапает на меня этот директор, как пить дать накапает».

— С клиентами кого? — Странно было видеть управляющего озадаченным.

— С клиентами заурядного доставалы. Кому что. Одному — импортные сигареты, другому — старинную мебель, третьему — шипованную резину. А уж вам-то, Михаил Игнатьевич, стыдно было иметь дело с прохвостом.

— А вы нахал. — В голосе Новорусского появились стальные нотки, но Бугаева уже понесло:

— Не думаю, что останется безнаказанным потворство спекулянту,— сказал он сердито. — Хотя бы моральное...

— Только без угроз,— сказал Михаил Игнатьевич, но металл из его голоса куда-то пропал. — Я вам ответил на все ваши вопросы. Подробнее могла бы рассказать жена, но она сейчас в отпуске, в Кисловодске.

— Когда в последний раз приходил к вам Барабанщиков?

— Он приходил... Он приходил... — задумался управляющий. — Жена улетела двадцать восьмого августа вечером, Барабанщиков был утром. Да. Утром. Принес... — Новорусский спохватился. — Он что-то принес по просьбе жены. С тех пор я его не видел. Вам достаточно этого?

— Вы никогда не слышали от Олега Анатольевича о его приятеле, у которого есть «Волга»?

— О машинах мы с ним как-то разговорились. — На лице Михаила Игнатьевича появилось выражение, слегка напоминавшее улыбку. — Я люблю автомобили. У меня, правда, нет личного автомобиля. Двухсменная служебная... Много объектов.

«Небось один объект — рынок»,— подумал Бугаев.

— Но машины я люблю. Барабанщиков жаловался, что никак не может приобрести «Волгу». «Жигули» не престижны! — заявил он. — Представляете, для него «Жигули» не престижны! — Михаил Игнатьевич снова улыбнулся. — И взахлеб рассказывал о своих знакомых, у которых есть «Волги».

— Вы не помните, кого он называл? — с надеждой спросил капитан.

— Да я, собственно, и слушал-то невнимательно. У него столько знакомых — Олег Анатольевич любит козырнуть громкой фамилией. По-моему, какого-то

артиста называл. Очень известного. Потом летчика. Да, больше всего его задевало то, что «Волгу» приобрел какой-то мастер.

— Мастер?

— Да, мастер. Не то на заводе, не то в каком-то ателье.

— Подробнее не помните?

— Нет.

Бугаев поднялся.

— Что, все это... — Новорусский неопределенно покрутил рукой,— действительно будет как-то обобщаться? — Он тоже встал из-за стола и медленно пошел к двери, а сам внимательно смотрел на Бугаева. Сколько раз капитану приходилось видеть в людях эту резкую перемену, как только появлялась опасность огласки. И как паршиво он себя чувствовал в таких случаях, как гадко становилось на душе. «Уж лучше бы хамил до конца,— подумал он об управляющем. — Не стал бы разговаривать вовсе, выгнал. И то легче было бы».

— У нас сейчас задача другая,— хмуро ответил он. — Но выявленный материал всегда обобщается.

— Любопытно, любопытно. Я все-таки позвоню Селиванову. Как вернусь из Москвы.

Уже на пороге Бугаев сказал Михаилу Игнатьевичу:

— А вы даже не поинтересовались, что с Барабанщиковым стряслось.

— Это меня не касается, товарищ Бугаев,— не моргнув глазом ответил управляющий трестом и захлопнул за капитаном дверь.

18

— И что же украли у моего покровителя Николы-угодника? — спросил Николай Николаевич, удобно развалясь на заднем сиденье «Волги».

— Ничего.

— Как это ничего? В последний момент грабителей обуяло раскаяние?

— Вор, похоже, был один. Совхозный сторож нашел его в церкви на полу. Без сознания. По дороге в больницу он умер.

Новицкий присвистнул:

— Есть все-таки бог на свете!

— Вот такие пироги,— задумчиво сказал Корнилов.

— Вы что, клюквенника пожалели или скорбите, что не смогли его допросить?

— Человек все же...

Новицкий неопределенно хмыкнул.

Машина миновала Среднюю Рогатку, неслась по Киевскому шоссе. Николай Николаевич приподнялся с сиденья, взглянул на спидометр и сказал недоверчиво:

— Вот она, справедливость. Ехал бы я с такой скоростью, у меня отобрали бы права...

Шофер засмеялся:

— Да ведь вы, Николай Николаевич, сами от своих прав отказались!

— Он еще издевается.

— Ты, Саша, и правда не гони,— строго сказал Корнилов водителю. — Не на пожар.

— А я ведь тебе, Игорь Васильевич, жизнью обязан,— примирительно сказал Новицкий. — Не продай тогда машину — как пить дать угрохался бы. Рассеянный я стал, ну просто божье наказание... Да, кстати, иконы остались в церкви?

— Участковый говорит — все целехонькие. Я ведь и сам первый раз туда еду.

— Первый раз? — подозрительно спросил Николай Николаевич. — Откуда же ты знаешь, что иконостас там старый? Тоже участковый сказал? Он у вас что, специалист по древнерусскому искусству?

Корнилов засмеялся.

— Он у нас просто хороший мужик. Симпатяга. А про иконостас это я домыслил.

— Домыслил! — Новицкий покачал головой, хотел что-то еще сказать, но в это время загудел зуммер телефона. Корнилов снял трубку. Дежурный по уголовному розыску докладывал, что экспертиза установила подлинные номера «Жигулей», найденных у деревни Лампово. Машина украдена в Москве, числится в розыске уже два года.

— Да, попался вор,— покачал головой Корнилов. — Ничего своего — «Жигули» украдены у одного человека, документы на машину — у другого, пистолет, сдается мне, тоже чужой...

— И пистолет при нем был? — удивился Новицкий.

— Был. Ты, кстати, Николай Николаевич, посмотри,— подполковник протянул художнику фотографию погибшего. — Может, видел когда. Среди вашего брата немало всяких барыг отирается.

— Да, ходят, к сожалению, по ателье. То иконы предложат, то бронзу. — Новицкий внимательно рассматривал фотографию. — Красивый был мужчина. Кого-то он мне напоминает... — чуть отодвинул от себя фото, прищурился. — Нет, пожалуй, мы не встречались. — Он вернул карточку подполковнику.

По обе стороны дороги замелькали утонувшие в густых, начинающих желтеть садах домики.

— А вот и Выра! — радостно сказал Новицкий. — Сейчас покажу домик станционного смотрителя. Несколько лет назад восстановили... Вот он. Вот! — Николай Николаевич показал Корнилову на красивый, какой-то очень уютный дом, рядом с которым стояли полосатый верстовой столб и старинный фонарь.

— Я, между прочим, подарил сюда старинные подсвечники. Восемнадцатый век. Сейчас таких и в комиссионном не купите.

Машина начала притормаживать. На перекрестке надо было сворачивать налево, к Сиверской.

— А может, заскочим в Батово? — попросил Николай Николаевич. — Тут всего километра три. Хороший мужик там живет. Борис Федорович.

Шофер посмотрел на Корнилова.

— Нет, Николай Николаевич! — возразил Корнилов. — Дело не ждет. Мы с тобой как-нибудь на выходные сюда приедем.

— На служебной машине?

— На электричке.

— Хотите быть святее папы? Другие-то начальники ездят на служебных.

— Черт с ними! Пусть ездят,— сердито отрубил Игорь Васильевич. — А я не буду.

Новицкий захохотал:

— Ну и ну! «Пусть ездят»! Тоже мне, называется блюститель порядка! Да ты первый должен бороться с теми, кто использует служебные машины.

— Не лови на слове. Должен, конечно,— виновато усмехнулся подполковник. — Только мне своих уголовников хватает.

— Опять ты не прав! — Новицкий смотрел на Корнилова с интересом, по-доброму улыбаясь.

— Не прав, не прав, настырный ты человек,— слабо отмахнулся подполковник.

— Люблю допечь ближнего,— засмеялся Николай Николаевич и, увидев, что машина свернула к Сиверской, с огорчением проворчал: — Значит, к Борису Федоровичу не поедем. А хороший мужик. Помогал собирать всякую утварь для домика смотрителя. Порассказал бы нам многое. Его мать еще Владимира Набокова помнит. У него тут рядом имение было. А дядя Рукавишников в селе Рождественно имением владел. В шестнадцатом году умер, оставил в наследство племяннику четыре миллиона. Недолго тому попользоваться пришлось...

Они поехали по узкой асфальтированной дороге. Справа желтело жнивье с большой скирдой соломы, слева лежала низина и невидимая сейчас река Оредеж, вдали — пологий зеленый холм с небольшой деревенькой.

«А когда-то эта дорога была замощена крупным булыжником,— вспомнил Корнилов,— и мы с матерью тряслись по ней в сорок первом на переполненной беженцами полуторке. А впереди поднимались клубы дыма. Там горела Сиверская».

Совсем недалеко отсюда, в маленькой деревушке Грязно, Корнилов жил на даче летом сорок первого года. Ему было тогда десять лет. События того лета врезались в память на всю жизнь. Как-то Игорю Васильевичу попалась на глаза книга о йоге. Выполняя одно из упражнений, помогающих обрести власть над своим телом, человек должен был мысленно перенести себя в такое место на лоне природы, где он чувствовал бы себя беспредельно раскованным и счастливым. Прочитав эти строки, Корнилов задумался. Куда, в какой райский уголок мог бы перенестись он, если бы вдруг последовал учению индийских стоиков? И не придумал ничего лучшего, кроме небольшой зеленой поляны на берегу тихой реки Оредеж. Неяркое, в какой-то легкой облачной пелене солнце. Пахнет сосной, недавно скошенной, подсыхающей травой, водорослями. Монотонно бубнит маленький ручей, впадающий в реку. Время от времени лениво всплеснет рыба. И как тихий, убаюкивающий фон ко всему этому миру звуков — ровный, неумолчный шум старой мельничной плотины, скрытой за речной излучиной. ...Они только что вылезли из воды и лежат на горячем песке: Игорь Корнилов, Вовка Баринов и Натка Голубева. Игорь на вершине блаженства — впервые он переплыл реку, нарвал желтых, только-только начавших распускаться кувшинок и принес Наташе. Вовка Баринов чуть-чуть обижен. Он тоже влюблен в маленькую деревенскую кокетку Натку, но плавать еще не научился и выполнить ее просьбу не смог. Теперь у него вся надежда на белую магию своего новенького, сверкающего никелем велосипеда, единственного на всю деревню. Натке этот велосипед предоставляется по первому требованию.

Ровно через две недели за Вовкой и его бабушкой приедет на легковой автомашине отец и увезет в Ленинград. Велосипед прикатит Игорю тетка Мария, у которой снимали дачу Бариновы, и скажет:

— Володя тебе подарил. Просил передать. В пять минут собрались, не было времени забежать попрощаться.

Совсем недавно, во время позднего чаепития, мать, рассказывая Оле, жене Корнилова, про то лето, вдруг сказала:

— О покойниках плохо не говорят, но Виктор Евграфович в сорок первом подло с нами поступил...

— Ты о чем, мама? — удивился Игорь Васильевич.

— Я тебе, Игорек, никогда не говорила, вы ведь с Володей и после войны дружили. Когда Баринов уезжал забирать Володю из деревни, я ведь на окопах была. Под Колпином. А его еще раньше просила — поедешь за сыном, и моего забери. Нет, не забрал. Место в машине под вещи берег. Да разве их сбережешь, вещи-то! Людей сберечь не смогли.

И Виктор Евграфович, и отец Корнилова погибли на фронте.

Мать вырвалась за Игорем в самый последний момент — они уезжали с Сиверской последним поездом. Не посади их до станции какой-то сердобольный шофер в битком набитую полуторку, остались бы они под немцем.

Уже после войны, разговаривая с людьми, которые воевали в тех местах, Игорь Васильевич узнал, что через час после их отъезда немецкие мотоциклисты примчались на станцию. Последний пассажирский поезд, на котором они уехали, еще стоял у платформы и пассажиры штурмовали вагоны, а немцы уже ходили по домам на окраине Сиверской и в Белогорке, опознавая переодетых красноармейцев по стриженым головам.

Дареный велосипед Корнилов оставил Натке. Ей уезжать было некуда. Отец воевал на фронте, мать больна.

Летом сорок пятого Корнилов снова приехал в Грязно. Деревня выглядела заброшенной, несколько домов сгорело. Сгорел и дом Голубевых. Ни Наташи, ни ее матери Корнилов не нашел. Их, как и половину других жителей, немцы угнали на Запад.

Через несколько лет он встретил Натку Голубеву на областной комсомольской конференции. Они поженились, когда Корнилов закончил юрфак, и лето провели в Грязно, купаясь в обмелевшем Оредеже, загорая на красивой поляне с чудным названием Дунькин угол.

«Как все это было давно,— с грустью думал Игорь Васильевич. — Столько воды утекло в холодном Оре-

деже, а память хранит эти дни, да, именно дни — не годы, не месяцы. Эти счастливые теплые дни». И еще он подумал о том, что сколько раз бывал в тех местах, а ни от кого из местных не слышал о том, кто обитал здесь до революции.

С Наташей они прожили только пять лет. Она погибла от руки бандита, когда Игорь Васильевич работал в поселке Рыбацкое инспектором уголовного розыска...

19

Участковый инспектор Мухин ожидал их при въезде в деревню.

— Знакомьтесь, старший лейтенант,— сказал Корнилов, когда Мухин сел в машину рядом с Николаем Николаевичем. — Художник Новицкий, лауреат Государственной премии. К вам, в Орлино, наверное, не часто такие знаменитости заглядывают?

Мухин пожал протянутую художником руку и смутился, не зная, что ответить подполковнику.

— Он у нас большой специалист по древнерусской живописи,— продолжал Игорь Васильевич. — А вот сейчас в сомнении. Говорит, не может в Орлинской церкви старинных икон быть.

— Так ведь я, товарищ подполковник, с чужих слов. Может, и врут люди.

— Ну-ну! Зачем же так — не могут врать все люди разом.

— Вот по этой улочке,— сказал Мухин шоферу, когда машина подъехала к перекрестку. — Там дорога, правда, неважная. Никак сельсовет не раскачается. — Похоже было, что Мухин остро переживал за плохую дорогу. — Грузовики в распутицу все разбухали, а летом времени не нашли, чтобы подправить.

— Верующих у вас много? — поинтересовался Николай Николаевич.

— Нет, товарищ Новицкий. Старухи только.

— А молодежь все сплошь атеисты? — улыбнулся художник.

— Да не то чтобы атеисты. Ездят иногда девчонки в Сиверскую церковь. Там поп красивый. А вот мужики — нет.

— Пьют небось мужики,— проворчал Корнилов.

Наверное, чтобы занять паузу, Мухин улыбнулся и сказал:

— Был у нас тут в соседней деревне, в Лампове, один мужик — верующий. Пров Семьенов. Старовер. У них там молельный дом. Так и он перестал к службе ходить. С ним такая история приключилась: Семьенов в пожарке на дружногорском заводе работает. Придет со смены, отсыпается. А в молельном доме в колокол как ударят! Бьют без умелости, ровно в набат. Семьенов, конечно, вскочит, как шальной, и на улицу! Где горит? Так привыкнуть к ихнему колоколу и не смог. Просил баб, найдите нового старосту. Да где его нынче найдешь? Вот и стал дядя Пров атеистом.

Николай Николаевич расхохотался.

— И ушел из староверов?

— Ушел. А в Сиверскую, в православную, говорит, ездить далеко. — Мухин сдержанно улыбался, довольный, что развеселил художника. — А вот и церковь наша,— он посерьезнел, нахмурился. — Тут все и произошло.

Нахмурился и Новицкий. Когда они вышли из машины, художник сказал:

— Эх-эх-эх, товарищ начальник, до чего же вы тут довели это сооружение. Ведь еще года три-четыре — и развалится храм. Конечно, не бог весть какой архитектурный памятник, но красиво как поставлен в парке. И озеро вдали блестит.

— Вы Мухина-то не расстраивайте. — Корнилов вздохнул полной грудью, подставив лицо ласковому осеннему солнцу. — Лучше потеребите товарищей из Общества по охране памятников.

— Если бы у них одна эта церковь была! Объектов много, а денег... — Новицкий сделал красноречивый жест.

— Ладно. Давайте делом займемся,— сказал подполковник. — Кто нам церковь откроет?

— Сторож совхозный, Баланин. Да вот и он. — Участковый инспектор показал на согнутого недугом старика, стоявшего в сторонке, под раскидистой липой.

— Прохор Савельич! — крикнул он.

Старик не спеша подошел, поздоровался. Глянул снизу вверх на Корнилова. Подполковник отметил, что глаза у старика были совсем молодые, синие, не выцветшие. «Оттого, что он все время вниз, в землю смотрит, что ли?» — подумал подполковник.

— Чем могу? — спросил Баланин. — Храм отворить?

— Открой, дядя Прохор, пожалуйста,— попросил Мухин. — Товарищ подполковник из Ленинграда приехал, из милиции. А товарищ Новицкий — художник.

Прохор Савельич скосился на Новицкого. Губы его расплылись в улыбке.

— Знаем, знаем,— сказал он. — У меня дома две картинки ваших висят. Репродукции. — Он быстро открыл амбарный замок, растворил дверь.

— Две картинки? — обрадовался Новицкий. — Вот не ожидал. Польщен, знаете ли. А какие? — он остановился на пороге церкви и заинтересованно смотрел на старика.

— «Лужская степь» и «Веранда». — Прохор Савельич посторонился, пропуская в церковь Корнилова и участкового инспектора. — «Веранда», знаете, там, где рябина на столе.

— Рябина на веранде! — растроганно сказал Новицкий. — Я ее больше всех люблю. Вы меня, Прохор Савельич, к себе не пригласите? Так захотелось посмотреть, как она, моя рябинка, в деревенском доме выглядит. Подлинник-то Русский музей купил, да что-то давно не выставляли.

— Рад буду, заходите. И дочке подарок. Она у меня в Суриковское мечтает поступить.

— Отчего же в Суриковское? — удивился Новицкий. — У нас свой институт есть, Репинский. Не хуже.

— Николай Николаевич! — позвал Корнилов. — Ты в Орлино зачем приехал? Свое самолюбие потешить или уголовному розыску помочь?

— Идите, идите,— тихо сказал старик. — Начальник у вас, сразу вижу, человек серьезный. Мы с вами, если время будет, заглянем ко мне. Тут рядом, за парком. Молочком деревенским угощу. — Он зажег свет, а сам остался у порога.

— Ну, что скажешь, Николай Николаевич? — спросил Корнилов, когда художник остановился у иконостаса.

— Руки-ноги бы обломал хозяину, который погубил эту красоту,— тихо сказал Новицкий, хмуро разглядывая потемневшие, облезшие от дождей и плесени иконы, давно облупившуюся позолоту разрушенного временем и непогодой иконостаса.

Баланин приглушенно кашлянул.

— Спору нет — иконостас-то постарше церкви. Это я вам сразу могу сказать. Без экспертов. Конечно, не пятнадцатый век и не шестнадцатый... Да что же гадать... Надо смотреть внимательно, кое-что снять, на свет божий вынести.

— Мне еще отец рассказывал,— подал голос Баланин. — В Селище в прошлом веке, в тот год, когда Пушкин погиб, церковь сгорела. А иконы мужики вынесли. Успели. Церковь в Селище восстанавливать не стали. Иконы церковный староста хоронил — Илья Степанов Кисочкин. Отец так говорил. А когда этот храм построили, Кисочкины иконы сюда передали.

— Вот и мне мать так же рассказывала,— обрадованный поддержкой, вставил участковый уполномоченный.

— Да-а,— вздохнул Новицкий. — Дела и случаи. Какой-нибудь ящик мне, что ли... Хочу вот верхнюю достать.

Мухин взял ящик из большой кучи, поставил перед иконостасом. Новицкий оглянулся на сторожа. Тот кивнул.

Пока художник вынимал икону, Мухин показал Корнилову на то место, где лежал на полу брезент.

— Здесь, товарищ подполковник, мы и нашли его. Мелом обрисовали...

— Подождите, Владимир Филиппович,— остановил Корнилов. — Сейчас художник возьмет икону, пойдет на солнышко. А у нас с вами свои дела.

Новицкий, услышав это, сказал:

— Не доверяете мне свои секреты. — Сказал, казалось, шутливо, но Игорь Васильевич уловил в его голосе нотки обиды.

— Да что ты, Николай Николаевич, какие тайны?! Мы только пошепчемся со старшим лейтенантом немного. Пока ты занят. Я тебе потом все доложу.

Когда Новицкий ушел, участковый осторожно поднял брезент. Меловой силуэт был нарисован не слишком умело. Человек скорее походил на птицу, широко раскинувшую крылья, и от этого казался более зловещим. Около маленького эллипса, изображавшего голову, все еще темнело большое пятно.

Подполковник, задрав голову, долго всматривался в зияющую дыру разрушенного купола. Голубое небо было подернуто, словно изморозью, неподвижной пленкой перистых облаков.

— Залезать тут нелегко,— сказал Мухин.

— Не пробовали?

— Нет.

Они вышли из церкви в парк. Новицкий со сторожем сидели поодаль от церкви на бревнах. Художник сосредоточенно колдовал над иконой. Увидев Корнилова, он крикнул:

— Игорь Васильевич, мы вам не нужны? А то удалимся на пару часиков.

— Удаляйтесь,— махнул рукой подполковник. — Только не дольше. Где вас искать?

Новицкий посмотрел на сторожа. Тот сказал:

— Ко мне заглянем. Филиппыч-то знает. Тут рядышком, за парком, у прогона.

Корнилов с Мухиным обошли вокруг церкви. Все заросло крапивой, лопухами.

— Вот и лестница,— показал Владимир Филиппович. — От скотного двора он ее принес.

— А где этот скотный двор?

— За парком. Не то чтобы далеко, а с километр будет.

Корнилов нагнулся, попробовал поднять лестницу. Она была тяжелой. «Интересно,— подумал он,— как же этот парень тащил ее один?» Он поднял лестницу за середину. Лестница была длиннющая, и подполковник с трудом удерживал ее, слегка балансируя. Бросив лестницу, он сказал участковому:

— Может, я такой слабосильный...

Старший лейтенант подошел, тоже поднял.

— Тяжеловата. От скотного двора ее на весу не принесешь. Волочил, наверное.

— Вот то-то и оно. Искали след?

Мухин виновато развел руками.

— Пошли,— сказал Корнилов. — Показывайте дорогу.

Они внимательно, шаг за шагом, осмотрели весь путь — от скотного двора до церкви. Нигде не было даже намека на то, что здесь волочили лестницу. Только у самого скотного двора, на земле, вытоптанной коровами и еще не засохшей после дождей, была заметна слабая бороздка. Словно бы человек не справился со своей ношей и несколько метров протащил ее.

— Могучий мужик покойник? — спросил Корнилов.

— Да нет, товарищ подполковник. Жидковат, на мой взгляд. Интеллигентного сложения.

Игорь Васильевич усмехнулся.

Они вернулись к церкви.

— Ну ладно, допустим, принести лестницу у него пороху хватило. А поднять вверх? — Подполковник внимательно разглядывал стену. — Смотрите, на штукатурке царапин не видно.

— Двое было?

Корнилов пожал плечами.

— Не будем гадать. Давайте-ка заберемся наверх.

Они подняли лестницу, прислонили к стене. Но было сразу видно, что до купола она не достанет.

— Придется поднимать повыше,— сказал Корнилов. Они осторожно, метр за метром, подавали лестницу вверх. Когда, по прикидке подполковника, с последней перекладины уже можно было бы перелезть

на купол, лестница стояла к стене под острым углом, почти вертикально. «Неосторожное движение,— подумал Игорь Васильевич,— и можно опрокинуться».

— Ты, Владимир Филиппович, держи лестницу покрепче. Не ровен час, уронишь начальство.

За работой незаметно он перешел с участковым на «ты». Когда подполковник полез вверх, лестница слегка вибрировала под ногами. «Ночью, наверное, не так боязно,— подумал он.— Не видно, что под ногами».

С последней перекладины можно было, подтянувшись за изогнутую железяку каркаса, перебраться на кирпичную основу купола. Корнилов, придерживаясь за лестницу, неловко снял пиджак и, крикнув Мухину: — Держи, Владимир Филиппович,— кинул вниз. Распластавшись, словно ковер-самолет, пиджак упал прямо на подставленную участковым руку.

Наверху, на поросших мхом, травой и крошечными березками кирпичах валялась еще не развернутая веревочная лестница, одним концом привязанная к железному пруту разрушенного купола. Корнилов внимательно осмотрел узел и осторожно, не развязывая, снял его с прута. На внутреннем краю купола большой кусок мягкого, словно бархат, зелено-рыжего мха был содран, обнажив слой земли.

Когда Корнилов слез на землю и протянул старшему лейтенанту лестницу, Мухин покраснел.

— Мох там наверху,— сказал подполковник, не обращая внимания на смущение участкового,— как на болоте. Нога у Барабанщикова, наверное, соскользнула. Вы, когда церковь осматривали, не нашли кусок мха?

— Нашел, товарищ подполковник,— краска медленно сходила с его загорелого лица.— Подумал, что с ящиками занесли.

— У вас что, клюкву на болоте в ящики собирают? — пошутил Игорь Васильевич и тут же пожалел. Участковый совсем расстроился.

— Не огорчайся, Владимир Филиппович, ты свое дело сделал. А за чужие огрехи не переживай. Это ваши гатчинские сыщики, наверное, высоты боятся! Или поленились.— Он отряхнул брюки, надел пиджак. Крикнул водителю, читавшему в машине: — Саша, никто на связь не выходил?

Тот мотнул головой.

— Давай мы с тобой, товарищ участковый, посидим на бревнышках, умом пораскинем. Похоже, все-таки один человек здесь орудовал.

— А как же машина? — спросил Мухин, усаживаясь рядом с подполковником.— Сама за два километра уехала?

— Ты рассказывал мне, что девчушка со своим кавалером эту машину у церкви видели?

Участковый кивнул.

— Ну а тот, кто на машине приехал, он что, слепой? Он ведь тоже ребят видел. И решил от греха подальше машину спрятать. Зачем ей тут маячить, когда он станет по лестнице лазить? Это раз. А два — когда я по лестнице лез, то царапины на стене все-таки увидел. Это снизу мы их разглядеть не смогли. Значит, парень поднял и прислонил лестницу к стене, как полегче было, невысоко, а потом двигал ее вверх. Ну и третье — самое важное... Я мог бы и раньше подумать об этом, но на месте всегда начинаешь лучше соображать. Реальнее все себе представляешь. Самое главное — пистолет. Пистолет у Барабанщикова в кармане остался. Знал о нем сообщник? Если был такой? Конечно, знал. Вместе ведь на дело собирались. Так что же, знал и нам оставил? Пистолет-то — первая улика! Из него человека убили. И сообщник уходит, про него позабыв? Так не бывает.

— Я, товарищ подполковник, рассуждал так: один из них вниз обвалился, на окрик не отзывается, вытащить его невозможно, второй и сдрейфил. Сгоряча сел в машину, а когда отъехал, то сообразил, что с ней не сегодня-завтра попадется. И бросил.

— А ключи-то от машины в кармане у Барабанщикова нашли,— улыбнулся Корнилов.— Про это ты забыл, товарищ Мухин? С лестницей-то ему ничего не стоило вниз спуститься. Проверить, жив ли сообщник, оружие забрать. И уехать. На машине. И бросил бы он ее где-нибудь подальше. Чего ему на ночь глядя пешком топать, в электричках мелькать. Мог бы даже доехать на машине и до города — и концы в воду. А еще лучше — поставить ее около хозяйского дома и права из «бардачка» забрать. Вот уж тогда мы вряд ли узнали бы, кто тут у вас разбился.

— Слишком уж умный преступник у вас, товарищ подполковник, получается,— сказал Мухин и покраснел от своей смелости.

Корнилов расхохотался:

— Это ты верно подметил, Владимир Филиппович. Но уж такая у меня привычка. За дураков я их никогда не считаю. Правда, и без курьезов не обходится. Искали мы как-то одного рецидивиста, только что вышедшего из колонии и уже взявшегося за старое. Сидим, рассуждаем с ребятами в управлении и так и эдак. Как бы он повел себя в одном случае, в другом, осмысливаем за него. А он, пока от нас в лесу скрывался, использовал в одном большом деле справку, которую ему в колонии выдали. Можешь себе представить? Все в этой справке — фамилия, имя, отчество, по какой статье осужден...

Они долго смеялись, а потом Корнилов сказал серьезно:

— Но вообще-то, Владимир Филиппович, преступника никогда нельзя в дураках числить. В два счета просчитаешься.

Вернулись Новицкий и Прохор Савельевич, Корнилов спросил у сторожа:

— В последнее время никто к вашей церкви не проявлял интереса?

— Было. Нынче прямо поветрие какое-то. По домам шастают, у старух иконы торгуют. Тьфу, проклятые! — Он зло сплюнул.— И ко мне наведываются. Покойника-то я не припомню. Не видал. А разные другие заходили. «Открой, Савельич, храм, дай поглядеть, нет ли чего интересного!»

— Показывали?

— Если серьезные люди — показывал. Чего не показать? А шантрапе от ворот поворот. Эти все на рубли норовят мерять.

— А из серьезных что за люди приходили?

— Из города приезжали. Художник один со студентами. Лигачев фамилия.

— Юрий Никитич! — сказал Новицкий. — Знаю, знаю. В Репинском институте руководит мастерской портрета. Хороший художник.

— Обстоятельный гражданин,— подтвердил сторож. — Я им все показал. Один ученый еще был, запамятовал фамилию. В позапрошлом годе раза два Михаил Игнатьевич захаживал. Дачник орлинский. Теперь большой начальник по строительству стал. Не приезжает боле. А раньше у Маруси Анчушкиной избу снимал несколько лет подряд.

— Михаил Игнатьевич? — насторожился подполковник. — Михаил Игнатьевич... — Это имя ему было знакомо. — А фамилию его не помните?

Баланин мотнул головой:

— Нет. Прямо напасть какая-то! Нету памяти у меня на фамилии. Имена всю жисть помню, а фамилия для меня ровно пустой звук.

— Застанем мы эту Марусю, если сейчас подъедем?

— Ее в любое время застанешь. Вроде меня калека. Хромоножка. Весь день на огороде торчит.

Фамилия Марусиного дачника была Новорусский.

— Интересный дед Прохор Савельич,— рассказывал Новицкий, когда они возвращались в Ленинград. — На вид-то совсем простяга, а умница. Льва Николаевича Толстого всего прочитал. И ведь с чего начал? Со статей. Я, Игорь Васильевич, честно признаюсь, больше двух страниц толстовских богоискательств прочесть не могу. А старик одолел. Потом и за прозу взялся. Он сам-то верующий. И решил проверить, в чем у Льва Николаевича с верой разлад вышел...

Корнилов вполуха слушал Новицкого, а сам думал о Новорусском. Что это? Простое совпадение? В клиентах у Барабанщикова состоял, «Волгу» имеет, к Прохору Савельичу в церковь наведывался, иконками поинтересоваться. Правда, два года назад. Ну и что? Он вполне мог хаусмайору рассказать об этих иконках. Не специально наводить, а так, между прочим. Помянул как-нибудь в разговоре, а хаусмайор намотал себе на ус. Потом бы Аристарху Антоновичу втридорога сбагрил. «Это все мелочи, мелочи,— останавливал себя подполковник. — Настоящий преступник никогда часто не мелькает, не засвечивается. Да и потом человек все-таки заметный, управляющий трестом. Чего у него общего с этим жульем? Общее-то, пожалуй, есть,— остановил себя Игорь Васильевич,— доставала общий, темная личность, спекулянт. Коготок увяз...»

— ...У него дома на шкафу довоенное собрание сочинений Толстого стоит, все девяносто томов. Представляешь? — Николай Николаевич осекся и с укором сказал: — Да ты никак спишь, милиционер? А я распинаюсь...

— Не сплю, Николай Николаевич,— улыбнулся Корнилов. — Слушаю тебя внимательно.

— Слушаешь! — недовольно проворчал Новицкий. — Я тебе про такого интересного старикана рассказываю, а ты... Спит, окаянный. Ну о чем я сейчас говорил?

— Про Толстого.

— Про какого Толстого? Про Льва, Федора, Алексея Николаевича или Алексея Константиновича?

— Про Константиновича,— схитрил Корнилов.

— Ладно, суду все ясно; зуб золотой, сапоги «Джимм» — два года! Продолжай спать.

— Это откуда ты про сапоги «Джимм» знаешь?

— Тебе не понять! Ты никогда шпаной не был.

— А ты был?

— Был. Василеостровским шпаненком. А стал знаменитым художником.

Встречаясь друг с другом, они любили вот так попикироваться, поддразнить друг друга, скрывая за этим грубоватым поддразниванием искреннюю теплоту отношений.

— Честно говоря, я Алексея Константиновича больше всех из Толстых люблю,— сказал Новицкий. — Понимаю, Лев Николаевич — титан, глыба, но чувству не прикажешь... Алексею же Константиновичу я одного только простить не могу — как это он написал про Россию: «Страна у нас богата, порядку только нет»?

— Что, разве неправильно?

— В том-то и дело, что неправильно! Ведь не об этом порядке в летописи шла речь! — серьезно сказал Новицкий. — Когда князь Гостомысл умер, порядка в наследовании не было. Сыновей у него не было! Вот и обратились к славянским князьям с острова Рюген, которые были женаты на Гостомысловых дочках,— приходите княжить, страна у нас богатая, а наследовать престол некому. А вы, дескать, Гостомыслу родня, раз на его дочерях женаты. Интересно?

— Интересно,— согласился подполковник. — Это ты сам придумал или прочитал где?

— Прочитал. Ты что ж думаешь, я только холсты мажу да водку пью?

Корнилов знал, что Новицкий пил мало. Ссылался на язву, но Игорь Васильевич подозревал, что это просто удобный повод лишний раз отказаться от выпивки. Он и сам при случае ссылался на больные почки.

— Ты, кстати, этюды собирался писать,— спросил он.

— Я портрет Баланина сделал. Пастелью. Ему и подарил. Характерный дед. Я к нему на неделю скоро приеду.

«Эх,— подумал Игорь Васильевич,— счастливый человек. Понравилось ему у старика, приедет на неделю. Рыбу половит, этюдами займется. Да и грибы, наверное, пошли. А мне — утречком к девяти, а когда домой, никто не знает. — И он снова подумал о Новорусском: — Жаль, что я не видел его. Трудно рассуждать о действиях человека, ни разу не посмотрев ему в глаза. Как только это сделать потактичнее?»

— Игорь Васильевич, а как зовут этого горе-коллекционера икон? — спросил вдруг Новицкий.

— Аристарх Антонович Платонов.

— Аристарх, Аристарх... — задумчиво повторил

Новицкий. — Редкое имя. И красивое. Я знаю несколько серьезных коллекционеров, но про Аристарха не слыхал. И что, у него хорошая коллекция?

— Иконами вся квартира увешана, а хорошая или нет — какой я ценитель!

— Это ты брось! Каждый человек с мало-мальски развитым художественным вкусом отличит подделку от произведения искусства.

— И милиционер? — хитро усмехнулся Игорь Васильевич, но художник не заметил его усмешки и сказал серьезно:

— В вашем министерстве даже студия художественная есть. Я года три назад на выставке побывал — очень неплохие работы видел. Молодцы милиционеры. — Он задумался на мгновение и тут же, словно вспомнив о давно мучившем его вопросе, спросил:

— Послушай, Игорь Васильевич, а как же так получается — этот Аристарх, ценитель прекрасного — и вдруг в чужой дом залез?

— Об этом тебя бы следовало спросить.

— Нет, правда. Кажется, взаимоисключающие начала: тяга к прекрасному и безнравственные поступки?!

— Если бы знать, на чем основана эта тяга к прекрасному,— задумчиво сказал подполковник. — А то ведь и так бывает — один гонится за модой — его тщеславие одолело, другой решил, что так удобнее свои капиталы прирастить, третий вообще «коллекционирует» все, что плохо лежит. А еще скажу я тебе, Николай Николаевич, ты только не осуждай меня за примитивизм, эстетическое развитие не может восполнить пробелы в нравственном воспитании. А у нас часто пытаются одно другим подменить. Художественная самодеятельность, кружки по интересам. Каких только студий для молодежи не организуют и считают, что этого достаточно, чтобы выросли хорошие, честные люди. Нет, дорогой товарищ художник. Этого мало. Помнишь автомобильное дело? Один из участников шайки был мастер спорта. А девица... — как ее звали?! — Он на секунду задумался. — Лаврова! Помогала фальшивые документы готовить. А в свободное время пела в ансамбле.

— Это ж капля в море! Единицы!

— Я и не говорю, что таких людей много. Но есть! Несколько лет назад обокрали музыкальный магазин в пригороде. Так ворами оказались подростки из самодеятельного джаза при Доме культуры. — Корнилов покосился на Николая Николаевича и спросил: — Что молчишь? Не нравится тебе моя доморощенная теория? Ну вот. И начальству моему не нравится. Говорят, что я недооцениваю роль эстетического воспитания в формировании коммунистической нравственности. А откуда возьмется эта нравственность, если парня дома не воспитали? С самого раннего детства. Если он в школе слышит одно, а дома другое. А еще хуже — когда слышит одно, а видит другое. Отец ему говорит — воровать нельзя, а сам по вечерам собирает цветной телевизор из ворованных деталей. — Он в сердцах хлопнул кулаком по колену. — Ладно! Разговорился я.

— Да уж, редкий случай,— засмеялся Новицкий. — Из тебя обычно слова клещами не вытянешь. Значит, по-твоему, этого Аристарха в детстве плохо воспитывали?

— Все сложнее, все сложнее,— сказал Корнилов, отрешенно вглядываясь в раскинувшееся вдоль дороги поле с голубой каймою леса на горизонте. Два трактора пахали землю. В огороде у одинокого домика девочка в красном платье жгла картофельную ботву. Неожиданно подполковник повернулся к Новицкому. — Знаешь, мне о человеке много говорят детали. Не слова, не характеристики. Не лицо, хотя я считаю, что в теории Ломброзо много верного. А вот незначительная деталь может вдруг открыть самое сокровенное в человеке. Самое характерное, самое глубинное. Особенно, если человек в это время наедине сам с собой. Возьмем того же Платонова. Мне наш инспектор рассказал. Когда Аристарх залез в дом к Барабанщикову, снял со стены и положил в «дипломат» иконы, то огляделся, открыл бар, выпил стакан коньяка. Лежали в баре сигареты американские. Он и эти сигареты взял. Есть за этим характер?

— Да уж,— покачал головой Новицкий. — Большой эстет товарищ Аристарх.

Остальную дорогу до города они ехали молча, не проронив ни слова.

20

У хаусмайора Барабанщикова была обширная клиентура. Уже два дня сотрудники Корнилова занимались разговорами, а список все разрастался и разрастался. В нем красовались фамилии нескольких актеров, поэта-сатирика, директора Дворца культуры, инженеров. В поле зрения милиции попали бармен из интуристской гостиницы и заведующий секцией большой аптеки. С ними предстоял еще особый разговор — подполковник считал, что именно через этих людей Олег Анатольевич доставал для своих клиентов импортные сигареты, джин, виски и дефицитные лекарства. Многие из «подопечных» хаусмайора имели автомашины, несколько человек — «Волги». По разрешению прокурора, осторожно, чтобы не обидеть владельцев, инспекция ГАИ проверила отпечатки протекторов этих «Волг». Ни один не совпал с парголовскими. Да и никто из владельцев этих автомашин не вызывал особого подозрения. Проверку провели только затем, чтобы, по выражению Семена Бугаева, «закрыть тему», не беспокоить людей еще раз. Но до сих пор сотрудники уголовного розыска не могли напасть на след владельца «Волги» — мастера из безвестного ателье. Кроме Новорусского, никто из клиентов хаусмайора больше о нем не упоминал. Мать и сестра Барабанщикова, приехавшие из деревни на похороны, о делах Олега Анатольевича вообще понятия не имели и друзей его не знали.

Корнилов попросил сотрудников обзвонить клиентов Олега Анатольевича и попытаться выяснить, не прибегал ли кто-либо из них к его помощи при шитье костюмов или починке телевизоров. Правда, это была та область бытовых услуг, где люди

вполне могли обойтись без посредничества услужливых ловкачей.

— Предупреждаю. В общении с этими людьми у вас одно оружие — вежливость,— напутствовал подполковник инспекторов, строго глядя на Семена Бугаева. Новорусский позвонил-таки Селиванову и пожаловался на то, что капитан якобы разговаривал с ним грубо. Правда, когда Селиванов предложил ему написать жалобу, управляющий трестом отказался. И даже пробормотал нечто маловразумительное о молодости Бугаева и нежелании портить ему карьеру. Корнилов в разговоре с Селивановым взял Семена под защиту, но сейчас, на совещании, посчитал нужным для профилактики сказать: — Наскоком ничего не добьешься. Человек замкнется, ощетинится... Или испугается так, что все забудет.

— Такого, как Новорусский, если не испугаешь, так ничего не добьешься,— совсем тихо, себе под нос, пробормотал Бугаев, но подполковник услышал и с укоризной покачал головой.

— По части такта и вежливости вы, капитан, самое слабое звено в аппарате уголовного розыска.

— Да вежливым я был, товарищ подполковник. Аж самому противно. — В голосе Семена слышалась обида.

— Ладно, ладно, Бугаев,— примирительно поднял ладонь Игорь Васильевич. — Я знаю, что за рамки вы не выходили, но прошу быть еще осторожнее.

«Если бы я не намекнул этому управляющему о моральной ответственности, никогда бы я и не узнал о мастере из ателье»,— подумал Бугаев и попросил:

— Только пускай звонит Новорусскому кто-нибудь другой.

— Вы будете звонить,— отрезал подполковник.

— Товарищ Бугаев, у меня только и забот, что заниматься воспоминаниями о вашем Барабанщикове,— сердито сказал Новорусский, выслушав вопрос капитана. — Проблему считаю исчерпанной. — И повесил трубку.

«Наверное, намылили ему в Госстрое шею за то, что плохо строит»,— со злорадством подумал Семен.

Не дало результатов повторное обращение сотрудников и к остальным клиентам. Правда, жена актера Солодовникова сообщила Володе Лебедеву, что хаусмайор помог ей сшить каракулевую шубу в скорняжной мастерской на Московском проспекте. Даже назвала мастера-скорняка — Павла Аркадьевича Гиревого. Когда Лебедев приехал в ателье, то оказалось, что Гиревой год назад ушел на пенсию.

— Вы не скажете,— спросил Лебедев у заведующей ателье, маленькой, пухлой, словно моток шерсти, женщины,— у Павла Аркадьевича есть личная машина?

— Личная автомашина? — Заведующая ателье так удивилась, словно лейтенант спрашивал о персональном самолете. — Помилуйте, Гиревому восемьдесят лет. Он и на пенсию ушел потому, что трясучка его одолела.

— И никогда не было? — на всякий случай поинтересовался Лебедев.

— И не было. У него восемь внуков.

Когда поздно вечером Игорь Васильевич в очередной раз просматривал записи бесед сотрудников с клиентами Барабанщикова, он обратил внимание на то, что в трех из них шла речь о помощи, которую оказывал Олег Анатольевич в автомобильных делах. Устраивал машину без очереди на ремонт, на техосмотр, помогал достать шипованную резину и запчасти. «Ну, запчасти и резину он мог доставать в магазине,— подумал Корнилов. — А остальное на станции обслуживания. И на след Аристарха Антоновича Бугаева навели на станции обслуживания. Там ведь тоже мастера есть. А Новорусский мог ошибиться, сказав, что слышал о мастере из ателье».

Корнилов снял трубку, набрал домашний номер Бугаева. Длинные гудки свидетельствовали, что капитан по вечерам дома не засиживался.

«Жаль,— подосадовал Игорь Васильевич. — Сейчас бы мы с Семеном пораскинули пасьянс». Подполковник не любил, когда непредвиденные обстоятельства заставляли его бездействовать. Он посмотрел на часы — было половина девятого. Корнилов встал, подошел к открытому окну. На улице уже темнело, но фонари еще не зажглись. Город утонул в густой сиреневой полутьме. Воздух был теплым и сухим, что редко бывает в сентябрьские дни в Ленинграде. Игорь Васильевич позвонил жене, спросил:

— Может, пройдемся?

— И я хотела тебя пригласить,— весело отозвалась Оля. — Такая погода чудная.

— Хорошо! Я выхожу. — Он положил трубку.

У них была традиция — если Корнилов заканчивал работу не слишком поздно и Оля не дежурила в поликлинике, то он выходил с Литейного пешком. Всегда по одному и тому же маршруту. По Кутузовской набережной к Кировскому мосту. Жена шла навстречу, с Петроградской. Чаще всего они встречались у Летнего сада. Иногда даже спорили, где встретятся сегодня. Игорь Васильевич хитрил — вышагивал побыстрее и поджидал Олю недалеко от горбатого мостика через Фонтанку...

Корнилов шел по набережной и думал о бригадире Платонове со станции обслуживания. «Что же получается, в разговоре с Бугаевым он даже не смог вспомнить фамилию Барабанщикова, направил Семена к Аристарху. А ведь по делу получается, что с Барабанщиковым он должен был быть хорошо знаком. Хаусмайор на эту станцию машины своих клиентов пристраивал. И на тео, и в ремонт. Не мог он миновать Платонова. Может быть, когда приехал Бугаев, Платонов испугался, что все эти «пристройки» обнаружатся. И среди них — левая работа? — Он поморщился, словно раздавил во рту клюквину. — Как это я раньше об этом не задумывался? Но почему Платонов назвал Аристарха Антоновича? Догадывался, что рано или поздно все обнаружится, и решил отделаться полуправдой? И оттянуть время? На что? Чтобы пошарить на даче у хаусмайора? Или он был уверен, что у Аристарха мы ничего о хаусмайоре не узнаем? Откуда такая уверенность? Хорошее знание психологии? Или он о связях Аристарха

с Барабанщиковым такое знает, что нам и не снилось? — В этой цепочке все складывалось логично и слишком гладко, а такая гладкость подполковника всегда настораживала. — Пока еще мало оснований подозревать человека. Но проверить, детально проверить эту версию тоже нужно».

Они встретились с Олей у Летнего сада.

— Ты, Игорь, совсем рассеянным стал,— сказала жена. — Иду навстречу, улыбаюсь, а он смотрит в упор и не видит! Какие заботы одолели?

Корнилов виновато улыбнулся.

Когда они пришли домой, он снова позвонил Бугаеву. На этот раз капитан отозвался.

— Семен, у этого бригадира Платонова с тео есть «Волга»?

— Есть, Игорь Васильевич! — радостно отозвался Бугаев. — Я об этом сегодня тоже подумал.

— Поздно подумал.

— Ездил на станцию. Взглянул одним глазом на машину. Серого цвета, почти новая, но вот протекторы...

— Ты что, брал отпечатки протекторов? — насторожился подполковник.

— Нет, Игорь Васильевич. Я законы знаю. Только взглянул издалека — протекторы старые, изношенные, а в Парголове отпечатки совсем как от новых. Только, если человек на станции техобслуживания работает, поменять резину для него — раз плюнуть.

— Я всегда тебя сообразительным считал.

— Этот Платонов, хоть и бригадир, но с машинами дело имеет. Как в хоккее — играющий тренер. Наверное, его хаусмайор имел в виду, когда Новорусскому о мастере с «Волгой» говорил. Может, попросим у прокуратуры разрешение на произведение обыска?

— Не торопись! — Корнилов повесил трубку.

Весь вечер Платонов не выходил у него из головы.

...Последние год-два Игорь Васильевич вдруг почувствовал, что здоровье у него стало никудышным. Первым звоночком была бессонница. Долгие годы находящаяся в состоянии наивысшего напряжения нервная система предъявила ему свой счет. Раньше, даже после сложного розыска, после опасной операции по задержанию Корнилов приходил домой, ужинал и, отдохнув полчаса, мог засесть за разработку нового дела, за доклад, с которым предстояло выступать. Теперь он ловил себя на том, что иногда по часу, по полтора сидит перед телевизором, который еще недавно считал общественным злом. Сидит, плохо вникая в происходящее на экране. Попрежнему он хорошо засыпал, едва коснувшись головой подушки. Но после двух — обязательно после двух, даже если он ложился в час,— Игорь Васильевич просыпался и по нескольку часов лежал с открытыми глазами. В голову чаще лезла чепуха, мелкие неприятности, воспоминания о том, что забыл кому-то позвонить, не предупредил кого-нибудь из сотрудников о предстоящей командировке. И позвонить и предупредить было еще не поздно и завтра, но ночью Корнилову эти мелкие неурядицы казались непоправимыми.

Иногда он начинал прислушиваться к тому, как бьется сердце. Он никогда не был мнительным, но теперь вдруг начинал ощущать, как сердце постепенно ускоряет свой ритм. Игорь Васильевич начинал считать пульс. Тихонько, чтобы не разбудить жену, он вставал, шел на кухню, где висел маленький, год от года заполнявшийся пузырьками и таблетками шкафчик с лекарствами, отсчитывал тридцать капель валокордина, наливал воды из-под крана, выпивал и, усевшись за стол, принимался за первую попавшуюся книжку.

Часто по ночам Корнилова мучили сомнения о том, правильно ли он поступил, закручивая очередной розыск, не взял ли он на подозрение ни в чем не повинных людей, не повредят ли этим людям его подозрения.

Обладая такими редкими качествами, как дар предвидения, обостренная интуиция, Корнилов не то чтобы не доверял своим способностям, но постоянно держал их в узде, осаживал сам себя. Старался никогда не отрываться от полученных в ходе розыска фактов. Наверное, эта раздвоенность тоже не лучшим образом отзывалась и на его здоровье, и на его характере, но поступать иначе он не мог. Он не мог похвастаться, что за всю свою долгую работу в уголовном розыске не делал ошибок. Первые годы ошибки делал чаще, но так как он был молодым работником, занимал невысокие должности, то люди, работавшие рядом, его более опытные товарищи, его руководители помогали ошибки исправлять. Даже просто не позволяли некоторые из них совершать. С годами, с опытом ошибок у Корнилова стало очень мало. Но уж если он их допускал, то исправлять их было значительно труднее. Теперь и к опыту, и к должности Корнилова доверие неизмеримо выросло. Его слова, его действия пользовались в Управлении уголовного розыска непререкаемым авторитетом. Но в характере Корнилова имелась счастливая — счастливая для людей, с которыми ему приходилось соприкасаться,— особенность: чем большей властью облекал его закон, тем труднее для него было каждый раз принимать решение. Но особенно мучительны были терзания в часы бессонниц, когда вспоминал он одно, казалось бы, из самых простых своих дел, обернувшееся трагедией. Было это лет пятнадцать назад. Старший инспектор уголовного розыска Корнилов недавно получил звание капитана...

Игорь Васильевич проснулся за минуту до того, как должен был зазвонить будильник. Протянул руку, привычно щелкнул выключателем настольной лампы и зажмурился. Подумал: «Зря я согласился ехать на охоту. Спал бы в теплой постели. Впереди два выходных...» Он не успел помечтать о том, чем занялся бы в свободное время, в этот момент будильник тихо звякнул, предупреждая, что сейчас последует громкое простуженное дребезжание. Корнилов вскочил с кровати и нажал кнопку будильника, чтобы упредить это дребезжание и не разбудить мать.

Вещевой мешок, ружье и патронташ он собрал с вечера. Мать оставила ему в термосе кофе. Быстро умывшись, Игорь Васильевич сделал бутерброд, налил в чашку кофе. Кофе, простояв ночь в термосе, сделался безвкусным, немного остыл, а Корнилов любил горячий. И он, предчувствуя, что все эти два дня его ждут сплошные неудобства, еще раз пожалел о том, что затеял эту поездку на охоту. Но уж очень соблазнительно звучало: охота на медведя! Игорь Васильевич никогда на медведя не охотился, да и вообще за последние годы ни разу не брал ружья в руки.

Три дня назад Корнилову позвонил его приятель Василий Плотников.

— Игорь, ты когда-нибудь ходил на медведя? — спросил он.

— С рогатиной?

— Будешь острить, так и умрешь, ни разу не поохотившись,— оборвал Игоря Васильевича Плотников. — Тут мы собрались небольшой компанией... Есть одно место в «газике».

— И далеко? — спросил Корнилов.

— Далеко. За Бокситогорск. Всего километров триста... — И, почувствовав, что его приятель сомневается, Плотников сказал: — Дело стоящее. Есть лицензия. Егерь еще с осени взял берлогу на контроль...

— А что?! — оживился Игорь Васильевич, представив вдруг заснеженный лес, огромный костер и темную тушу зверя на снегу. — А что? — повторил он. — Почему бы и не поехать? Что за народ собирается?

— Колю Евсикова ты знаешь,— сказал Плотников,— да еще один его приятель. Инженер с «Электросилы».

Евсикова Игорь Васильевич встречал несколько раз у Плотникова и не очень жаловал. Он производил впечатление человека, когда-то давшего клятву быть обязательно остроумным и свято эту клятву выполнявшего, несмотря на то, что все остроты у него были заезженные, анекдоты или старые, или совсем не смешные. Коля Евсиков, которому, кстати, было уже лет сорок, ни слова не говорил просто так — обязательно с присказкой, обязательно с каламбуром. В компании, которая время от времени собиралась у Плотникова, к Евсикову уже привыкли и, едва он начинал какой-нибудь очередной свой каламбур, хором его подхватывали.

...Так и не допив кофе, Игорь Васильевич надел старенький короткий тулупчик, волчью мохнатую шапку, подхватил рюкзак и ружье и тихонько прикрыл за собой дверь. В лифте он взглянул на часы — было половина пятого. «Ну, товарищ Корнилов, вы делаете успехи!» — усмехнувшись, подумал Игорь Васильевич. Он мог засидеться за работой далеко за полночь, но утром в выходной любил поспать.

«Газик» уже стоял перед подъездом, окутанный белыми клубами морозного воздуха. Плотников, сидевший за рулем, распахнул дверцу. Игорь Васильевич устроился рядом, обернулся, поздоровался с Колей Евсиковым.

— А это Владислав Сергеевич,— сказал Плотников, кивнув на третьего мужчину в новеньком ватнике, подпоясанном патронташем.

— Он у нас главный медвежатник! — засмеялся Евсиков. — Завидев Славку, все медведи медвежьей болезнью болеют.

— Ну, с богом! — сказал Плотников, и они покатили по пустынному белому городу.

Что-то в этом Владиславе Сергеевиче показалось Корнилову знакомым. «Может быть, у Евсикова встречались? — думал он. — Нет, не встречались. Я хорошо помню всех его гавриков». Раза два Игорь Васильевич поворачивался к Плотникову, о чем-то спрашивал его, а сам ненароком взглядывал на Владислава Сергеевича, но в машине было темно. Рассмотреть черты лица не удавалось. У него возникло ощущение, словно не сам человек был ему знаком, а только глаза, о которые он будто споткнулся, когда пожимал Владиславу Сергеевичу руку.

«А-а, впереди еще два дня, успеем разглядеть друг друга»,— решил он и попытался задремать. Но сидеть было неудобно, мешал вещевой мешок, стоящий в ногах. Да и дорога, как только выехали за город, оказалась скользкой, плохо почищенной. Машину трясло, заносило на поворотах. То и дело приходилось хвататься за железный поручень над дверцей.

«Лихая голова,— подумал Игорь Васильевич о Плотникове. — Загонит он нас в канаву». Но говорить ему ничего не стал. Василий мог спокойно выслушать любые замечания, кроме замечаний в адрес его умения водить автомобиль.

Часа через три Корнилов уже так устал — и от неудобного положения, в котором сидел, и от тряски, и, главное, от того состояния полудремоты, полубодрствования, когда ежесекундно засыпаешь и ежесекундно же просыпаешься, что перестал обращать внимание на то, как ведет Плотников машину.

— Николай,— попросил Игорь Васильевич Евсикова,— ты бы хоть рассказал чего... Пару анекдотов поновее.

Но Евсиков не отозвался.

— Он уже третий сон видит,— тихо сказал Владислав Сергеевич. — Сил набирается...

«И голос этот я уже слышал»,— подумал Игорь Васильевич.

Часов в девять посветлело. Но декабрьский рассвет был тусклым, больным — не то раннее утро, не то ранний вечер. Евсиков проснулся, когда они подъезжали к какому-то поселку. Заметив скопление грузовиков около унылого, из белого кирпича построенного домика, он скомандовал:

— Вася! Тормози. Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать?

— Нет, братец, до тех пор, пока не уложим мишку,— сухой закон! — сказал Плотников. — А я, как тебе известно, за рулем не пью даже пиво.

Первый этаж здания и впрямь оказался столовой. Там было шумно, парно, как в бане. Несмотря на предупреждение снимать верхнюю одежду, люди си-

дели за столиками в тулупах и ватниках, в шапках. Плотников поставил Владислава Сергеевича в очередь на раздачу, сам нашел свободный столик, сложил на поднос и отнес в посудомойку грязную посуду. Игорь Васильевич выбивал в кассе чеки. Один Евсиков сидел за столиком без дела, меланхолически разглядывая новые, разрисованные чашками и ложками занавески на окнах. Через считанные минуты на столе стояли тарелки с пюре и котлетами, белесый кофе и бутерброды — на кусочке черного хлеба две кильки и кружок яйца.

— Ну, Вася! — восхитился Игорь Васильевич. — Ты у нас прирожденный организатор. Недаром тебя избирают на руководящие посты в месткоме.

Еда, правда, оказалась из рук вон плохая — пюре синее, котлеты безвкусные, но зато кофе, хоть и был сварен не то из желудей, не то из овса, обжигал губы.

— Эх, такая закуска пропадает,— с сожалением сказал Евсиков, отправляя в рот бутерброд с килькой.

— Ничего, Коля,— ободрил Плотников. — Ты еще возьмешь свое. На медвежьем сале знаешь какая вкусная свежатинка будет!

— Сальце, мясце... — начал Евсиков.

— ...Витамин цэ. Это мы, Коля, знаем,— улыбнулся Владислав Сергеевич. Улыбка у него была добрая, словно чуточку виноватая. Будто бы он подшучивал над Евсиковым и тут же извинялся за это. «Нет, пожалуй, я его никогда не встречал»,— подумал Корнилов. Но тут Владислав Сергеевич снял шапку, и у Корнилова словно пелена с глаз спала. Он узнал этого человека, узнал продолговатую, огурцом, голову. Владислав Зайцев!

«Ну и дела. В хорошую компанию я попал! На медвежью охоту... Да как же это может быть? С тех пор когда этого субчика судили, прошло не так много времени. — Он прикинул, выходило не больше четырех лет. — А ведь его приговорили к десяти. Неужели убийцу выпустили досрочно? За хорошую работу?» Ошеломленный своим открытием, Корнилов никак не мог решить, что ему делать. Остаться здесь или на рейсовом автобусе возвращаться в Ленинград? А что сказать Плотникову? Как все объяснить? Ехать на охоту? С этим убийцей? С подонком, которого он четыре года тому назад целую неделю выслеживал по всей Ленинградской области? И Василий тоже хорош! Не знает, с кем имеет дело! А если... Но это «если» он не успел даже выразить в форме мысли. Осталось только смутное ощущение опасности — в этот момент Плотников озабоченно посмотрел на часы и быстро поднялся из-за стола:

— По коням, братцы, по коням!

— В поход, в поход, медведь не ждет! — пропел Евсиков. Они гурьбой тронулись на выход, увлекая за собой Корнилова, не давая ему сосредоточиться, принять решение. Еще несколько минут, и «газик» уже мчался по белой, укатанной дороге, среди припорошенного снегом елового леса. Ветер чуть раскачивал огромные ели, и сверху то и дело осыпались снежные комья, разбиваясь о ветви в пыль, создавая новые обвальчики. Ветер нес снежные облака прямо на дорогу, под колеса «газика».

Игорь Васильевич сидел словно в оцепенении, спиной ощущая взгляд Зайцева. Конечно, он его тоже узнал. Никаких сомнений не может быть! «Нет уж, нет! Увольте! Что это за охота. На охоту ходят с друзьями! Как я с ним сяду рядом у костра? Как буду есть из одного котелка? — твердил себе Игорь Васильевич. — Нет! В Бокситогорске сяду на поезд. Скажу — заболел, сердце жмет...» Но он понимал, скажи так, подумают, что испугался медведя. Ходить на берлогу — дело непростое, вот и сдрейфил. Старший инспектор угрозыска. Это ему не домушников брать. Первый Плотников так подумает. Не скажет, но подумает. А Евсиков растреплет на весь город.

Так и не решился Игорь Васильевич уехать. Но охота была испорчена. С какой-то тягостной апатией Корнилов выполнял — именно выполнял! — все, что положено на охоте,— продирался вслед за егерем к берлоге по глубокому, по пояс, снегу, стоял с ружьем на изготовку там, где велел егерь, без тревоги и без любопытства приглядываясь к небольшой дыре в снегу, над которой время от времени возникало легкое облачко морозного пара. Когда растревоженный шестом егеря мишка с ревом вылетел из берлоги, Корнилов выстрелил нехотя и спокойно, почувствовав, что попал в светло-бурое пятно на груди мишки. Ему даже почудилось, что он услышал глухой шлепок своей пули. И тут же он подумал о Зайцеве. Как, с какой мыслью взрослый мужчина стрелял из ружья в забравшегося в сад мальчишку?

...Когда дело было сделано, охотники столпились вокруг уткнувшегося мордой в снег зверя.

— Эх, фотоаппарат не взяли! — посетовал Евсиков...

Егерь достал большую финку и опустился перед тушей на колени.

— Дайте мне,— попросил Зайцев.

Егерь обернулся и посмотрел на Плотникова, словно спрашивая у него разрешения.

— Да не испорчу я шкуру,— усмехнулся Зайцев. — Если что не так буду делать, скажите. — Он стал на корточки рядом с егерем, взял у него из рук финку и застыл на несколько секунд над тушей, словно примериваясь и рассчитывая, с чего начать. Потом провел рукой по шкуре, разводя шерсть, и осторожно надрезал...

Игорь Васильевич смотрел, как ловко орудует Зайцев финкой, и чувствовал, как у него по спине бегают мурашки, словно это ему приложили к телу холодную сталь.

— Ловко,— с одобрением сказал егерь. — Приходилось свежевать?

— А чего тут особенного? — не отрываясь от дела, откликнулся Зайцев. — Барашков резал, кроликов. Когда хозяйство ведешь, чем только не приходится заниматься...

— Правда твоя,— согласился егерь. — Хозяин все должен уметь. — И, обернувшись к Плотникову, сказал: — Уважаю. Если человек к какому делу приспособлен, не зря живет.

— Да уж, да уж! — как-то не очень искренне пробормотал Плотников, словно чувствовал свою вину за то, что не приспособлен ни к какому житейскому делу.

«Знал бы ты, каких дел этот умелец наделал! — зло подумал Игорь Васильевич. — А ведь выглядит каким тихоней!»

Евсиков обламывал сухие сучья у елок, выдирал из снега сухостой. Складывал для костра. Неожиданно низко над лесом пронеслась тетеревиная стая. Сделав большой круг, птицы с шумом расселись на березы метрах в пятистах от охотников. С деревьев посыпались хлопья снега.

— Эх, была не была! — азартно воскликнул Плотников, схватил ружье и пошел прямо по целине в сторону тетеревов.

— Не догоню, так хоть согреюсь! — хохотнул ему вдогонку Евсиков, но Плотников только отмахнулся.

— Если вы пойдете в обход,— сказал Игорю Васильевичу егерь,— он может на вас их нагнать.

— Попробовать? — Корнилов с сомнением смотрел, как медленно продвигается Плотников, утопая в снегу по пояс.

— А вы по дороге,— махнул рукой егерь. — По санному следу. Только к медвежьей печенке не опоздайте...

Игорь Васильевич вынул из патронташа два патрона с тройкой, зарядил ружье и пошел не торопясь по дороге. Он не прошел и ста метров, как услышал, что его кто-то нагоняет. Он обернулся и увидел спешащего Зайцева с ружьем...

«Интересно,— подумал Корнилов. — Уж не поквитаться ли он собрался со мной? Только так не бывает, на глазах у всех. Теперь уже не свалить на неудачный выстрел». Но неприятное чувство все же осталось. И спину холодило, как утром.

— Я тоже решил попробовать! — сказал Зайцев. — Не возражаете? А то, знаете, еще неизвестно, попал я в медведя или нет. А тут все-таки проверю себя. Не разучился ли стрелять...

Им не повезло. Они подошли к березам, на которых расселись тетерева, раньше, чем Плотников. Птицы с шумом снялись с деревьев и полетели на Василия. Гулким эхом прокатился по лесу выстрел...

— Попал,— сказал Зайцев и посмотрел на Игоря Васильевича, ожидая, наверное, что тот спросит, почему он так решил. Но Корнилов не спросил. Очистив от снега ствол поваленной сосны, он сел, разрядил ружье. Зайцев сел рядом. Несколько минут молчали.

— Вы меня узнали? — наконец спросил Игорь Васильевич.

Зайцев усмехнулся и посмотрел в сторону, на белое, словно отороченное елями поле, не то большую поляну, не то озеро, скрытое подо льдом и снегом.

Корнилову стало неловко. Смешно даже подумать, что можно забыть человека, который выследил тебя и арестовал.

— Мне как Евсиков сказал, что товарищ из милиции с нами поедет, так я сразу почему-то про вас подумал,— сказал Владислав Сергеевич. — Спрашиваю фамилию, оказывается, так оно и есть — Корнилов. Ну как чувствовал! — Он крутанул головой и непонятно усмехнулся.

— А когда же вас... — Игорь Васильевич замешкался, подбирая необидное слово. — Когда же вы на свободу вышли?

— Давно. Три года назад. А вы что? Ничего не знаете? — спросил как-то простодушно.

— Да нет... — сказал Корнилов. — На суде я хоть не был, но слышал, что вам серьезный срок дали. — Сейчас он вдруг вспомнил: кто-то говорил ему, что адвокат Зайцева собирается подать апелляцию.

Потом Корнилова, как всегда, захлестнули другие дела, он уже не думал о Зайцеве.

Зайцев, глядя на Игоря Васильевича в упор своими пронзительными глазами, сказал:

— Городской суд отменил приговор... За отсутствием доказательств.

«Как же так? — подумал Корнилов. — Все доказательства были налицо. Ружье, из которого убили мальчонку в саду Зайцевых, принадлежало Владиславу Сергеевичу. Жена показала, что вечером Зайцев взял ружье с собой в маленький домик-времянку, где часто ночевал, явившись домой пьяным. После убийства Зайцев скрылся. Прятался по лесам. Соседи по даче показали, что Зайцев давно грозил мальчишкам расправой за то, что они воровали яблоки из его сада. Как же так?»

— Не великий подарок — отсутствие доказательств,— продолжал Зайцев. — Но все-таки на свободе лучше. На свободе хорошо,— повторил он ласково и опять посмотрел на белое поле.

«Да уж, совсем не подарок! — подумал Корнилов. — Подозрение-то остается! И почему они так поступили? В народном суде все было доказано! Яснее ясного...» Но все-таки ему стало неприятно и чуть-чуть обидно оттого, что очевидные доказательства, которые он с таким трудом собирал по крупице, не были приняты во внимание.

Зайцев хотел еще что-то сказать, но в это время совсем недалеко раздался выстрел, потом ударил дуплет. Игорь Васильевич вскочил, стараясь рассмотреть, что происходит. Огромная стая тетеревов с шумом пронеслась у них над головами. С елок посыпался снег. Зайцев выстрелил навскидку, но опоздал, птицы были уже далеко. А к ним шел румяный, веселый Плотников, держа в поднятой руке огромного косача...

Больше они с Зайцевым на эту тему не разговаривали. А вернувшись с охоты, Корнилов узнал, что история с убийством мальчика имела продолжение... Через три месяца после того, как Зайцев вышел на свободу, в прокуратуру пришла его жена и призналась в том, что из ружья стреляла она. Пока муж спал пьяный во времянке, в сад залезли мальчишки. Она решила их попугать, взяла ружье и в полной уверенности, что патроны заряжены солью, как не раз говорил Зайцев, выстрелила на шум...

— На одних подозрениях далеко не уедешь. — Корнилов оглядел собравшихся на очередную оперативку сотрудников группы майора Белянчикова. — Все эти логичные построения, которыми мы сейчас занимались, логичны только в нашем воображении. Мы ищем владельца «Волги», приехавшего за несколько часов до пожара в Парголово и перелезшего через забор рядом с дачей Барабанщикова... И на этом основании подозреваем и Платонова со станции обслуживания, и кандидата филологических наук Озерова. — Он усмехнулся. — И кое-кого еще. Почему только не взяли на заметку жену актера Солодовникова? У них ведь тоже «Волга»! А если владелец «Волги» — какой-нибудь пока неизвестный нам человек, на поиски которого мы потратим уйму времени и сил,— никакого отношения к пожару не имеет? Мы окажемся на пустом месте.

— Вот если бы та тетка номер автомашины запомнила! — сказал Бугаев.

— И этого было бы мало. — Корнилов стоял на своем непреклонно. — Много у нас косвенных... — Он замолчал, подбирая слово. — Нет, не улик. Подозрений много, а это не улики. Если мы с этим к прокурору выйдем —донос получится, дорогие товарищи. Так анонимки стряпают, а не серьезные обвинения.

— Товарищ подполковник,— тихо сказал Белянчиков. — Но мы же не только из-за «Волги» вышли на Платонова и Озерова. Бригадир Платонов вместо того, чтобы дать нам адрес хаусмайора, которого он, конечно, хорошо знал, направил нас к своему однофамильцу Аристарху...

— Испугался, что поймают на левых работах,— ответил подполковник. — Надо, кстати, попросить ОБХСС провести там проверку.

— А с Озеровым вообще все сложнее,— продолжал майор. — Работал вместе с убитым Рожкиным, имеет «Волгу»...

— А это древнее Евангелие, что мы нашли в «дипломате» у Аристарха, наводит на некоторые мысли,— вставил Бугаев. — Озеров-то постоянно со старинными книгами и рукописями дело имеет. С Аристархом знаком. Почему Аристарх, как попугай, твердит, что видит эту книгу впервые?

— Вы же знаете, что книга не институтская,— сказал Корнилов. Он посмотрел на Лебедева. Старший лейтенант сидел грустный. За время совещания не проронил ни слова. — Лебедев, ты чего сегодня отмалчиваешься?

— Как это я, товарищ подполковник, упустил из виду, что Озеров и Рожкин были сослуживцами! — с огорчением ответил старший лейтенант. — Тогда и беседу с Озеровым по-иному следовало строить.

— Упускать это не следовало. Но, может быть, все получилось и к лучшему.

Лебедев посмотрел на шефа с недоумением.

— Вспомни ты про Рожкина, ты бы уж наверняка его фамилию в разговоре упомянул. Спросил бы, например, не обслуживал ли Барабанщиков и Рожкина? Или еще что спросил. А этого пока делать не следует. Если Озеров никак в деле не замешан, его и пугать незачем. А если замешан — тем более. Ты напрасно не сказал ему, что Барабанщиков погиб. Напрасно! Вот тут он, может, задумается. Всем остальным клиентам ведь говорил?

Лебедев кивнул.

— Думаешь, они после наших бесед не обмениваются впечатлениями?

Старший лейтенант вдруг хлопнул ладонью по лбу:

— Вспомнил! Знал Озеров, что Олега Анатольевича нет в живых. И проговорился. А спохватившись, расстроился. А я-то гадал, почему такая перемена в настроении. То руку тряс пять минут, то вдруг: «честь имею». Он, товарищ подполковник, все про экономию времени мне вдалбливал. Вот, дескать, Барабанщиков берет мою машину и везет на техосмотр. А когда прощались, извинился, что разговор на лету, между совещаниями. Все будущие дни расписаны — командировки, советы, а в субботу ремонтом машины заниматься придется. Ремонтом машины! Понимаете? Был бы Барабанщиков под рукой, не болела бы о машине голова!

— Любопытная деталь,— задумчиво сказал Корнилов. — Любопытная. Не совсем искренен с нами товарищ Озеров.

— А кто из всех этих клиентов с нами искренен? — проворчал Бугаев. — Все темнят. Никому не хочется признаваться, что с прохиндеем дело имели. Все хотят чистенькими выглядеть. А о том, что пользовались услугами преступника, сразу забыли.

— У хаусмайора соответствующая среда обитания была,— усмехнулся Корнилов. — Клиентов у него хватало. Но подозревать всех, искать улики против каждого мы не имеем права. Залезем в такие дебри! — он помолчал немного, чувствуя скрытое несогласие участников оперативки. — Давайте посмотрим на дело пошире. С другой стороны. Зачем поджигают дома? Склады, магазины? Если отбросить ревность, злобу, зависть... Какая может быть зависть или ревность к мертвому?

— Правильно,— согласился Белянчиков. — Тут другим пахнет.

— Дымом тут пахнет,— не удержался и сострил Бугаев и понюхал рукав пиджака.

— Дом поджигают, чтобы что-то скрыть. Следы преступления, недостачу... Чтобы скрыть улики, если их нельзя унести или уничтожить! Тот, кто поджег дом Барабанщикова, скорее всего искал и не нашел какие-то улики, которые, как он знал, находятся там и могут его скомпрометировать. Скомпрометировать, если их найдем мы. — Корнилов встал, прошелся по кабинету. — После гибели хозяина из этого дома были вынесены Аристархом Антоновичем три иконы. Причем, как подтвердилось, принадлежащие ему. Старинное Евангелие...

— Вот-вот! — опять подал голос Бугаев.

— Старинное Евангелие и билет на «Стрелу»,— продолжал подполковник. — И от того, и от другого Платонов открещивается. А мог бы, наверное, сказать, что и книга принадлежала ему.

— Да просто боится, что кто-то признает, что книга принадлежала Барабанщикову,— заметил Белянчиков.

Корнилов, казалось, не услышал реплики.

— Считаю, что следует срочно перелопатить пожарище в Парголове. Чтобы ни один гвоздь не остался незамеченным и неисследованным. Это раз. А второе... — Он посмотрел на Бугаева, потом на Лебедева. — Вам нужно внимательно проанализировать протокол обыска в доме Барабанщикова и постараться поточнее вспомнить все, что вы там видели.

После того как Корнилов отпустил сотрудников, к нему заглянула Варвара, секретарь управления.

— Игорь Васильевич, у городского аппарата Новицкий.

Подполковник взял трубку.

Новицкий немного помолчал. Потом сказал:

— Я встретился с Иваном Даниловичем Савиным, он заведует отделом древнерусского искусства в музее, показал ему фотографии иконостаса из Орлинской церкви. Догадайся, что он сказал.

— Не могу, Коля. Это уже не по моей части.

— То-то же,— удовлетворенно сказал Новицкий. — Савин подтвердил, что этот иконостас спасли во время пожара в Селище, в соборе. Для нового собора он оказался мал, и его передали в Орлино. Ему цены нет, этому иконостасу. Ты что, действительно ничего об этом не знал? Или морочил мне голову?

— Не знал. Подумал только: чего же человеку рисковать жизнью, лезть в церковь через разрушенный купол ради не имеющих ценности икон? Логично?

— Логично,— согласился Новицкий. — Иван Данилович собирается съездить в Орлино. Посмотреть. Как ты, не возражаешь?

— Я тут при чем? Пускай едет. Если иконы представляют большую ценность, так их в музей надо забрать.

22

Вечером в кабинет к подполковнику пришли Белянчиков и Бугаев. В руках у Семена был пакет, перевязанный толстой белой бечевкой. Капитан молча положил его на большой стол, за которым проводились совещания, и стал развязывать.

— Хороший сюрприз мы там разыскали,— сказал Белянчиков. Корнилов почувствовал, что в кабинете противно запахло мокрой золой.

Подполковник подошел к Бугаеву и с интересом стал следить за тем, как Семен осторожно разворачивает какую-то полосатую выгоревшую ткань.

— Старый чехол от машины использовали,— сказал Юрий Евгеньевич. — В сарае нашли.

Бугаев наконец развернул пакет, и Корнилов увидел раздавленный, полуобгорелый «дипломат». Такой же, как у Аристарха Антоновича, и три закопченные иконы в «дипломате».

— Просто двойник какой-то,— удивился подполковник. — А старинного Евангелия нет?

— Нет,— ответил Бугаев. — Зато вот здесь,— он осторожно отогнул оставшуюся целой часть крышки,— есть надпись...

На ткани четкими печатными буквами было выведено: «Платонов А. А. Зверинская улица, 33, 6».

— Так получилось... — не выдержав молчания, развел руками Аристарх Антонович. — Когда я пришел и увидел, что Олег повесил мои иконы на стенку, я разозлился. Тут и жуку ясно, что он присвоил! В отместку я взял его иконы. Три штуки... Подумал, что потом заплачу его родственникам. В мой «дипломат» шесть икон не влезли. И я стал искать, куда бы еще положить. Увидел такой же «дипломат»...

— И где же вы его увидели? — поинтересовался Игорь Васильевич.

— Он был заперт в бюро. — Платонов виновато улыбнулся. Первый раз с тех пор, как Корнилов его увидел. Правда, и обстоятельства не располагали к улыбкам. — А где лежат ключи, я знал.

«И еще знал, где ключи от бара»,— подумал Игорь Васильевич, вспомнив рассказ Бугаева о том, как Аристарх Антонович пробавлялся коньячком.

— Это был «дипломат» Барабанщикова?

— Не думаю. Он всегда со спортивной сумкой таскался. «Адидас», знаете? Очень вместительная. — Платонов подумал немного, пожал плечами. — А может, и его?! Этот «дипломат» Барабанщиков мне доставал, и Озерову тоже...

— Какому Озерову?

— Филологу. Я вам называл его. Георгию Степановичу.

— А еще кому-нибудь из знакомых он доставал такие «дипломаты?»

— Если не врал, то мне и Озерову. Говорил, два последних у знакомого директора перекупил. Но мог и наврать. У него бывало. Чтоб лишнюю пятерку получить.

— И что же было дальше? — спросил подполковник.

— Когда я выходил из дома, меня задержали...

— Куда же делся ваш «дипломат»?

— Понимаете... — смутился Платонов. — Я очень испугался, когда товарищи... меня... увидели... Темно, пустой дом. Я побежал, наткнулся на кого-то, упал с крыльца... Ну и...

— Говорите, говорите,— подбодрил подполковник.

— Совершенно машинально я сунул один «дипломат» под крыльцо. Там была дырка. Совершенно машинально...

«Недооценил я этого типа,— подумал Корнилов. — На его месте не каждый сообразил бы так ловко отделаться от опасного груза».

— Почему же вы сунули под крыльцо свой чемоданчик?

— Я же говорю — машинально. Я даже не помнил, в каком из них лежали мои иконы, в каком — иконы Барабанщикова.

— Поразительное совпадение,— покачал головой Игорь Васильевич. — Вы только в одном ошиблись,

зачем же свои иконы в чужой «дипломат» засунули.

Платонов жалко улыбнулся.

— А что лежало в чужом «дипломате», когда вы взяли его из бюро?

— Какие-то старинные рукописи и эта книга...

— Евангелие?

— Ну да. Рукописи я выложил в бюро, а книгу оставил.

— Почему же выложили рукописи? Чтобы освободить место для икон?

— Чужие рукописи. Они ведь, наверное, на учете... А книга могла пригодиться.

— Аристарх Антонович, а билет на «Стрелу»? Он был в чемодане?

— Не знаю. В отделение для бумаг я не заглянул. Торопился.

— Как бы вы, Аристарх Антонович, облегчили себе участь, если бы все это рассказали сразу,— сказал Корнилов. — И как бы сократили наш путь к истине.

23

«Ему слишком многое придется потерять»,— подумал Корнилов, вышагивая по пустынному парку. Первые желтые листья, нападавшие за ночь, шуршали под ногами. Неяркое утреннее солнце чуть пригревало спину, легкие волны сизого дыма расползались по аллеям — где-то рядом, за кустами, жгли костер.

— Слишком многое... Если дом поджег Озеров, то он будет отбиваться до последнего. Голыми руками его не возьмешь!

Когда Корнилова мучил какой-нибудь нерешенный вопрос, он любил вот так пройтись один, вдали от людей, от уличной сутолоки. Любил, если позволяло время, сесть на электричку и выехать за город. Не очень далеко — в Лисий Нос, в Александровку, и пройтись по лесу. Но долгого одиночества он не выдерживал. Ему нужен был собеседник, скорее даже слушатель, на котором он проверял бы свои суждения. С годами научившись разбираться в своем характере, подполковник с сожалением замечал за собой такое непостоянство, но избавиться от него не мог.

«Неужели Озеров поджег дом только потому, что не нашел там своего «дипломата»? И боялся, что его найдем мы?! — Корнилов знал теперь содержимое этого маленького чемоданчика как свои пять пальцев... — Три иконы Барабанщикова, положенные в чемодан Аристархом Антоновичем, Евангелие, билет на «Стрелу», на второе сентября, маленький листок в клеточку, согнутый пополам, использованный как закладка в книге. На листке размашистым почерком странный буквенно-цифровой набор: ОФ 45 113 614... Чего больше всего боялся Озеров? Рукопись-то он, наверное, нашел в бюро. Чего же еще? Билет на поезд? Думал, найдем билет и выясним, кто его покупал? — Подполковник усмехнулся. — В этом случае он сильно преувеличил наши возможности. Пробовали. Ничего не получилось. Если бы билет выдали из брони, тогда успех гарантирован. А из свободной продажи... Ищи ветра в поле. Ну а потом, даже если билет покупал Озеров? Что это доказывает? Ровным счетом ничего. Купил и отдал Барабанщикову. Скорее всего Озеров боялся за книгу, за редкую книгу. Но вот парадокс — казалось бы, найти владельца редкой книги несложно. А библиофилы разводят руками».

Об этом Евангелии знали только то, что оно принадлежало знаменитому книжнику Хлебникову. И откуда оно вдруг снова появилось на свет божий, никто даже предположить не мог. «Скорее всего привезли из-за границы,— сказал Корнилову Феликс Демьянович Уточкин, один из старейших ленинградских библиофилов, приглашенный в Главное управление для экспертизы. — Часть библиотеки Хлебникова еще в прошлом веке была вывезена на Запад его племянником Полторацким».

Корнилов проверил — за последние три года Озеров за границу не выезжал. Правда, ему могли эту книгу привезти, но в таком случае о ней, наверное, знали бы и в институте, на службе Георгия Степановича.

«Книга украдена? Какой бы ценной она ни была, поджог дома — преступление более серьезное, чем кража книги. Так рисковать из-за нее? В конце концов, мы же нашли чемодан! Как теперь доказать, что он принадлежит Озерову? Мало ли в городе людей с такими «дипломатами»? — Корнилов вдруг почувствовал волнение, еще неосознанное, подспудное волнение, предчувствие того, что он нащупывает в этой мутной, илистой воде твердый грунт, спасительную переправу. — Так, так, так, товарищ сыщик, думайте, думайте,— прошептал он, радуясь. — Надписей, инициалов на этом «дипломате» нет — значит, с этой стороны Озеров опасности не ждал. Но его сослуживцы, соседи, жена знали, какой чемоданчик у него имеется. И наверное, знали какие-то индивидуальные приметы «дипломата»? Если бы это был, допустим, Олин подарок и я не хотел ее расстраивать? Купил новый, точно такой же!»

Корнилов остановился посередине аллеи и оглянулся, отыскивая телефонную будку. Ничего похожего поблизости не было. Он быстро зашагал по направлению к Крестовскому мосту. «Там домик сторожа, там, наверное, есть и телефон»,— подумал Игорь Васильевич.

Пожилая сторожиха даже не взглянула на удостоверение, которое подполковник предусмотрительно, на случай, если откажет, протянул ей.

— Звони, миленький, звони,— сказала она доброжелательно. — От него не убудет, а двушек-то не напасешься.

Корнилов раскрыл записную книжку, нашел домашний телефон Лебедева. И уже когда набирал номер, ему пришла в голову еще одна интересная мысль, но он не успел додумать ее до конца — Лебедев уже снял трубку, сказал меланхолично:

— Слушаю...

— Володя, это я, Корнилов.

— Здравия желаю, товарищ подполковник,— почему-то обрадовался старший лейтенант.

— Ты когда с Озеровым встречался, не заметил, «дипломат» у него был или нет?

Лебедев помолчал немного. Потом сказал медленно:

— Был, товарищ подполковник. Я еще подумал: чего он ко мне с «дипломатом» вышел? Ведь снова к себе в кабинет возвращался. Боялся, что кто-то из сотрудников туда залезет?

— Какого цвета «дипломат»?

— Коричневый. Такой же, как мы у Аристарха изъяли. Небось им всем хаусмайор доставал.

— Молодец. Соображаешь,— сказал Корнилов.— В некоторых деталях ошибаешься, но направление верное. На службу не опоздай.— Он повесил трубку и полистал записную книжку. Раскрыл ее и несколько секунд внимательно разглядывал в частую мелкую голубенькую клетку страничку, словно ожидал, что на ней вот-вот появится ответ на мучивший его вопрос. «Похоже, что тот листок тоже из записной книжки»,— прошептал он.

— Записать чего надо? — спросила сторожиха, оторвавшись от вязанья.— Карандашик могу дать.

— Спасибо,— улыбнулся подполковник.— Обойдусь без карандаша. Еще разок позвоню.— Он захлопнул книжку, сунул ее в карман. Номер диспетчера гаража Корнилов знал наизусть.

Уже в машине, по пути в управление, он подумал: «А все-таки Озеров сглупил. Нелегко было бы нам доказать, что «дипломат» с билетом и книгой принадлежит ему. У страха глаза велики...»

24

Корнилов посмотрел на часы. Было ровно десять. И в этот момент в динамике раздался голос секретаря:

— Товарищ подполковник, к вам пришел Георгий Степанович Озеров.

— Пусть заходит,— как можно спокойнее отозвался Игорь Васильевич, а сам подумал, чуточку волнуясь: «Какая точность. Показная бравада или жизненный принцип?»

— Здравствуйте.— Озеров остановился в дверях, и Корнилов отметил коричневый «дипломат» у него в руке.

— Здравствуйте, Георгий Степанович. Проходите смелее, не стесняйтесь.

Озеров сел в кресло, поставил чемоданчик рядом.

— В последние дни замечаю пристальный интерес к своей особе.— Он улыбнулся, неестественно широко растянув губы.

— Есть у нас к вам интерес. Не буду скрывать,— серьезно, не отзываясь на улыбку, не подыгрывая, сказал подполковник.

— И это все из-за Алика Барабанщикова? — На его лице, имевшем какие-то неуловимые птичьи черты, промелькнула легкая гримаса сожаления.

«Если я буду ходить вокруг да около,— подумал Корнилов,— я ничего не добьюсь. Этому человеку есть что терять, он будет выкручиваться до последнего...»

— Сам по себе Барабанщиков для нас уже ясен...

— Но меня, надеюсь, ни в чем плохом не подозревают?

— Георгий Степанович, с разрешения следователя, я сейчас допрошу вас.

— Допросите?! — удивленно сказал Озеров и склонил голову чуть набок.

— Да. Допрос будет записан на магнитную ленту.— Корнилов щелкнул переключателем.

Озеров пожал плечами, словно бы говоря: записывайте, мне все равно. Но подполковник уловил еле заметную перемену в посетителе — Озеров сразу както собрался, исчезла напускная вальяжность, хотя глаза по-прежнему излучали доброжелательность.

— Когда вы купили ваш «дипломат»?

—«Дипломат»? — удивился Озеров.— Вот этот? — Он поднял чемоданчик с пола и показал подполковнику.

— Да. Этот.

— Давно. Точно не помню. Года два назад. Мне достал его Барабанщиков. У него точно такой же.

— Вы ничего не путаете? Может быть, этот «дипломат» у вас совсем недавно?

— Я ничего не путаю,— отрезал Озеров.— А в чем дело?

— Георгий Степанович,— жестко сказал Корнилов.— Вы купили этот чемодан три дня тому назад. Взамен оставленного вами в доме Барабанщикова...

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? — начал Озеров. Лицо у него стало бледным. Подполковник предостерегающе поднял руку.

— Выслушайте меня до конца спокойно. Вы купили этот чемодан три дня назад. Из новой партии. «Дипломат» чешского производства, их не было в Ленинграде больше года. Можно проверить.— Игорь Васильевич потянулся к чемодану.

Озеров беспрекословно отдал его. Корнилов щелкнул замком, поднял крышку и показал на маленькую шелковую полоску, вшитую в подкладку:

— Вот, видите, здесь несколько цифр, по которым торговые эксперты подтвердят мои слова. Вы поторопились восполнить потерю, Георгий Степанович. Покрасовались с чемоданом перед Лебедевым. И даже пришли с ним ко мне. Эта демонстрация вам серьезно повредила...

Озеров сидел не двигаясь, сцепив руки так сильно, что побелели пальцы.

— От кого вы узнали о гибели Барабанщикова?

— А он разве погиб? — деревянным голосом спросил Озеров.

Корнилов усмехнулся.

— Вы неосторожно себя ведете, Георгий Степанович. Сказали нашему сотруднику, что хаусмайор всегда возил ваш автомобиль на тео, и тут же сослались на то, что в субботу едете на станцию техобслуживания сами... Почему же сами? Да потому, что вы уже знали, что Барабанщикова нет в

живых. — Он помолчал, с интересом присматриваясь к Озерову. — Так кто же сказал вам о его смерти?

Озеров молчал. Теперь его бросило в жар. Очки его чуть запотели, он снял их и стал совсем похож на птицу. Чуть припухшие верхние веки наползли на закатившиеся красноватые глаза. Корнилову вдруг показалось, что Георгию Степановичу стало плохо, но Озеров провел рукой по лицу и пристально посмотрел в глаза подполковнику, словно хотел узнать, а что еще, какой сюрприз поднесет ему этот человек.

— Не хотите отвечать? Подумайте,— спокойно сказал Корнилов. — У вас, Георгий Степанович, есть два пути: первый — все рассказать начистоту. Этот путь самый короткий. И самый легкий для вас и для следствия. Второй путь — от всего отказываться. Ждать, пока вас не припрут к стенке уликами...

Озеров молчал...

25

Бесконечные, тягучие беседы с клиентами хаусмайора Барабанщикова, когда одни из них, начиная испытывать запоздалый стыд за столь сомнительное общение с ординарным жуликом, выкладывали о нем все, что знали, другие, щадя свое самолюбие, ограничивались односложными ответами на вопросы о практических выгодах, полученных от этого общения, наконец-то стали приносить свои плоды. Так бывает у исследователя, который долгие дни и недели следит за показаниями приборов, разносит их по графам рабочего журнала, строит графики, и в один прекрасный день картина поиска предстает перед ним во всей своей прекрасной обнаженности. События ускоряют свой бег, застывшее, казалось, еще недавно время словно срывается с цепи. Так произошло и с делом хаусмайора. Все сходилось на долговязой фигуре Георгия Степановича Озерова. Требовалось только собрать улики, удовлетворившие бы следователя, судей, которым в будущем предстояло решать судьбу Озерова, а самого Георгия Степановича заставить поднять руки. Или, если он не склонен к подобному проявлению эмоций, молча опустить голову. Но сделать это нередко бывает так же непросто, как и отыскать преступника.

В НТО Главного управления провели по просьбе Корнилова тщательную почерковедческую экспертизу странички из записной книжки. Сравнили почерк, которым была сделана непонятная для сотрудников запись, с почерком Озерова и убитого Рожкина. Оказалось, что запись сделана Рожкиным.

Заместитель директора института, в котором работал Озеров, согласился принять Корнилова немедленно.

— Третья комната на втором этаже,— сказала вахтерша.

«А Озеров работает в шестой,— вспомнил подполковник. — И тоже на втором этаже».

Он поднялся по лестнице, ступени которой за долгие годы были истоптаны тысячами посетителей, и прошелся по коридору. Комната заместителя директора находилась рядом с лестницей. Игорь Васильевич прошел мимо, разглядывая номера на дверях, остановился у той, на которой красовалась маленькая бронзовая табличка с номером шесть. За дверью слышались голоса. Подполковник постучал.

— Войдите,— раздалось из комнаты. Он узнал голос Озерова и распахнул дверь. Георгий Степанович сидел за небольшим канцелярским столиком, заваленным книгами. За двумя другими столами сидели женщины. Одна молодая, какая-то бесцветная, другая — пожилая яркая брюнетка. Увидев Корнилова, Озеров насторожился и начал отодвигать стул. Наверное, хотел встать.

— Простите, а товарищ Трофимов где сидит? — спросил подполковник.

— Вы прошли. Виталий Иванович находится в третьем кабинете,— ответила брюнетка приятным грудным голосом.

Корнилов поблагодарил и закрыл дверь, успев заметить растерянность на лице Озерова.

«Волнуйтесь, Георгий Степанович, переживайте. Может быть, это поможет вам принять важное решение или сделать необдуманный шаг,— подумал Корнилов. — Вы должны знать, что уже горячо. Мы уже рядом, мы не спим».

— Вы товарищ Корнилов? — спросила сухонькая седая старушка в маленькой приемной. — Виталий Иванович вас ждет.

Кабинет у Виталия Ивановича оказался таким же крошечным, заваленным книгами, папками. На окне в обычном графине стоял букет белых и черных гладиолусов.

Крупный, кряжистый мужчина лет пятидесяти, с копной чуть вьющихся светлых волос вышел из-за стола, протянул руку:

— Трофимов.

Показал Корнилову на единственное поистершееся кожаное кресло возле маленького столика с мраморной столешницей. Сам сел за стол. Сказал, кивнув на книжный шкаф:

— Книги и архивы скоро вытеснят из этого дома людей.

На одной свободной стене висела старинная гравюра с изображением наводнения в Петербурге, на другой — огромная стеклянная табличка с надписью: «Курить строго воспрещается».

— За время моей работы в институте представитель милиции впервые в этом кабинете,— сказал Виталий Иванович. — А я здесь уже пятнадцать лет. Что-то стряслось серьезное?

— А разве после убийства Рожкина никто в институт не приходил?

Трофимов нахмурился.

— Да, приходили. Я знаю. Но сам был в экспедиции.

Корнилов вытащил из кармана конверт, извлек страничку блокнота, протянул заместителю директора.

— Виталий Иванович, эта запись ничего вам не говорит?

Трофимов взял листок, внимательно прочитал, посмотрел на оборот листка.

— Не очень понятная запись... Что имел в виду писавший? Какой архив? Если наш, то у нас всегда стоят впереди буквы ЛИ — Литературный институт. В Пушкинском доме П и Д — Пушкинский дом... А здесь...

— Значит, все-таки архив? — быстро спросил подполковник.

— Конечно! О и Ф — означают «общий фонд». Первые три цифры, наверное, номер описи. Потом номер дела, номер листа. Если, конечно, речь идет об архиве.

— А если человек делает запись для себя? — сказал Корнилов. — Для памяти, так сказать. Зачем ему писать первые две буквы Л И, он ведь их так знает...

— А кто писал?

— Рожкин.

— Рожкин? Николай Михайлович? Значит, это наш фонд. Правда, он работал и в других архивах. В ЦГАЛИ, в Литературном музее.

— Можно посмотреть, что скрывается за этим номером в вашем архиве?

— Конечно. — Виталий Иванович что-то написал на маленьком твердом листке, встал из-за стола, открыл дверь в приемную.

— Мария Михайловна,— позвал он секретаря. — Очень прошу вас истребовать эту папку. — Трофимов протянул ей листок.

— Вы думаете, знакомство с архивом поможет вам в вашей работе? — спросил он, вернувшись на свое место за столом.

Корнилов пожал плечами.

— Так, так, так... — быстро пробормотал Трофимов. — Интересно. Очень интересно. А почему вы заинтересовались только этой папкой? Ведь у Рожкина в его бумагах осталось, наверное, немало таких записей? Он все время работал с архивами.

— Убийца не тронул ни деньги, ни документы Рожкина. Дорогие часы, подарок вашего института, остались на его руке. Пропала только записная книжка. Несколько дней назад мы нашли этот листочек, вырванный из нее. — Корнилов тронул рукой страничку. — Один этот листок в клеточку с записью. Можем ли мы пройти мимо папки, номер которой написан здесь рукою убитого?

— Так, так, так. — Теперь в скороговорке Трофимова сквозила тревога. — В высшей степени любопытно. В высшей степени! Вы не курите? — вдруг обратился он к подполковнику.

— Курю. Но у вас такие объявления. — Игорь Васильевич кивнул на табличку «Курить строго воспрещается».

— Да, да! Запреты, запреты. У нас же всюду бумаги, Архивы. Ценнейшие архивы. Но мы закроемся. — Виталий Иванович хитро улыбнулся, достал из стола пачку «Столичных», маленькую пепельницу, повернул в двери ключ. — Мария Михайловна постучит.

Они с удовольствием закурили.

— Виталий Иванович, а что вы можете сказать об Озерове? — спросил Корнилов.

— Вы и с ним знакомы? — удивился Трофимов.

— Немножко.

— Георгий Степанович способный ученый. В двадцать семь защитился. У него уже была готова докторская, но... — Виталий Иванович поморщился. — Озеров стал разбрасываться, занялся кладоискательством.

— Кладоискательством? — удивился подполковник.

— Не в прямом смысле. Хотя при известном допуске. — Трофимову явно не нравилась тема «кладоискательства» Озерова. — Он стал искать пропавшие библиотеки. Библиотеку Ивана Грозного, которая якобы спрятана в Александрове Владимирской области, библиотеку Демидова. — Трофимов помолчал, раздавил в пепельнице сигарету. — Ничего плохого в этом нету. Я сам в молодости мечтал отыскать библиотеку Грозного. Но Озеров стал манкировать научной работой, два года подряд не выполнил план. Мы как-то поставили вопрос на ученом совете, предложили Георгию Степановичу провести летом экспедицию в Александрове, привлечь студентов. Мы даже на это пошли. Он не захотел. Сказал, что массовость погубит дело. А получается, что он губит себя...

В дверь осторожно постучали.

— Прячьте сигарету,— шепнул Виталий Иванович.

Корнилов загасил окурок, положил в пепельницу. Трофимов спрятал пепельницу в стол, разогнал какой-то папкой дым и только тогда открыл дверь.

На пороге стояла Мария Михайловна:

— Виталий Иванович, шестой папки на месте нет.

— Кто с ней работает?

— Никто не работает.

— Мария Михайловна, ну куда же она могла деться? — Трофимов говорил тихо, но в его голосе явно чувствовалась тревога. — Что говорит Герман Родионович?

— Герман Родионович крайне обеспокоен. Он... — Мария Михайловна не успела договорить. В кабинет вошел пожилой сухощавый мужчина. Наверное, от волнения на щеках у него горели пунцовые пятна.

— Виталий Иванович,— чуть заикаясь, громко сказал он. — У нас чепе, пропала шестая папка. Нет, нет! Это исключено,— мотнул головой мужчина, заметив, что заместитель директора хочет возразить. — В другое место она попасть не могла. Пропала также опись и формуляр из картотеки... — закончил он убитым голосом.

— Герман Родионович, что могло быть в этой папке? — тихо спросил Трофимов.

— Там были письма Жозефины Наполеону.

— Черт знает что такое! — Виталий Иванович посмотрел затравленно на Корнилова, словно тот был виноват в пропаже, открыл стол, вытащил пепельницу и, уже не таясь, закурил.

Мария Михайловна и Герман Родионович молчали.

— Садитесь, Герман Родионович. Закурите. — Трофимов толкнул сигареты на середину стола. — Спасибо, Мария Михайловна, вы свободны.

Герман Родионович достал сигарету, закурил. Руки у него дрожали.

— Это товарищ Корнилов с Литейного,— Виталий Иванович кивнул головой в сторону подполковника.

— Из Управления внутренних дел,— уточнил Игорь Васильевич, потому что на Литейном, четыре, они размещались вместе с Комитетом госбезопасности.

— Герман Родионович заведует у нас архивом,— сказал Трофимов. — Никак не могу прийти в себя. Письма Жозефины! Куда их там засунули?!

— Их никуда не засунули,— медленно, чуть ли не по складам выдавил Герман Родионович. — Их украли. Товарищ Корнилов ведь недаром к нам приехал.

— Вы что, знали об этой пропаже? — с удивлением и с надеждой воскликнул заместитель директора, обернувшись к подполковнику.

— Нет. Не знал. Но у меня есть листок, на котором рукою покойного Рожкина была записана эта шестая папка...

— Рожкина? — встрепенулся заведующий архивом. — Рукою Рожкина? Да, да! Николай Михайлович работал с этой папкой. Он брал ее за несколько дней до смерти. Он же занимался войной двенадцатого года...

— А кто еще работал с этими документами? — спросил Корнилов.

— Ну-у... — Герман Родионович смешно помахал перед собою руками, словно хотел отыскать ответ в струйках сизого табачного дыма. — Озеров работал. Ну, этот из праздного любопытства. Считает, что в переписке французов, воевавших в России, можно найти упоминание о том, где затопили подводы из разграбленной Москвы.

— Давно брал Озеров эту папку?

— Разве упомнишь,— сказал обиженный таким вопросом заведующий архивом. Но похоже было, что памятью он обладает отменной, потому что тут же добавил: — Думаю, что в апреле. В конце апреля.

— Вот и спросим сейчас Георгия Степановича, на месте ли были в то время письма Жозефины. — Виталий Иванович снял трубку и набрал трехзначный номер.

— Алла Семеновна? Здравствуйте. Это Трофимов. Попросите Георгия Степановича заглянуть ко мне.

Корнилов услышал, как густой женский голос ответил:

— Георгий Степанович ушел. Он плохо себя чувствует.

«Наверное, брюнетка»,— машинально подумал Игорь Васильевич.

— Давно ушел?

— Только что.

Трофимов повесил трубку.

— Пять минут назад заходил ко мне в архив живой, здоровый,— проворчал Герман Родионович.

— Он был у вас в архиве, когда туда пришла Мария Михайловна? — Корнилов даже подался в сторону заведующего архивом. — Пришла за шестой папкой?

— Да.

— Извините, Виталий Иванович. — Подполковник встал. — Мне нужно позвонить.

— Пожалуйста. — Трофимов пододвинул ему один из аппаратов. — Этот городской.

...Трубку снял Белянчиков.

— Юрий Евгеньевич, возьми с собой Лебедева и срочно на квартиру Озерова. Пулей! Если его еще нет, подождите. Я попрошу у прокуратуры разрешение на обыск...

Корнилов положил трубку и посмотрел на часы: было без пяти два...

В четырнадцать часов двадцать минут он был уже в своем кабинете на Литейном, 4.

В четырнадцать тридцать Корнилову позвонил Белянчиков и доложил, что в квартире Озерова на звонок никто не отзывается.

— Ждите,— сказал подполковник.

В четырнадцать тридцать пять прокурор дал разрешение на задержание Озерова и проведение обыска в его квартире. Бугаев, к этому времени уже выяснивший место работы Елены Дмитриевны, супруги Озерова, и дожидавшийся в кабинете подполковника окончания его разговора с прокурором, молча поднялся с кресла и направился к двери. У подъезда его ждала оперативная машина, чтобы ехать за Еленой Дмитриевной — обыск в квартире Озеровых хотели провести в ее присутствии.

На первом этаже, в просторном зале дежурного по городу, оператор передавал во все отделения милиции при вокзалах и в аэропортах подробные приметы Озерова. Работники Госавтоинспекции получили указание задержать автомашину «Волга» цвета «антрацит» с номерным знаком 14-59 ЛЕШ, а ее владельца доставить в Главное управление.

«Как бы этот тип не натворил еще глупостей,— с тревогой подумал Игорь Васильевич, когда в пятнадцать тридцать дежурный по городу доложил ему, что никаких сведений о разыскиваемом еще не поступило. Подполковнику почему-то показалось, что Озеров может решиться на самоубийство. — Разве мыслимо пережить момент, когда коллеги и ученики станут свидетелями твоего позора в зале суда? — Но, подумав так, Корнилов невесело усмехнулся. — Хорошо, что у вас в голове, товарищ милиционер, хоть изредка мелькают такие мысли. Можете не спешить с увольнением в запас. Только Озерова вы скорее всего переоценили».

В пятнадцать сорок дежурный позвонил снова и доложил, что Озеров задержан на Московском вокзале.

Георгия Степановича арестовали в тот момент, когда он доставал из багажного автомата небольшой, желтой кожи чемодан. В чемодане лежали несколько чистых рубашек, пижама, галстук, электробритва «филиппс» и множество мелочей, без которых не отправляется в дорогу человек, привыкший к комфорту. Кроме того, там был фирменный институтский конверт с девятьюстами двадцатью долларами двадцатидолларовыми купюрами и тонкий портфельчик с пожелтевшими от времени бумагами и несколькими инкунабулами. Среди бумаг — подлинных бумаг! —

подписанный императором Петром Алексеевичем мирный договор со шведами, письма канцлера Горчакова поэту Тютчеву.

— А где же письма Жозефины? — поинтересовался Корнилов, когда Озерова привели к нему в кабинет.

Георгий Степанович не ответил. Он рассеянно смотрел в окно, на зеленые и коричневые ребристые крыши домов, где давно уже отслужившие свою службу печные трубы напоминали бессрочных часовых, расставленных каким-то сумасшедшим разводящим.

— Они у вас? Дома? — с тревогой спросил подполковник.

— Нет. Не у нас. Не дома,— совсем тихо, почти шепотом ответил Озеров и неожиданно закричал, стуча кулаком по костлявому колену: — Проклятая шпана! Шпана! Шпана! Он взял их у меня, чтобы переснять, а через неделю принес эти доллары!

— А почему письма Жозефины оказались у вас? И Петровский договор? И письма Горчакова? Почему?

Озеров посмотрел на подполковника с тоской:

— Вам знаком запах старых книг, запах архива? А древние рукописи? Вы держали их в руках? Листали? — Корнилову показалось, что Георгий Степанович вот-вот разрыдается. — Нет, нет, это может понять только такой книжный червь, как я...

— А Николай Михайлович Рожкин понимал? — спросил Корнилов.

Озеров вздрогнул.

— Вы думаете... я? Колю?

— Он обнаружил пропажу писем Жозефины?

Георгий Степанович кивнул.

— И вы сказали об этом Барабанщикову?

Снова молчаливый кивок.

— И после этого не считаете себя убийцей?

— Коля дал мне три дня, чтобы я вернул письма в папку. Но я хотел иметь хотя бы копии. Хотя бы копии... Чтобы лежали всегда под рукой, рядом, в моем шкафу. А эта шпана...

— Я вам не верю, Георгий Степанович,— тихо сказал Корнилов. — Хотите прикинуться библиоманом? А доллары? Вам не архивная пыль была нужна, нет. Вы хотели превратить ее в золотую. Неужели всех ваших знаний не хватило на то, чтобы понять, на что вы подняли руку?

Машина остановилась у светофора. Корнилов рассеянно смотрел в окно. На улице было многолюдно. У зеленого, наспех сколоченного лотка стояла очередь. Продавали арбузы. «А я в этом году еще не попробовал,— подумал Игорь Васильевич. — Собраться бы как-нибудь в Астрахань, пожить на бахче, поесть арбузов вдоволь...»

Уже загорелся зеленый, и машины медленно тронулись, когда подполковник наткнулся взглядом на большую красную вывеску: «Строительный трест 700». «Новорусский здесь заправляет делами. Может быть, зайти самому? Не ждать, когда Бугаев опять пикироваться с ним начнет?» Подумав так, Корнилов попросил водителя:

— Саша, развернись. Заедем в стройтрест.

В просторном коридоре, отделанном дубовыми панелями, было пустынно. Около двери с табличкой: «Управляющий. Прием по личным вопросам в четверг с 15 до 18», висело большое объявление: «6 сентября профсоюзное собрание. Материальные и моральные стимулы нашего труда. Докладчик — управляющий трестом товарищ Новорусский М. И.».

В кабинете они молча сели друг против друга за большим, накрытым зеленой скатертью столом. Новорусский закурил.

— Михаил Игнатьевич, несколько лет подряд вы снимали дачу в деревне Орлино.

— Да. Снимал.

— Нам стало известно, что вы бывали в старой Орлинской церкви. Интересовались иконами?

— Вы бы мне сразу сказали, в чем дело? — устало попросил Новорусский. — А то будем ходить вокруг да около...

— Я не в прятки пришел к вам играть,— рассердился Корнилов. — Отвечайте на вопрос.

Новорусский как-то обреченно вздохнул и с силой раздавил сигарету в пепельнице.

— Да. Ходил в церковь. Интересовался иконами. Просил сторожа показать мне их. Потом приводил жену...

— Рассказывали Барабанщикову про иконы?

— Рассказывал. Рассказывал! Черт бы побрал этого Барабанщикова! Чего он еще натворил? Меня уже неделю донимают вопросами об этом человеке.

— Барабанщиков полез в церковь за иконами. Упал и разбился насмерть,— сказал Корнилов.

— Кто же мог подумать, что он вор! — Михаил Игнатьевич достал новую сигарету.

— Не только вор, Михаил Игнатьевич, но и убийца. В прошлом дважды судимый. Не так давно застрелил ученого. И знаете почему?

Новорусский молчал, исподлобья глядя на Корнилова.

— Потому что другой ученый... — подполковник брезгливо поморщился. — Нет, нет, что я говорю?! Какой ученый? Просто клиент Барабанщикова, оказавшийся родственником ему по духу, стал сбывать через него иностранцам ценнейшие для нашей истории документы и рукописи из архива. А когда честный человек поймал его за руку и потребовал все вернуть, этот клиент рассказал о грозящей опасности своему фуражиру... Убийце.

Новорусский подавленно молчал.

Корнилов поднялся. Посмотрел на управляющего с сожалением.

— До свидания, Михаил Игнатьевич.

— До свидания,— тихо, не поднимая головы, отозвался Новорусский. Он щелкнул изящной зажигалкой. Прикурил. Корнилов заметил, что рука его еле заметно дрожала.

НРАВСТВЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

В лучших произведениях нашей детективной литературы исследуются серьезные и важные проблемы жизни. Важнейшая из них — проблема нравственной позиции героев.

Для серьезного писателя, как и для тех его героев, которые расследуют преступление, важно не только решить задачу — кто преступник, необходимо разобраться в обстоятельствах и мотивах преступления, проследить первопричины, сделавшие возможным его совершение, показать не только тех, кто встал на стезю зла, но и тех, кто в силу своей беспринципности или нравственной глухоты сделал возможным совершение преступления. К этой категории произведений относятся книги Сергея Высоцкого, в том числе и один из последних его романов «Среда обитания».

Когда пишут о детективах, нередко рассматривают этот жанр литературы лишь как своеобразную игру в сыщиков и преступников. Преступник творит зло, сыщик его обезвреживает. А конец у детектива всегда закономерный — обязательно будет изобличен преступник. Конечно, без этого детектив как жанр потеряет свои специфические свойства, и в таком рассуждении есть рациональное зерно. Зло наказуемо, рано или поздно преступление будет раскрыто и преступник наказан. Но если писатель идет от жизни, а не от схемы, то не в «игре», не в закономерном конце заключается смысл произведения. Он гораздо глубже, чем внешняя фабула. Важно только уметь показать это.

Для прозы С. Высоцкого характерно пристальное внимание к духовному и нравственному миру человека. Его герои, и прежде всего подполковник Игорь Васильевич Корнилов, люди высоких нравственных идеалов. Они работают в уголовном розыске потому, что любят людей. Занимаясь розыском и изобличением преступников, они даже этих нравственно опустившихся людей стремятся вернуть к честной жизни. Раскрывая равнодушие и эгоизм представителей «среды обитания», их жадность, частнособственнические взгляды, привычки, ярко выраженную тягу к стяжательству, С. Высоцкий как бы призывает читателя вместе с ним осудить эти чуждые советским людям нравы и образ жизни, воспитывает в читателе чувство принципиального неприятия этих взглядов и ущербной морали. Именно эти пороки, как считает подполковник Корнилов, являются первым шагом человека к тому, чтобы перейти порой так трудноразличимую черту, отделяющую проступок от преступления. Ни внешний лоск, ни начитанность, ни даже образование не могут сами по себе дать человеку четкие представления о добре и зле, стать для него гарантией от совершения серьезного проступка.

Особенно сурово и яростно обличает писатель стяжательство, с полным основанием рассматривая это разъедающее человеческую душу зло как одно из основных качеств, ведущих человека в темный мир преступлений. Именно в среде разгоряченных, упоенных собственной удачливостью, вкусивших силу «звонкой монеты» приобретателей, стяжателей и накопителей чувствуют себя в безопасности и такие преступники, как воры и грабители.

Обличая это общественное зло, С. Высоцкий стремится к тому, чтобы его произведения служили важной и благородной цели — делу морально-нравственного воспитания.

И. КАРПЕЦ,
заслуженный деятель науки РСФСР,
доктор юридических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

Станислав Семенович Гагарин

ТРИ ЛИЦА ЯНУСА

Повесть

Сергей Александрович Высоцкий

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Роман

Редактор Г. ПАНКРАТОВА

Художественный редактор *С. Гераскевич.* Технический редактор *Л. Ковнацкая.*
Корректоры *Л. Овчинникова и Т. Филиппова*
Авторы фото: *С. Гагарина — Р. Пунг, С. Высоцкого — А. Награльян*

Сдано в набор 18.11.83. Подписано в печать 04.01.84. А10501. Формат 84×108 1/16. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,6. Уч.-изд. л. 16,18. Тираж 2 298 000 экз. (2-й завод 500 001—2 298 000 экз.). Заказ 1174. Цена 1 р. 42 к.

Наш адрес: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература»

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате ВО Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Чехов Московской обл. Зак. 3225

В пятом номере
«Роман-газеты»
ЧИТАЙТЕ РОМАН
лауреата Ленинской премии
АЛЕКСАНДРА ЧАКОВСКОГО
«НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ»

Роман повествует о последних днях американского президента Франклина Делано Рузвельта. Главное внимание в романе уделено важнейшему аспекту политики Рузвельта — его отношению к Советской России, которое во многом определило и обусловило союз обоих государств в годы второй мировой войны, в совместной борьбе с фашизмом.

Как умный и реальный политик, Рузвельт строил отношения Соединенных Штатов с Советским Союзом на началах добрососедства, взаимной выгоды и уважения. Эти факты истории, нашедшие отражение в романе, невольно помогают извлечь урок для современности. В этом злободневность и главное достоинство нового документального произведения А. Чаковского.

70782

1 р. 42 к.

0 70

39-13